СЕНЕКА

ТРАГЕДИИ

ACADEMIA

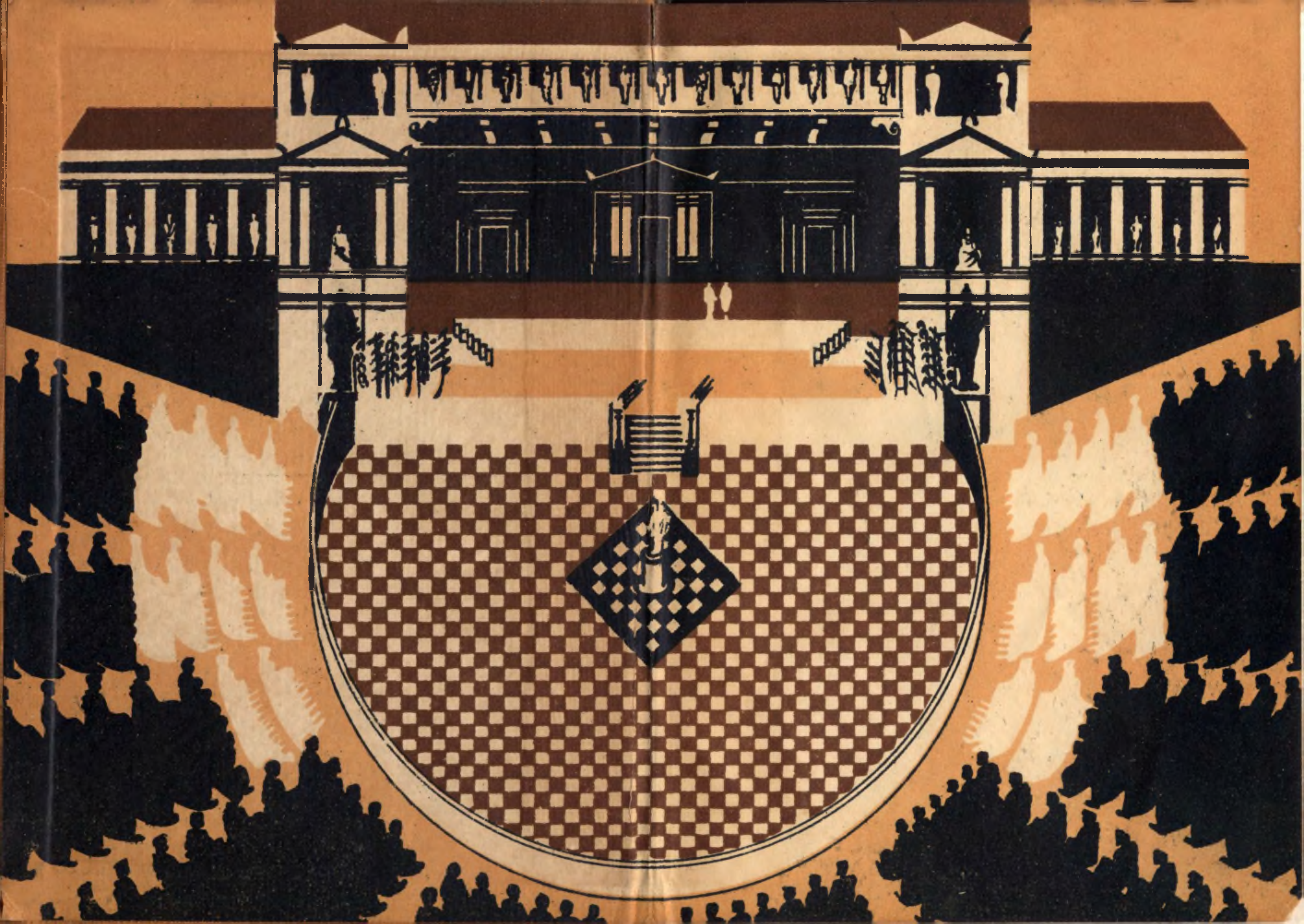
СЕНЕКА
ТРАГЕДИИ
ACADEMIA

СЕНЕКА

ТРАГЕДИИ

ACADEMIA

ACADEMIA

СОКРОВИЩА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕНЕКА

ТРАГЕДИИ

ACADEMIA МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

ЛЮЦИЙ АННЕЙ
СЕНЕКА

ТРАГЕДИИ

В ПЕРЕВОДЕ

СЕРГЕЯ СОЛОВЬЕВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ

СТАТЬЯ

Н.Ф. ДЕРАТАНИ

ACADEMIA

1933

LUCIUS ANNAEUS SENECA

TRAGOEDIAE

Иллюстрации и заставки, титульные листы, переплет и супер-обложка работы П. Алякринского

СЕНЕКА И ЕГО ТРАГЕДИИ

Сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как **диктатуры рабовладельцев**.

Ленин

Упивается кровию граждан своих
Неистовый Рим.

Трагедия „Октавия“

Эти трагедии переносят нас в античный рабовладельческий Рим, в отдаленную от нас эпоху кровавого императора Нерона.

Более полустолетия отделяет эту эпоху от того момента, когда отгремели последние раскаты упорной гражданской войны, в которую выливалась обострившаяся классовая борьба в конце римской республики. Уже перестали биться честолюбивые вожди, лидеры разных социальных групп, заигрывавшие с демократией и опиравшиеся на денежный капитал и армию. Еще в 31 году до нашей эры молодой Октавиан, потом прозванный „Август“, т. е. Священный, разбил последнего своего противника и остался один во главе государства. Началась эпоха цезаризма. Что это была за власть? Она отличалась противоречивым характером, объяснявшимся продолжавшими развиваться противоречиями разных слоев господствующего класса. Старая родовая аристократия, хотя сильно деградировала и была значительно ущемлена минувшей гражданской войной, представляла все еще значительную силу и, привет-

ствуя прекращение гражданских войн, естественно желала восстановления прежней республики и своей былой мощи. Торгово-денежные плебейские слои, на которые главным образом опирался Август, поддерживали императора и новый режим, стремясь проникнуть к власти. Побаиваясь аристократии, Август якобы высоко ставил авторитет сената, называл себя лишь „первым между равными“, считал себя „восстановителем республики“, говорил, что он передал государство во власть сената и римского народа, хвалился тем, что он отказался от трижды предлагаемой ему неограниченной власти, но вместе с тем, держа в своих руках высшую военную и гражданскую власть, совмещая в своем лице многие республиканские магистратуры, он и последующие императоры фактически были неограниченными монархами, хотя отнюдь не отождествляли себя с восточными деспотами.

С наступлением цезаризма процесс деградации родовой аристократии и возвышения торгово-денежных демократических слоев продолжался, тем более, что этот процесс форсировали сами императоры, укреплявшие свою власть; они образовали вокруг себя новую, более надежную придворную аристократию из представителей торгового, денежного и ростовщического капитала; они вытесняли родовую аристократию и из сената; они выдвигали на передовые посты и приближали к себе в первую очередь лиц из цензового сословия „всадников“, а затем выдвигали и бывших рабов, вольноотпущенников, богатевших на торговых предприятиях и достигавших при некоторых императорах громадного влияния (что было началом разложения античного рабства).

Таково было в первые времена цезаризма движение противоречий в среде господствующего класса. Ведь в конце концов крупные торгово-денежные слои и вытесняемая ими родовая аристократия, под которую они все

же подделывались, составляли один общий паразитический, непроизводящий и уже обреченный, разлагающийся класс богатых рабовладельцев; это были эксплоататоры масс рабов, труд которых подрывал производство свободных ремесленников и крестьян. Многие из этих богачей владели громаднейшими поместьями, сохраняя натуральное хозяйство, которое при застойном рабовладельческом способе производства продолжало процветать с развитием денежного хозяйства и даже играло ведущую роль в античной экономике. Некоторые богачи даже не видели всех своих владений и едва знали в лицо десятую часть своих рабов. Какие сказочные пышные пиры задавали они, угощая гостей всякими редкостями, изготовляемыми в их поместьях!..

А императорский режим делался все жестче. Боясь родовой аристократии, раздраженной продолжавшимся возвышением плебейских разбогатевших слоев, императоры все ревностнее стали оберегать свою власть. Еще Октавиан-Август, сохраняя видимость республиканской „свободы", на самом деле больше всего боялся этой свободы, и уже при нем стала развиваться система шпионажа, повлекшая большие репрессии. Его преемник Тиберий (14—37 гг. нашей эры) ввел закон об „оскорблении величества"; республиканская власть императоров принимала ярко деспотический характер. Подозрительны были особенно люди высшего, господствующего класса, имевшие какое-либо влияние. Часто по ложному доносу сенатор или другой государственный деятель должен был подставить свою грудь удару меча, а то выпить яд или принять „почетную" смерть — вскрыть себе вены. Придворные интриги, фаворитизм усиливали террор. Избалованные раболепием императоры требуют себе божеских почестей; например, император Калигула (37—41 гг.) любил наряжаться богом и заставлял воскурять себе

фимиам вместо Юпитера. Семейная жизнь первых императоров обратилась в сплошную скандальную уголовную хронику, полную убийств, интриг и разврата. Достаточно упомянуть неистовую в разврате убитую придворными жену императора Клавдия Мессалину, посещавшую публичные дома, или отравление самого Клавдия его второй женой Агриппиной.

Но всех превзошел преемник Клавдия — Нерон (54—68 гг.). Этот император, певец, поэт и музыкант, любитель править лошадьми на ристалищах в цирке, отравил своего брата Британника, умертвил свою мать Агриппину, издеваясь над ее трупом, казнил свою первую жену Октавию и женился на своей любовнице Поппее, которую тоже убил ударом башмака. Нерон любовался грандиозным пожаром Рима, уничтожившим больше трети города, и декламировал в это время стихи о сожжении Трои, а потом, найдя мнимых виновников пожара — людей христианской секты, устроил из них живые факелы для иллюминации своих садов. При Нероне деспотизм достиг своего полного развития. От этого деспотизма страдал, как было упомянуто, особенно высший, господствующий класс. Поэтому, если мелкие ремесленники и торговцы, консервативные по своей природе (Маркс), спокойно сидели в своих лавках и мастерских, украшая их бюстами императоров, если рабы были придавлены, а городской паразитический лумпенпролетариат искал лишь „хлеба и зрелищ“, то именно в высшем классе таилась оппозиция тиранической власти. Официально сенат раболепствовал, писатели плели чудовищную лесть, например, описывая апофеоз Нерона и радостный прием его на небе, а за кулисами, на пирах, в кружках шли разговоры другого качества, создавалась тайная литература памфлетов и эпиграмм на императора. Редко кто из людей высшего класса мог быть вполне спокоен за свою

жизнь. Это беспокойство за свою жизнь часто соединялось у этих богачей-рабовладельцев с пресыщенностью жизненными благами. Все это в связи с углубленным индивидуализмом содействовало успеху в этих паразитических слоях всех пессимистических упадочных философий и главным образом идеологии стоицизма. Эта философия возникла на сходной социальной почве в IV в. до хр. эры в Греции в результате начавшегося экономического упадка и разложения как высшего разбогатевшего класса, так и низших слоев. Чему учила эта философия? Человек должен закалять себя в „добродетели", подавлять страсти, во всем соблюдать меру; счастье не в богатстве, не в славе, а в спокойствии духа; нечего добиваться высокого положения и почета — они всегда непрочны; лучше жить в тиши и незаметно; лучше оставить роскошь и жить ближе к природе. Все несчастья человека объясняются роком, судьбой, тяготеющей над людьми и предопределяющей всю их жизнь.

Такой фатализм был конечным отражением застойного рабовладельческого способа производства, исключавшего представление о внутреннем развитии во времени, и особенно был идеологией торговых слоев, в деятельности которых удача сменялась непредвиденной неудачей.

Тело своими страстями, продолжала учить эта философия, оскверняет душу, частицу божества; задача философии — освободить дух от тела; иногда лучшим выходом является смерть.

Вот какая практическая антиобщественная философия явно упадочных классов удовлетворяла римских богачей. Мы знаем, что богатые люди часто брали к себе в дом философа как воспитателя детей и как бы духовника. Такая философия могла утешить в случае изгнания; она учила не бояться смерти; в затруднительных случаях она рекомендовала даже самоубийство, чтобы предупредить ожидаемую

казнь; она учила красиво и хорошо умирать. Эта философия, проповедуя презрение к богатству, хорошо примиряла богачей с возможной конфискацией их имущества. Их доведенная до крайности пресыщенность жизнью переходила в любовь к простой и умеренной жизни как к пикантной новизне; недаром некоторые богачи, при всей своей роскоши, спали на голых досках и устраивали в своих хоромах „комнату бедняка“, где ели из глиняных сосудов и т. д. Усвоение такой философии было известной формой классовой борьбы плутократических верхов с меняющимися придворными группировками, на которые опирался император.

И литература этой эпохи окрашивается стоицизмом. Молодой философ Персий пишет даже сатиры, пропитанные стоической философией. Но самым ярким и пламенным проповедником стоической морали и выразителем настроения господствующего класса был философ Сенека.

*

Люций Анней Сенека был родом из испанского города Кордубы (теперь Кордова); родился при Октавиане-Августе и принадлежал к провинциальному цензовому сословию „всадников“. В Риме Сенека получил философское и реторическое образование; при Тиберии занимался красноречием, при Калигуле выступал в качестве адвоката и чуть не поплатился жизнью за одну свою речь; при Клавдии в 41 году был сослан в изгнание на остров Корсику по обвинению в связи с одной особой императорского дома, а на самом деле из зависти императора к его литературному успеху. После восьмилетней ссылки, в 49 г., Сенека был возвращен, сделался претором и был назначен воспитателем будущего императора Нерона. С правления последнего (с 54 г.) начинается самый блестящий период деятельности Сенеки. Льстиво угождая новому

императору, Сенека пишет злую сатиру на умершего императора Клавдия, назвав ее „Отыкваление“; он ядовито высмеял несостоявшийся апофеоз Клавдия, изобразив появление его на небе, но обращение не в бога, а... в тыкву (символ глупости). Нерон выдвигает Сенеку на высшие государственные должности; в 58 г. он назначается консулом и становится первым лицом после императора. Под его влиянием как философа Нерон сначала проявляет гуманность в правлении, но потом, поддаваясь наговорам враждебных Сенеке лиц, усиливает свою жестокость и вследствие этого вступает в частые столкновения со своим наставником.

В придворных кругах начинают упрекать Сенеку в том, что он, вопреки своим философским убеждениям, увеличивает свои богатства, что красотой садов и великолепием вилл побивает самого императора, что он смеется над страстью Нерона к искусству и т. д. В 62 г. Сенека должен был удалиться от двора. Он отказывается от управления своими имениями, от всякой роскоши и ведет чисто стоический образ жизни, питается плодами, пьет проточную воду. В 64 г. Нерон неудачно попытался отравить философа, а в 65 г., обвинив его как участника раскрытого в высших слоях заговора, приказывает е у вскрыть вены. Как рассказывает историк сенатской партии Тацит, Сенека перед смертью попросил разрешить ему написать завещание своим друзьям, но, получив отказ, заявил, что лучшим завещанием для них является его образ жизни. Медленно вытекала кровь из его старческих вен, — рассказывает Тацит, — тогда он принял яд; когда и яд не подействовал, тогда его внесли в горячую баню, где он задохнулся от пара.

Такова вкратце карьера этого человека. Сенека оставил нам ряд философских трактатов на разные темы стоической морали: „О гневе“, „О гуманности“, „О кратко-

временности жизни", „Письма к Луцилию" и др. Классовая сущность этих писаний проявляется весьма ярко. Проповедуя, что „добродетель" для всех одинакова, даже для рабов, что душа у всех — бог и что все люди равны, Сенека тем не менее имеет в виду лишь свой высший господствующий класс; только этим людям он дает советы, только с ними беседует и учит стоической морали. Одного скучающего богача он спасает от меланхолии, другому, перепробовавшему все удовольствия, дает совет искать выхода в смерти; он обращает в стоицизм своего друга изнеженного эпикурейца Луцилия. И любопытно, что суровую стоическую мораль он гибко приспособляет к психоидеологии своего класса. Как быть с богатством, когда стоицизм требует отказа от него? Не могли же эти люди отказаться от богатства, если только оно выдвинуло их. У Сенеки стоицизм приобретает специфические черты, вызванные бытием его класса. Оказывается, стоику вполне можно умеренно пользоваться богатством, лишь не следует поддаваться ему; богатство дает возможность стоику проявить высокие качества духа и т. д. Такой компромисс и понятен. Иначе и не мог рассуждать человек, сам обладавший капиталом, примерно в 20 миллионов рублей, роскошными поместьями и виллами. Недаром, как мы уже видели, его упрекали в противоречии его учения и жизни, например указывали и на то, что его жена „носит в ушах доходы нескольких имений" и что на пирах он угощает вином, которое старше его самого. Но не только эта противоречивость выдавала его как яркого выразителя психоидеологии своего класса, — Сенека был таковым и в другом отношении. В его сочинениях мы находим высказывания против деспотического режима Нерона и отчасти других императоров. Особенно важен трактат „О гуманности", обращенный к Нерону. Сенека поучает своего воспитанника, каковы должны быть поступки мо-

нарха: он должен руководиться гуманностью, не должен походить на жестокого тирана, ему лучше опираться на доверие граждан, которые должны его любить, а не бояться; непрочна власть тирана, основывающаяся на принципе: пусть ненавидят, лишь бы боялись; император должен быть справедливым монархом и т. д. Восставал ли Сенека против цезаризма по существу? Конечно, нет. Он не разделял стремления части родовой аристократии, мечтавшей, как мы указывали, о восстановлении аристократической республики. Придворный дипломат, он слащаво критиковал императора с точки зрения стоической морали, наивно думая этими булавочными уколами исправить его. Такая оппозиция вполне отвечала настроенности большинства его класса, не желавшего возврата старинной республики, но терроризованного деспотией и за кулисами точившего кинжал на Нерона. Сенека был лидером оппозиции своего класса.

Однако не всегда Сенека мог высказываться открыто. Это стало совершенно невозможно особенно тогда, когда Нерон после сравнительно мягких первых лет правления обратился в жестокого и сумасбродного деспота. Тогда Сенека прибегает к замаскированному способу высказывания своих философских и оппозиционно-политических взглядов. Так возникли его трагедии.

Под именем Сенеки до нас дошли десять трагедий: „Медея“, „Федра“, „Эдип“, „Агамемнон“, „Тиэст“, „Геркулес Этейский“, „Неистовый Геркулес“, „Троянки“, „Финикиянки“ и „Октавия“. Из них лишь одна „Октавия“ почти бесспорно не принадлежит Сенеке, а написана его подражателем из того же высшего класса (см. примечания к этой трагедии).

Шесть трагедий мы предлагаем в русском переводе нашему читателю. Здесь нет надобности излагать содержание этих трагедий — читатель познакомится с ним в

предисловии к каждой из них, — здесь мы бросим общий взгляд на этот памятник.

Кроме трагедии „Октавия“, сюжеты наших трагедий взяты из богатой сокровищницы греческой мифологии. Эти сюжеты не новы: они обрабатывались и знаменитыми греческими трагиками: Эсхилом, Софоклом и Эврипидом и их римскими подражателями. Таким образом Сенека имел многих предшественников, которым он подражал и из которых до нас дошли лишь немногие (см. примечания к трагедиям). И по своей конструкции это — те же греческие трагедии. Мы видим соблюдение единства времени и места действия, а отсюда рассказы вестников о событиях, происшедших в другое время, в другом месте; действие прерывается песнями хора, дающего часто моральную оценку события и изредка вступающего даже в разговор с действующим лицом. Однако, как говорит Плеханов, „подражатель отделяется от своего образца всем тем расстоянием, которое существует между обществом, породившим его, подражателя, и обществом, в котором жил образец“ („К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“). Как мы увидим, под влиянием иной социальной обстановки и иных классовых условий Сенека придал старым сюжетам свою новую специфическую обработку и направленность. Даже при беглом чтении трагедий нельзя не заметить пронизывающий их морально-философский элемент, роднящий их с другими сочинениями философа. Самый выбор некоторых сюжетов объясняется философско-дидактическими целями. Большинство персонажей трагедии — люди подавленные сильною страстью; они борются с ней, но не могут ее побороть, и вся трагедия показывает, до чего может довести безмерная страсть, если человек попадает к ней в плен. Такова отверженная Медея; ее основная страсть — гнев, приводящий ее к страшной мести мужу; такова Федра, пылающая любовной страстью к пасынку;

Клитемнестра, убивающая своего мужа под давлением страсти к любовнику; Атрей, пылающий гневом, чудовищно жестоко мстящий брату; таков же безумствующий Геракл. Очевидно, Сенека в назидание людям своего класса показывает здесь отрицательные примеры действия сильной страсти и этим, как и в других своих сочинениях, проповедует ту же стоическую тезу — о необходимости умерять свои страсти. В этих целях Сенека изменяет и центральные образы трагедий. Если у Эврипида трагедия „Ипполит" названа по ее центральному образу, то у Сенеки центральным образом является Федра; отсюда и название трагедии (лишь ошибочно в некоторых рукописях эта трагедия названа „Ипполит"). Если у Эсхила в трагедии „Агамемнон" главные персонажи не только Клитемнестра, но и Кассандра, то у Сенеки только Клитемнестра. Надо добавить, что социальное бытие выводимых Сенекой персонажей делает эти отрицательные примеры действия страсти показательными, особенно для высшего класса. Ведь все эти герои — царицы и цари, живущие в роскоши, и сам Сенека раскрывает, что страсти больше обуревают людей богатых, а „в хижинах убогих здравы страсти" („Федра"). Но Сенека показывает и положительные в стоическом смысле образы, например мифический силач Геркулес, который мужественно, как идеальный стоик, закаленный в душевной доблести, сгорает на горе Эте от пропитанной ядом одежды и за это возносится на небеса („Геркулес Этейский"), или Поликсена в трагедии „Троянки", проявляющая удивительную силу духа, когда ее убивают.

В отличие от своих источников Сенека обильно насыщает свои трагедии теми же философскими мыслями, какие он проповедывал в назидание своему классу в других своих сочинениях и которые здесь также являлись своеобразной формой классовой борьбы. Стоические тезы произносят его резонерствующие действующие лица в монологах и в

оживленном диалоге; их развивают целые песни хора. Приведем здесь лишь основные из них. Это прежде всего — идея фатализма, судьбы, рока, предопределяющего поступки человека. Все несчастья Эдипа всецело объясняются его судьбой; об ее силе поет хор, ее властью утешают себя и Иокаста, и Эдип; самый сюжет трагедии „Эдип“, очевидно, выбран, чтобы показать могущество рока; изменчивость судьбы — частая тема в трагедиях. Далее не очень вразумительно для богатых рабовладельцев проповедуется презрение к богатству, роскоши, честолюбию; мы слышим тот же призыв к скромному быту, срединному пути, те же обывательские заверения, что гораздо спокойнее жить в неизвестности, в тиши полей“, пить ключевую воду из простого стакана, спать на жестком ложе, чем жить в роскоши, вдали от природы и из золотого кубка пить яд. Мы слышим „мелкобуржуазную“ по существу проповедь бегства от городской культуры, с ее стрицательными следствиями развития торгового и денежного капитала, и идеализацию „Золотого века“, который испортился из-за страстей, похоти и гнева, охвативших человека; лишь тот истинный царь, „кто не знает страстей в груди, — царь, кто выше желаний стал; это царство доступно всем“ („Тиэст“). Пессимизм разлагающегося высшего класса в обстановке режима Нерона сказался и в трагедиях в призыве в беде не дорожить жизнью; смерть — это свобода, призывающая страдальцев в тихую пристань мира; тысячи путей ведут к смерти — „кто дерзает покончить жизнь, тот равен богам и самим царям“ („Агамемнон“). Проблема жизни и смерти всегда занимала Сенеку, предусматривавшего, как многие из его класса, возможность падения и насильственной смерти.

Но не только в общей морали Сенека старался повлиять на свой класс и удовлетворить его запросы, именно в

трагедиях он специально заостряет внимание на волновавших его философско-политических вопросах: каким должен быть монарх в его отношении к гражданам, что такое тиран, на чем основывается деспотия — вот были вопросы, чрезвычайно актуальные для широких кругов высшего класса, как мы указывали, особенно страдавшего от террористического режима Нерона. Резко нападая на деспотию и критикуя ее с точки зрения стоицизма, Сенека, завуалировавшись мифологической фабулой трагедии, конечно, нападал на деспотию Нерона. Это было отражением тех нападков, которые раздавались в частных разговорах в салонах римского большого света. В трагедиях Сенека является особенно ярким выразителем скрытой политической оппозиции верхов. А сюжеты и образы трагедий как раз были удобны для этой политической оппозиции. Трагедии всюду разыгрываются в семьях царей; перед нами проходит ряд образов неограниченных властителей: Атрей, Агамемнон, Эдип, Креонт и др. Истинный царь, проповедует Сенека, должен руководиться стоическими принципами, должен быть честным и справедливым, иначе он обращается в тирана; последнего ненавидят и боятся граждане, но и сам такой царь находится в постоянном страхе — „страшится тех, кто сам царя страшится“ („Эдип“). Истинный царь опирается на доверие граждан. Непрочна власть, не основанная на справедливости и благочестии, заверяет Сенека в утешение своему классу, и его читатели понимали, что он имеет в виду Нерона.

Таких тирад и явных инвектив на императора читатели трагедий находили много. Вот некоторые примеры: „И правда, и стыд, и брачная верность бегут из дворцов“; „Кто царей боится, пусть отложит честь и справедливость“; „Добродетель — плохой слуга на службе у царей“; „Гордые уши царей не любят слушать истин“; „Кто наказывает только смертью, тот не умеет быть тираном; надо мешать

умереть, наказывать счастливого" — это принцип императора Тиберия, которым руководился и Нерон. Далее: „Кто желает истинной славы в народе, должен желать, чтобы его хвалили душой, а не языком" — намек на раболепскую лесть сената. „Кто сегодня сам другим царям раздает короны, перед кем преклоняются народы, по чьему мановению прекращают войны мидяне, индийцы и даги, — в страхе держит свой скипетр". Намек совершенно ясен, и Сенека прямо обращается с призывом к Нерону: „Воздерживайся от человеческой крови, ты, кто царствуешь!" „Вы, кому властители земли и моря дали страшное право над жизнью и смертью, отложите надменность; чем грозите вы ничтожным по сравнению с вами людям, этим самым грозит вам тот, кто выше..." и т. д. Сенеке рисуются жестокие властители в аду, а милостивые — в Елисейских полях, и, как бы намекая на возможность избавиться от жестокого императора, он замечает: „Нет лучше жертвы для Юпитера, как несправедливый царь". Что все эти тирады намекали на Нерона, совершенно ясно из трагедии „Октавия". Озлобленный на деспотию Нерона, ее автор из того же высшего класса вывел Нерона типичным тираном в его столкновении с гражданами: это — безбожный вождь, враг богов и людей, тиран земли, запятнавший себя рядом зверских преступлений; для него все решает меч; он презирает граждан и в гневе жаждет казней; его тираническая натура еще более оттеняется столкновением его взглядов со слащавыми наставлениями Сенеки, и автор влагает в уста тени Агриппины вещие слова: „Придет тот день, когда за все злодейства отдаст он дух, врагу подставив горло, покинутый, отверженный и нищий".

Мало того: если вдуматься в самую фабулу трагедий, то очень возможно, что и она выбиралась с намеком на кошмарные события в императорском доме. Вражда тирана Атрея к его брату Тиэсту напоминала вражду Нерона

к его брату Британнику, которого Нерон отравил; в трагедии ставится вопрос о возможности двоевластия, царствования двух братьев, — а в Риме поднимался вопрос о разделении власти между Нероном и Британником. Положение Медеи могли сравнивать с положением Октавии, первой жены Нерона, которую тот сослал, женившись на Поппее. Изображение ужаса преступной связи Эдипа с его матерью Иокастой могло иметь подоплекой упорные слухи о связи Нерона с его матерью Агриппиной. Если Эдип в отчаянии восклицает, что он „опрокинул все законы естества", то такое же положение было в доме Нерона, где, по словам кормилицы в „Октавии", „права природы и законы все разрушены".

Помимо прозрачных намеков, отражавших враждебное настроение господствующего класса к императору, римская действительность так и бьет в глаза в трагедиях Сенеки. По мановению царя, говорит хор в „Тиэсте", прекращают войны мидяне, „палимые солнцем" индийцы и „дагов конных рати"; Тиэст доволен, что у него нет полей в земле парфян и гетов; мудрец — тот, кто не обращает внимания на то, что на него давят восточные народы, — везде встает образ огромной римской империи, простирающейся на восток.

А говоря о первых мореплавателях аргонавтах, Сенека прямо переносится в свою современность: теперь море уступило, говорит хор в Медее, пучина доступна любому челну, границы исчезли, на новых землях возникли новые города, все изменилось, и Сенека предрекает, что благодаря сообщению по океану через много веков откроются новые земли. Далее, восставая против роскоши, Сенека рисует причуды современных ему богачей: леса на крышах домов, разогретые озера и пр.

Такова философско-политическая направленность трагедий. Теперь ближе рассмотрим их стиль. Мы уже ви-

дели такие персонажи, которые изображены жертвами страстей, обуревающих их дух. В изображении развития этих страстей и вообще душевного гнета Сенека проявляет стремление к углубленному психологизму. В больших монологах и диалогах поэт показывает всю ту борьбу, какая кипит в душе героя. Эта психологическая насыщенность ярко отражает, так сказать, „буржуазную“ индивидуалистическую расщепленность господствующего класса. Ведь распыленностью и объясняется успех в этом классе упадочной индивидуалистической философии стоицизма. Уже с самого начала трагедии герой или героиня выступают охваченными страстью и душевным гнетом (ср. Федру, Медею, Клитемнестру и др.); в дальнейшем рисуется развитие душевного гнета и часто душевные колебания героя, которые усиливаются из столкновения и разговора с близкими лицами (в „Агамемноне“ разговор Клитемнестры с кормилицей и Эгистом специально введен Сенекой в отличие от Эсхила). Чрезвычайно ярко, например, изображены колебания и нарастание ярости Медеи: она колеблется между любовью к Язону и детям с одной стороны, и жаждой мести — с другой. „Все страсти в ней бушуют, — говорит кормилица, — она колеблется, куда направить всю тяжесть духа, дышащего гневом; она грозит, бушует, жалуется, стонет“ („Медея“). Такова и Федра, готовая лучше умереть; ее страсть борется со стыдом; Клитемнестре мешает супружеская верность и стыд. Колеблется и Атрей перед своим ужасным делом. В своем колебании герои обыкновенно по-стоически обращаются к своему духу, ободряют его: „Душа, готовься! Ну, смелей! Что вновь трепещешь, душа?“ и т. п. Некоторые мчатся в бездну, сами не зная куда, не владея собой; их борение сравнивается то с морем, волны которого разрываются ветрами в разные стороны („Агамемнон“), то с кораблем, уносимым течением бурным („Федра“). Как ярко перед

нами раскрывается психология Тиэста в его постепенном страшном узнавании, каков был пир. Ярко показаны и душевные переживания Эдипа, шаг за шагом узнающего страшную для него истину и переходящего от временного успокоения к новой тревоге. Характерны и монологи героев, раскрывающие их отчаяние после узнания ужасного факта: например, Тиэста, Ипполита, Тезея, Федры перед смертью, Иокасты перед самоубийством, монолог Эдипа (у Сенеки целый монолог последнего перед выкалыванием глаз, какого нет у Софокла). Для психологизма класса Сенеки интересна трагедия „Неистовый Геракл". В трагедии Эврипида Геракла приводит в нормальное состояние богиня Афина, а в драме Сенеки он сам приходит в себя, показано его внутреннее переживание.

Трагедии отражают и другую, не менее характерную черту господствующего класса — искание всего сверхмерного, необычного, ненормального. Эта черта вытекала из жизненной пресыщенности богатых рабовладельцев, часто жаловавшихся тому же Сенеке на тусклость и однообразие жизни. Этим отчасти объяснялось и увлечение их стоической проповедью простой безыскусственной жизни, иногда желание ближе взглянуть на иную жизнь других классов. С явным намеком на свой класс Сенека в трагедии „Федра" замечает: „Кто в счастии живет чрезмерном, тот стремится к необычному; тогда приходит страшный спутник большого счастья — похоть; обыкновенный стол и здравый нрав становятся постылы". Почему, спрашивает Сенека, у людей богатых страсти не „держатся в своих пределах? Потому что богатые стремятся к беззаконному: „кто слишком могуч, тот хочет мочь, чего не может". В своих образах Сенека рисует в сущности людей своего класса, во вкусе которого и развертывание этих образов, и концепция трагедии. Основные персонажи даны не как обыкновенные люди, а герои — сверх-человеки; в них что-то титаническое.

Особенно характерна, например, Медея. Эврипид, который с ростом торгово-денежной демократии, в связи со снижением ее стиля, низвел героев трагедии до обыкновенных людей, и Медею изобразил прежде всего оскорбленной женщиной, жалующейся на горькую долю женщины, беспомощной, просящей пощады у Креонта, отдавшейся любви к детям. В начале трагедии Медея еще не думает о мести, и лишь кормилица намекает на ее возможность. У Сенеки она сразу выступает как охваченная гневом героиня, затаившая возмездие; она — Медея — во всей своей специфичности, в ней „огонь, железо, молнии богов". В дальнейшем ее гнев все разрастается; в разговоре с Креонтом она обнаруживает не женскую стойкость; в ней, по словам Креонта, „негодность бабы сочеталась с мужской силой"; по мере выяснения ее положения Медея раскрывается вполне: она все готова разворотить и опрокинуть; она вызывает на бой всех богов... И Федра у Сенеки с самого начала показана как ненормальная, мучимая страстью женщина; она не скрывает своих чувств, как Федра у Эврипида; кормилица сразу понимает ее. В трагедии Эсхила „Агамемнон" у Клитемнестры сначала нет решения убить мужа, — у Сенеки она сразу выступает готовой на всякое злодейство — железо, яд. Атрей Сенеки не имеет ничего человеческого, это — зверь, воплощенная жестокость, гнев и т. д. Образы Сенеки ходульны; он не показывает зарождение страсти в обыкновенном человеке, а лишь развертывает разрешение этой страсти или душевного гнева. Эта ходульность, нечеловечность образов несомненно снижает трагизм.

В связи с любовью своего класса ко всему необычному Сенека очень любит изображать и усиливать страшные, кошмарные сцены и картины. Это ясно обнаруживается из сравнения с его источниками. У Сенеки в „Медее" сгорает от пропитанного волшебным ядом убора не

только Креуза и Креонт, как у Эврипида, но и весь дом; у Эврипида Медея убивает своих детей за сценой, а у Сенеки — на глазах у зрителей, при этом одного — при Язоне. У Эврипида Ипполит при крушении все же остается жив; его приносят, и он умирает на глазах семьи; у Сенеки голова Ипполита разбивается о скалы, слуги приносят бесформенный обрубок, так что Тезею трудно из кусков составить целый труп. В конце „Эдипа" Сенека уже после ослепления, в отличие от Софокла, создает целую сцену разговора Эдипа с его матерью, несомненно с целью усилить пикантность положения и эффект, при этом Иокаста умирает на сцене, на глазах Эдипа, а не за сценой, как у Софокла; и рассказ об ослеплении Эдипа гораздо более подробен, чем у Софокла. „Агамемнон" начинается зловещим монологом Тиэста, которого нет в трагедии Эсхила; самое убиение Агамемнона описано гораздо картиннее, чем у Эсхила, притом у Сенеки о нем рассказывает ясновидящая Кассандра, что усиливает ужас картины. Можно думать, что и пир Тиэста и его узнание Сенека описывает более яркими красками, чем было в его источниках. Безумие Геракла изображается у Сенеки на сцене; о нем не рассказывается, как в трагедии Эврипида.

Такая любовь к изображению всего кошмарного объясняется и той постоянной атмосферой крови, в которой жил высший класс: всякого рода убийства вплоть до обезглавливания были обычным явлением, — стоит почитать описания историка Тацита.

Давимые деспотическим режимом Нерона, в постоянном страхе за свою жизнь, богатые рабовладельцы проявляли тягу ко всему сверхъестественному, таинственному, мистическому, проникались верою в „загробный мир". Сенека в трагедиях сильно выдвигает и эту сторону. В трагедии „Эдип" он вводит неимеющуюся у Софокла пространную сцену гадания по внутренностям жертвенных животных, после чего, не довольствуясь этим, у Сенеки

Тирезий совершает таинственный обряд вызывания тени Лайя, о чем рассказывает Креонт: обряд происходит в таинственной роще, которую „приводит в смятение ужас"; расседается земля, откуда появляются все чудовища преисподней, и т. д.; ничего подобного нет у Софокла. В трагедии „Медея" идет длиннейшее описание волшебного обряда и заклинаний Медеи, чего нет у Эврипида. Трагедия „Тиэст" начинается зловещим выступлением тени Тантала и Фурии, усиливающим кошмарность ожидаемого преступления; далее, например, характерно, что хор интересуется самой картиной смерти юного Тантала (ст. 842—849) и т. д. Это страшное, таинственное явно всяческими способами подчеркивается автором для большего эффекта: или изображением ужаса вестника (например, в „Тиэсте", „Федре", „Агамемноне"), или вопросами хора либо другого лица, выделяющими особенно разительные и кошмарные моменты в рассказе вестника („Тиэст", „Федра"). Желая поразить и заинтересовать свой класс картинами ужасного, необычного, Сенека часто прибегает к градации, к переходу от менее страшного к более жуткому. Так, например, построен рассказ вестника об убийстве детей Тиэста (ср. слова вестника: „Вы думаете, это конец греха? Нет, первая ступень..." и т. д.). На градации построена вся трагедия Эдипа, узнание Тиэстом ужасной правды, последовательность мести Медеи от сожжения Креузы до убийства сына на глазах отца; так же построен рассказ о буре в „Агамемноне" (ср. „И новая беда—и бóльшая нас гибель ожидала" и т. д.). К страшным картинам и сценам Сенека приковывает внимание наглядностью и детализацией в описании, тщательным размалевыванием картины. Читатель сам заметит иной раз мелкие, но в высшей степени яркие черточки. Вот примеры: „Голова (Ипполита) со стуком разбивается о скалы"; „На камне трепещут умирающие

члены“; „Проникло острие под самый пах, и стала колесница с хозяином, внезапно пригвожденным“ („Федра“); „Сначала труп как будто колебался, куда упасть, направо иль налево, и, наконец, на дядю рухнул“; „А голоза, скатившаяся вниз, шепчет невнятные слова“; „Ребенок падает, своею кровью гася огонь алтарный“ („Тиэст“); „С лохмотьев красной шеи свисает голова, потоком кровь из туловища бьет, уста застыли в голове, бормоча“ („Агамемнон“); „они (глаза) ему навстречу как будто сами выпрыгнуть желают“; „свисающие с глаз кровавые он клочья обрывает“ („Эдип“) и т. д.

Переходя к стилю в узком смысле слова, как словесному выражению, можно ясно видеть в трагедиях преобладание формы над содержанием. В диалектическом развитии единства формы и содержания это преобладание формы заметно уже в литературе самого начала эпохи цезаризма, что было признаком начавшейся деградации накопившего богатства господствующего класса. В эпоху Сенеки это любование формой стало сильнее. В стиле господс вующих слоев были особенно сентенции, т. е. изысканные, заостренно построенные фразы, охватывающие в афористической форме мысль. Сенека был мастером таких фраз; он блестяще нанизывает эти сентенции в своих философских сочинениях, настоящих causeries, в которых он беседует со светскими людьми своего класса. Отчеканенные сентенции рассыпаны и в трагедиях; иногда они вставляются в такой обстановке, когда они совершенно неуместны и искусственны, например: Федра, с волнением признаваясь Ипполиту в своей страсти, замечает: „Одна семья сгубила двух сестер“; Медея после разговора с Креонтом в гневе говорит: „Один лишь день дарован для прощанья с двумя детьми“, и дальше в разговоре с Язоном: „Я заперла тебе дороги все, которые открыла перед тобой“. Эдип, в отчаянии описывая чуму,

бросает фразу: „Родится смерть среди самих смертей". Часто такие сентенции, афоризмы умышленно ставятся в заключении речи, чтобы произвести больший слуховой эффект. В этой любви к сентенциям отчасти сказалось то же, свойственное классу Сенеки, искание необычайного, какое отразилось и в содержании. К этой же категории явлений следует отнести соединение конкретного и отвлеченного, например: „Рванулись кони, разорвав задержку и вместе господина своего" („Федра"); „Пусть она, не медля, отдаст нам брата иль последний вздох" („Агамемнон") и др. Стремясь поразить свой класс, падкий до всего необыкновенного, Сенека прибегает и к другим средствам выразительности. Он усиливает патетику монологов частыми вопросами и восклицаниями, например характерны вопросы к своему духу; он прибегает к гиперболам, например в словах Атрея: „Вот я иду с звездами наравне, взнесен в зенит главою горделивой" и др.; он ставит под ряд для усиления несколько близких по значению прилагательных, например: „Я проникну в места отдаленные, сокрытые, глухие, противолежащие, непроходимые" („Федра") и т. д.

Таков стиль трагедии во вкусе господствующего класса. Следует отметить, что многие элементы этого стиля особенно культивировались в ораторских школах. Красноречие, расцветшее в конце республики под влиянием разгоревшейся классовой борьбы, а потом лишенное своей силы при удушающем режиме императоров, стало усиленно гнаться за блестящей формой в стиле господствующего класса; именно в школах красноречия упражнялись во всякого рода сентенциях, искусственных патетических декламациях, которые (как некоторые смеялись) можно было „танцовать"; составляли целые психологические монологи („этопойии") и т. д. Поэтому многие буржуазные ученые называют трагедии Сенеки „реторическими". Но это верно

лишь отчасти. Правда, некоторое специальное влияние ораторской школы здесь сказывается; правда, неуместные сентенции можно назвать реторикой, однако в общем это — независимый специально от красноречия стиль накопившего богатства паразитического класса, искавшего в искусстве показа необычного и витиеватости формы. К этому надо добавить, что цели драматурга-трагика и оратора особенно совпадали; они оба всеми средствами выразительности старались поразить читателя, слушателя и зрителя.

Теперь остается давнишний вопрос: ставились ли эти трагедии на сцене или они предназначались лишь для чтения? Сенека, как мы указывали, соблюдает форму античной трагедии вплоть до правила, что в разговоре не должны участвовать более трех лиц. Но многие данные говорят за то, что эти трагедии не могли ставиться на сцене. Прежде всего все эти слишком прозрачные намеки на Нерона не могли произноситься со сцены при господствующем терроре. Далее, в трагедиях много таких сцен и действий, которые технически нельзя было изобразить на античной сцене. Приведем некоторые: подробности гадания по внутренностям жертвенных животных в „Эдипе“, истерзанное на куски тело Ипполита („Федра“), землетрясение, прыгание стола, превращение дня в ночь в „Тиэсте“, самоубийство Иокасты и Федры мечом, убиение Медеей детей. Трагические актеры носили маски и были обуты в особые высокие сапоги (котурны); едва ли они могли удобно падать, как, например, надо было актеру, игравшему Кассандру или Федру, а картина еды и питья в маске (в „Тиэсте“) производила бы комическое впечатление. Нет, эти и многие другие соображения (например, частые описания движений и жестов в диалоге) говорят за то, что эти камерные трагедии предназначались лишь для чтения в светских салонах, в интимном кругу лиц высшего класса;

такие декламации практиковались в ту эпоху и, конечно, свидетельствовали об упадке трагического жанра. Сам Сенека или какой-нибудь его вольноотпущенник читал эти трагедии, вызывая при всяком прозрачном политическом намеке аплодисменты слушателей.

Чрезвычайно важна судьба этих трагедий в смене общественных формаций. Сенека оказался учителем позднейших драматургов; его трагедии долгое время служили единственным образцом античной трагедии и сыграли большую роль в оформлении новой европейской драмы.

Уже в эпоху европейского феодализма знакомство с этими трагедиями обнаруживается у ряда писателей (у итальянского гота Теодульфа, ирландского епископа Альдгельма, кремонского епископа Льютпранда и др.). С экспансией торгового капитала, в эпоху „гуманизма“ с его опорой на античность (начиная с XIV в.) в разных странах начинается широкое подражание Сенеке. В Италии появляется много переводов и комментариев трагедий; гуманисты спорят о принадлежности этих трагедий философу Сенеке и т. д. Подражание усиливается в XV столетии; в XVI влияние драм Сенеки заметно и в шекспировских трагедиях, вообще опирающихся на античность (см. „Ливий Андроник“, „Макбет“ и др.), и в XVII в. в буржуазной драме Бэн-Джонсона. Во Франции в эпоху классицизма Сенека продолжал быть драматургическим образцом. Французская чиновная буржуазия с ее ориентацией на античность (опиравшейся на представление о традициях „вечного Рима“) находила в трагедиях Сенеки элементы стиля придворной аристократии, в духе которой она писала (патетику, изысканность формы, блестящие сентенции и т. д.). Таковы еще в XVI в. драмы Гарнье, Жан де ля-Перуз и др., — недаром в это время Скалигер в своей „Поэтике“ считал трагедии Сенеки не ниже греческих, а по блестящей обработке даже выше их.

В XVII в. Сенеке подражают столпы французского классицизма изящные Корнель и Расин (трагедии Корнеля „Эдип“, „Медея“; трагедии Расина „Ифигения“, „Андромаха“ и особенно „Федра“, где, например, сцена признания Федры Ипполиту очень близка к соответствующему месту трагедии Сенеки).

Даже в XVIII в. во Франции с развитием революционного буржуазного классицизма подражание Сенеке продолжается. А представитель поднимающейся германской либеральной буржуазии XVIII в. с ее увлечением „красотой“ античности Лессинг находил в некоторых драмах Сенеки черты высокого трагизма; например, в словах Тиэста: „Я брата узнаю!“ (ст. 1144), произнесенных в ответ на коварный вопрос Атрея: „Не узнаешь детей?“, Лессинг усматривает мастерскую черту, позволяющую Тиэсту обнять мыслью всю ужасную ситуацию: „В устах актера, — говорит он, — действие этого замечания может быть превосходно, если он сможет выразить с достаточной горечью и отвращением связанное с ним оцепенение и удивление.“ (Theatralische Bibliothek, sämtliche Schriften, herausgegeben v. Lachmann, B. VI, 220, Stuttgardt. 1890).

С лестной для Сенеки оценкой Лессинга не согласны многие буржуазные ученые; этим, вероятно, и объясняется то, что Сенека как поэт был мало известен широким буржуазным кругам. Буржуазные ученые обыкновенно сравнивают трагедии Сенеки с греческими трагедиями Эсхила, Софокла и Эврипида и находят их гораздо ниже; некоторые называют их трагедиями реторическими, говорят, что это — сплошная напыщенная декламация. Но сравнение с греческими трагиками без учета разницы социально-классовой обстановки и стиля является формальным. У Сенеки, при его подражании, свой новый, качественно отличный специфический стиль, выросший в своеобразной социальной обстановке, отсюда и известная ходуль-

ность, малая человечность его персонажей; некоторые элементы этого стиля можно назвать реторикой, но в общем как мы указывали, это не специально реторический стиль, а лишь имеющий с ним одинаковый социальный генезис.

Перед нами рассудочная книжная философско-политическая трагедия — единственный дошедший до нас памятник трагедии античного Рима. Старые мифологические сюжеты в новой классовой обстановке получают здесь специфическую трактовку. Философская насыщенность этих трагедий делает их своеобразным проявлением классовой борьбы плутократических верхов с меняющимися придворными группировками, на которые опирался император. Своим психологизмом, своим ярким, захватывающим показом картин кошмара и ужаса, выработанностью и блеском формы, своей заостренностью против монархического деспотизма, хотя и исходящей из чуждого нам класса, наконец, громадной ролью в развитии европейской драмы, — эти трагедии заслуживают нашего полного внимания как оригинальный памятник культурного наследства.

Н. Дератани

Марксистских исследований трагедий Сенеки до сих пор не было. Из работ буржуазных ученых можно указать:

Г. Буассье. Общественное настроение времен римских цезарей, пер. с франц. Петроград 1915.

Его же. Римская религия от времен Августа до Антонинов, пер. с франц. М. 1914.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена римской империи, пер. с франц. М. 1879.

R i b b e c k. Geschichte der römischen Dichtung, III, Stuttgardt.

R a n k e. Abhandlungen und Versuche. Leipzig. 1888.

L e s s i n g. Sämtliche Schriften, herausgegeben v. Lachmann, B. VI, 167 — 242.

Новое издание с французским переводом en regard — Léon Herrmann, T. I — II, Paris. 1924, 1926.

У нас см. еще: П и о т р о в с к и й. Трагедии Сенеки, как театральный жанр (О Театре. Временник Г. И. И. И. II, Л. 1927).

О РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ТРАГЕДИЙ

В общем хороший, а местами (особенно в передаче некоторых хоров) и очень хороший перевод Сергея Соловьева все-таки должен был подвергнуться довольно многочисленным редакционным поправкам: 1) его пришлось выправить, учитывая текст новейшего французского издания трагедий Леона Германна (Sénèque, Tragédies, tome I—II, „Les belles lettres". Paris 1924, 1926); 2) некоторые стихи изменены для большего заострения в переводе всех пуантов и сентенций Сенеки; 3) переделаны стихи, создававшие необычное ударение в словах; 4) почти совершенно заново переведен хор в трагедии „Федра" (ст 302—352 и ст. 817—833), в переводе которого у Соловьева цезура, в несоответствии подлиннику, приходилась в середине слова. Кроме того, внесены некоторые другие поправки и уточнения для приближения перевода к подлиннику.

Редактор

СЕНЕКА

ТРАГЕДИИ

М Е Д Е Я

СОДЕРЖАНИЕ

Сюжет трагедии связан с греческим мифом об аргонавтах, возникшим на почве попыток греческих колонистов проникнуть на Кавказ за добычей золота. Греческий фессалийский царь Пелий посылает своего молодого племянника Язона с товарищами в далекую Колхиду (в Закавказье) добыть у колхидского царя Эета заповедное баранье „золотое руно". Когда после многих приключений аргонавты на корабле Арго прибыли в Колхиду, то царь Эет согласился выдать им „золотое руно" лишь в том случае, если Язон запряжет в плуг изрыгающих пламя меднокопытных быков и засеет вспаханное ими поле зубами убитого дракона. Тут Язону помогает влюбившаяся в него дочь царя Эета, волшебница Медея. Язон при помощи ее волшебства исполняет все задания Эета, получает „золотое руно" и, взяв с собой Медею, бежит обратно в Грецию. Дорогой, чтобы задержать погоню, Медея хитростью убила своего брата Апсирта и раскидала куски его тела по пути преследователей. По прибытии в Фессалию Медея своим волшебством возвращает молодость отцу Язона Эзону, сварив части его тела в котле. Изгнанный после ряда перипетий из Фессалии, Язон бежит в Коринф, но здесь, прожив с Медеей десять лет и имея от нее двух детей, изменяет ей и хочет жениться на дочери коринфского царя Креонта Креузе. Отсюда и развертывается трагедия. Медея жестоко мстит своему мужу. Она перед самой свадьбой посылает невесте Язона пропитанный волшебным ядом дорогой убор, от которого

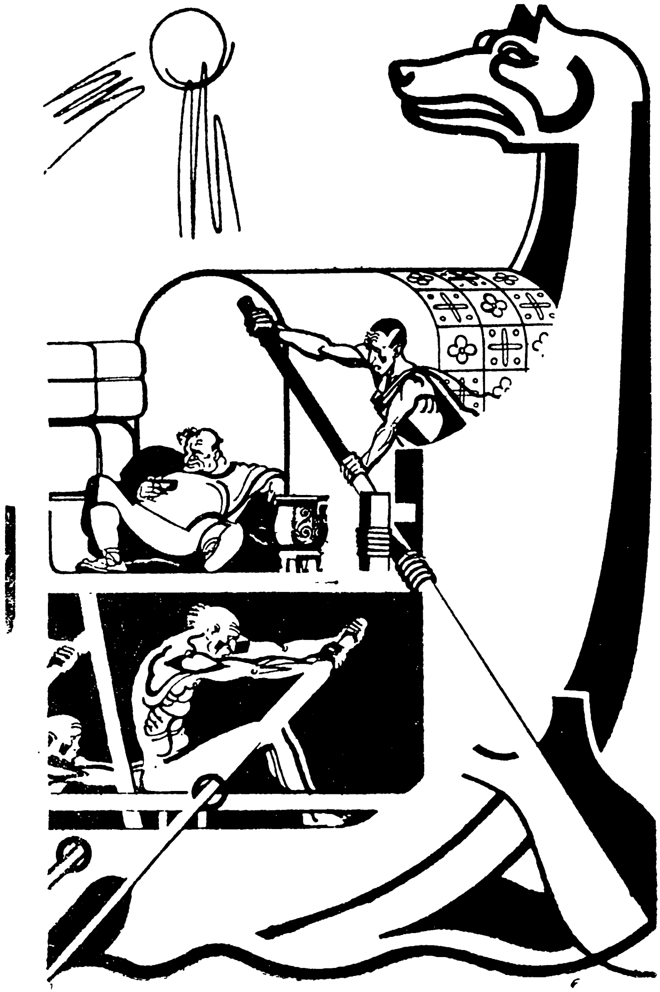
сгорает Креуза, ее отец и весь дом, а своих двух детей Медея убивает, причем одного на глазах Язона.

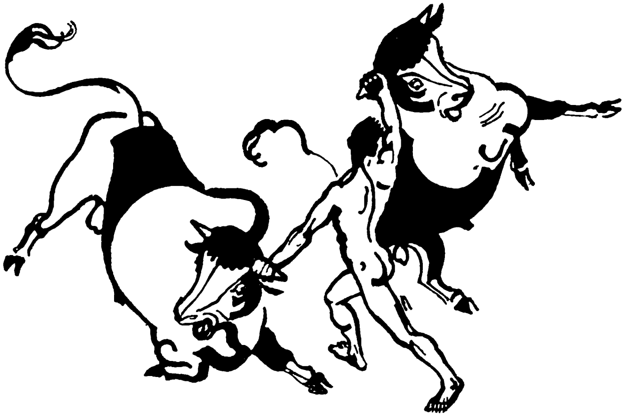
До Сенеки образ и трагедия Медеи разрабатывались многими драматургами, но до нас сохранилась лишь трагедия греческого трагика V в. до н. эры Эврипида, которая и была основным источником для Сенеки. И после Сенеки в смене общественных формаций образ Медеи разрабатывался поэтами разных стран, причем принимал специфические черты в зависимости от меняющихся социальных условий. В новое время в творчестве Валерия Брюсова, в период реакции, среди других образов античности всплывает и образ волшебницы Медеи, несущейся по воздуху на запряженной драконами колеснице.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Медея.
Язон.
Креонт.
Кормилица.
Вестник.
Хор коринфян.
Солдаты и слуги Креонта.

Место действия — город Коринф, перед домом Медеи.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Медея

О боги брачные и ты, Люцина,
Супружеского ложа страж и та,
Кто научила Тифиса построить
Корабль, порабощающий пучину,
И ты, морей свирепый властелин
И день распределяющий по миру
Титан лучистый, и священнодействам
Безмолвным доставляющая свет
Трехликая Геката, и все боги,
Которыми поклялся мне Язон,
И ты, кого Медее призывать

Всего законней: вечной ночи хаос,
Страну теней, противную богам,
Владыку царства мрачного с царицей
Подземною, похищенною им, —
Я голосом зловещим призываю.
Теперь, теперь, богини отомщенья,
Предстаньте со змеями в волосах
И с факелом в руках окровавленных,
Предстаньте, страшные, какими вы
На мой явились брак, и новобрачной,
И тестю, и всей царственной семье
Несите смерть. А мужу моему
О худшем я молю: пускай он нищим
Блуждает по безвестным городам,
Изгнанником бездомным. Пусть тоскует
Он обо мне, отверженной жене,
Пусть те ж пороги дважды обивает.
И — верх скорбей — ему желаю я
Детей, отцу и матери подобных.
Уж месть моя рождается на свет:
Я — мать детей. Но в жалобах напрасных
Я трачу время. Или не пойду
Я на врагов, из рук не вырву факел
И с неба свет! И это видит Солнце,
Наш прадур? И еще на колеснице
Стремит свой путь по чистым небесам!
И все ж не возвращается к восходу.
Дай, дай мне мчаться в отчей колеснице.
Дай мне, родитель, огненные вожжи,
Чтоб править бегом солнечных коней.
Коринф, разъединяющий два моря,
Огнем сожженный, их соединит.
Одно мне остается: брачный факел
На празднике сама я понесу,

И вслед священнодейственным молитвам
На алтарях я жертвы заколю.
По внутренностям средство к наказанью
Ищи, душа, коль ты еще жива,
Когда еще в тебе от прежней мощи
Кой-что осталось; прочь твой женский страх!
Исполнись всей жестокостью Кавказа!
Нечестия, что зрели Понт и Фазис,
Увидит Истм. Неведомое миру,
Ужасное для неба и земли,
Встает в уме: и раны, и убийства,
И погребенье членов по частям.
О слишком легком я упомянула:
Я это девой делала, ужасней
Теперь мой гнев, и большее злодейство
Прилично мне, как матери детей.
Так препояшься гневом и на гибель
Излей всю ярость. Браку твой развод
Да не уступит. Как оставить мужа?
Так, как за ним бежала! Ну, не медли ж!
Приобретенный преступленьем дом
Оставить должно через преступленье.

Хор

Боги горных небес, боги морских пучин
Да придут теперь с благоволением
Царский брак освятить, с ними же весь народ.
Первым, белый телец, шею свою склони
Пред носящими скипетр, пред громовержцами.
И Люцину смирит телочка снежная,
Что не знала ярма. Более нежною
Жертвой мы одарим кроткую мать любви,

Марса держит она руки кровавые.
Всем народам дарит, войны ведущим, мир
И из рога струит нам изобилье благ.
Ты, свидетель всегда брачных законных уз,
Вещей дланью своей ночь прогоняющий,
Томной, хмельной стопой в дом, Гименей, войди,
Увенчавши чело нежным венком из роз.
И предвестница ты красных обеих зорь,
Ты, что поздно, звезда, всходишь для любящих,
Жадно матери ждут, девушки ждут тебя,
Скоро ль ты разольешь свой лучезарный свет?

Красотой новобрачная
Побеждает кекропских дев,
Тех, кого у Тайгетских гор,
Словно юношей, град растит,
Славный город, лишенный стен,
Тех, кого Аонийский ключ
Омывал и святой Алфей.
Уступил бы красой лица
Эзонийскому витязю
Порождение молнии
Тигров поработивший бог,
И треножники движущий
Брат суровой своей сестры.
Уступил бы ему Поллукс,
Вместе с Кастором — бог боев.
Небожители, вас молю:
Пусть же, пусть побеждает жен
Новобрачная, муж — мужей.
Если встанет она в хоре коринфскихжен,
Затмевая других, блещет ее лицо.

Так, лишь солнце взойдет, гибнет сиянье звезд
И густые стада ярких ночных плеяд
Пропадают, когда Феба чужим лучом
Расширяет свой серп в полный лучистый круг.
Так на белом снегу рдеет багряный цвет,
Так, покрытый росой, пастырь дубравных стад
Видит, как на заре нежно алеет твердь.
Вырванный ты из уз дочери Фазиса,
Ты, привыкший ласкать в трепете, без любви
Разъяренной жены груди немилые,
Обойми же теперь деву Эолии,
О, счастливый жених, милый родителям.
Приступай, молодежь, к играм дозволенным,
Прибаутки-стихи сыпьте со всех сторон:
Редко можно господ в шутках затрагивать.

О блистающий знатный род тирсоносца Лиэя,
Время уже наступает возжечь вам факел сосновый.
Вялыми пальцами двиньте, колебля священное пламя.
Пусть нас градом острот осыплет стих Фесценнинский!
Пусть резвится толпа. Пусть молча уходят во мраке,
Кто беглянкой себя отдает чужеземному мужу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Медея. Кормилица

Медея

Погибла я. Напевы Гименея
Пронзили слух... едва, едва могу
Беде поверить. Как ты мог, Язон мой,
Отняв отца, отчизну и престол,
Меня одну покинуть на чужбине?
Мои благодеянья он презрел:
Забыл, что я моей волшебной силой
Пред ним смиряла море и огонь.
Иль верит он, что все мои злодейства
Истощены? Как мечется мой ум
Туда, сюда, ища дорогу к мести.
О, если б брата он имел. Жена
Есть у него... я на нее направлю
Удар меча. Нет, это не довольно
Для бед моих. Нет, преступленья все,
И греческим и варварским народам
Знакомые, должна я совершить.
Пусть злодеянья прежние твои
Тебя подвигнут: украшенье царства
Похищенное, малолетний спутник
Безбожной девы, закланный мечом,
И прах его, развеянный по морю
В глазах отца, и старца Пелия

В котле кипящем сваренные члены.
Как часто кровь я проливала. Но
Не из вражды: одной любви безумье
Меня влекло... Но мог ли мой Язон
Противиться, подпав чужому праву?
Нет, он скорей был должен встретить грудью
Железо! Тише, тише, скорбь моя!
Не свирепей! Когда возможно, пусть
Язон живет и будет мой, как прежде.
Когда ж нельзя, пусть все-таки живет
И, помня о моих благодеяньях,
Щадит меня. Креонта вся вина,
Который, властью злоупотребляя,
Мой расторгает брак, берет детей
У матери, преступно разрушает
Союз любви, упроченный детьми.
Пусть он один погибнет и потерпит
Заслуженную кару: дом его
Я в груду пепла обращу. Малея,
Державшая в заливах корабли,
Увидит столб колеблемого дыма.

Кормилица

Молчи, молчи и жалобы свои
Глубоко затаи. Кто терпеливо
В безмолвии выносит раны, тот
За них воздаст. Сокрытый гнев опасен,
Но он теряет, вырвавшись на свет,
Возможность мести.

Медея

О, та скорбь ничтожна,
Которая рассудочность хранит

И прячется. Не скрыть больших страданий:
Хочу итти напротив.

Кормилица

Удержи
Неистовый порыв, моя питомка:
Ведь и покой едва тебя хранит.

Медея

Судьба боится храбрых, давит трусов.

Кормилица

Похвальна доблесть, но когда уместна.

Медея

Всегда уместна доблесть.

Кормилица

Никакой
В твоих делах печальных нет надежды.

Медея

Кому надежды нет, ни в чем не будет
Отчаиваться.

Кормилица

Далека Колхида,
Супруг тебе не верен, ничего
От всех богатств тебе не остается.

Медея

Медея остается: в ней ты видишь
Огонь, железо, молнии богов.

Кормилица

Страшись царя.

Медея

Отец мой был царем.

Кормилица

Ты не боишься войска.

Медея

Нет, хотя бы
Оно возникло из земли.

Кормилица

Умрешь.

Медея

Хочу.

Кормилица

Беги!

Медея

Раскаялась я в бегстве.

Кормилица

Медея...

Медея

Буду скоро таковой.

Кормилица

Ты — мать.

Медея

Ты видишь, от какого мужа.

*

Кормилица

Колеблешься бежать.

Медея

Я убегу,
Но раньше отомщу.

Кормилица

Настигнет мститель.

Медея

Нет, я его сумею задержать.

Кормилица

Безумная, оставь свои угрозы,
Смири свой дух мятежный: мы должны
К тяжелым временам приспособляться.

Медея

Судьба у нас отнять богатство может,
Отнять не может дух! Но дверь дворца
Под чьей рукою скрипнула? То сам
Креонт, надменный властелин пелазгов.

Креонт. Медея. Кормилица. Слуги

Креонт

Медея, дочь колхидского Эета,
Зловредная, из царства моего
Еще не вышла? Что-нибудь она
Замыслила, ее коварство знаю.
Кого щадит она? Кто безопасен
От этих козней? Раньше я хотел
Железом уничтожить эту язву,

Да зять меня мольбами победил.
Дана ей жизнь: пускай освободит
От страха край, пускай уходит с миром.
Свирепая шагает мне навстречу,
Грозя, поговорить ища со мной...
Эй, слуги, удержите эту ведьму,
Чтобы она ко мне не прикасалась!
Велите замолчать! Пусть учится
Переносить приказы государя.
Скорее двигайся и утащи
Чудовище свирепое отсюда!

Медея

Какое преступленье наказуешь
Изгнанием?

Креонт

Невинная, не знает,
За что ее я изгоняю.

Медея

Если
Ты — судия, мое расследуй дело,
А если царь, приказывай — и все.

Креонт

Приказ царя должна ты исполнять,
И справедливый, и несправедливый.

Медея

Несправедливых власть недолговечна.

Креонт

Иди в Колхиду жаловаться.

Медея

Что ж,
Вернусь, но с тем, чтоб тот, кто из Колхиды
Меня привез, увез меня назад.

Креонт

Обжалованью места нет, когда
Декретом постановлено.

Медея

Решивший,
Не выслушав одной из двух сторон,
Хотя его решенье справедливо,
Несправедлив.

Креонт

Тобой казненный Пелий
Был выслушан? Но, впрочем, говори.
Прекрасному дается место делу!

Медея

Как трудно гнев пылающий смирить,
Сколь царственным считают скиптроносцы
Итти упорно начатым путем,
Сама я во дворце моем узнала.
Хоть на меня обрушилась беда,
Хоть я одна, покинута, в изгнанье,
Теснима отовсюду, но когда-то
Прославленным отцом блистала я:
Наш род идет от пламенного Солнца.
Все страны, те, что Фазис орошает
Струями мирными, те, что лежат
За Скифским Понтом, где морские волны

Подслащены болотною водой,
Где девственные рати амазонок
Пугают Термодонтовы брега,—
Всем этим царством мой отец владеет.
Счастливая, я царственною честью
Блистала, и руки моей искали
Завидные для многих женихи.
Внезапная, неверная судьба
Меня из царства вырвала, изгнанье
Судила мне. Как доверять престолу,
Когда ничтожный случай разрушает
Великое могущество?.. Одним
Цари владеют благом драгоценным,
Которое нельзя у них отнять:
Несчастным помогать, давать защиту
Просителям. И это я одно
Из всех богатств Колхиды сохранила:
Всей Греции красу и славный цвет,
Оплот ахейцев, отрасли богов,
Я, я спасла. Подарок мой — Орфей,
Леса и камни двигающий пеньем,
Божественные Кастор и Поллукс,
Сыны Борея, скрытые за морем,
И зорким глазом видящий Линкей,
И все минийцы. Я молчу о том
Вожде вождей... награды за него
Я не ищу: всех прочих вам дарю я,
А этого единого — себе.
Теперь меня суди за преступленья,
Сознáюсь в них, виновна я в одном:
В возврате и спасенье аргонавтов.
Когда бы предпочла я стыд девичий,
Любовь к отцу, — пелазгов вся земля
Разрушилась б с великими вождями

И первым бы погиб твой зять от пасти
Пылающей свирепого быка.
И пусть мой жребий горек, — не жалею,
Что стольких сохранила я царей.
Награда всей моей вины великой
В твоих руках. Коль хочешь, осуди
Виновную, но грех мой возврати мне.
Виновна я и признаюсь, Креонт.
Ты это знал, когда, прося защиты,
К твоим коленям припадала я.
Для бед моих прошу в твоих владеньях
Безвестного, глухого уголка.
Когда меня из города ты гонишь,
В далеком месте царства дай приют.

Креонт

Я не из тех, кто правит беспощадно,
Отталкивая гордою пятой
Несчастного, и это доказал я,
Изгнанника приняв себе в зятья,
Несчастного, дрожавшего от страха,
Кого Акаст, Фессалии властитель,
Для наказанья требовал себе.
Ему в вину он ставит смерть отца,
Дрожащего, расслабленного старца,
И члены рассеченные его,
Когда, твоим уловлены коварством,
Дерзнули сестры на безбожный грех.
От твоего отмежевавшись дела,
Язон оправдан может быть, его
Не оскверняла кровь, и он — невинен,
Не прикасался он к мечу и чист
Стоял вдали от вашего собранья.
Ты, ты — изобретательница зол:

В тебе негодность бабы сочеталась
С мужскою силой; дела нет тебе
До доброй славы; уходи, очисти
Мои владения, унеси с собой
Проклятые, губительные зелья,
В другой земле тревожь святых богов.

Медея

Велишь бежать? Отдай же мне корабль
И спутника отдай. Зачем велишь
Бежать одной? Ведь не одна пришла я?
Когда войны боишься, прогони
Обоих нас из царства. Для чего
Ты разлучаешь двух виновных? Пелий
Не для меня убит, а для него.
Прибавь сюда побег, хищенье, брата
Растерзанного, сирого отца
И все, чему научена от мужа
Супруга новобрачная. Все это —
Не от меня. Я столько раз грешила,
Но для себя — поверь мне — никогда.

Креонт

Тебе уйти давно уж подобало,
В пустых речах оттягиваешь срок.

Медея

Последнюю к тебе имею просьбу:
Чтоб матери вина не поразила
Детей невинных.

Креонт

Уходи. Я их
Согрею у моей отцовской груди.

Медея

Молю тебя. Счастливым этим браком
В твоей семье, грядущею надеждой,
Судьбою царств, подверженных судьбе,
Тебя я умоляю: дай мне время,
Мне, матери, последний поцелуй
Запечатлеть на детях перед смертью.

Креонт

Для козней ты испрашиваешь срок.

Медея

Каких же ты бояться козней можешь
В столь малый срок?

Креонт

Для злых, чтобы вредить,
Не надо много времени.

Медея

Откажешь
Одно мгновенье дать моим слезам?

Креонт

Вступивший страх велит отвергнуть просьбу,
Но день один для сборов я даю.

Медея

Нет, это слишком, можно покороче:
Спешу сама.

Креонт

Заплатишь головой,

Коль не оставишь Истма прежде, чем
Поднимет Феб над миром день грядущий.
Меня ж зовет священнодейство брака,
Зовет к мольбам священный Гименей.

Хор

Нет, слишком отважен, кто первый дерзнул
Пускаться на ломком судне по волнам
И, на землю родную взирая в тыл,
Свою жизнь доверил неверным ветрам
И, в опасном пути рассекая моря,
Возлагая надежды на хрупкий сруб,
Меж дорогами жизни и смерти поплыл.
Отцы наши видели светлый век,
Невинный, не видавший козней злых,
И все, не касаясь чужих берегов
И спокойно старея на отчих полях,
Довольны немногим, не знали богатств,
Кроме тех, что рождает родная земля.
Никто не следил за течением звезд,
Украшающих синий, глубокий эфир;
Корабль не умел избегать по ночам
Ни дождливых Гиад, ни Оленской Козы,
Ни Медведицы Северной, коей вослед,
Направляя ее, проплывает Боот.
Ни грозный Борей,
Ни теплый Зефир не имели имен.
Над ширью морскою Тифис дерзнул
Развернуть паруса, и новый закон
Предписать ветрам: то парус надуть,
То к подножию мачты его опустить,
Чтобы встречные, южные ветры поймать,
То реи спокойно держать посреди,
То поднять их до самой вершины, когда

Всей бури ветров желает моряк
И, высоко рдея багряной каймой,
Дрожат паруса.
Хорошо разделенные мира концы
Воедино связал фессалийский корабль,
И морю удары терпеть приказал.
И к прежним страхам прибавился страх
Пред пучиной морской.
Но кару понес нечестивый корабль:
Средь ужасов долгих он путь совершал,
Когда две горы, затворы пучин,
Сшибаясь друг с другом, далеко кругом
Стонали, гремели, как громы небес.
До самых туч
Стесненное море бросало волну.
И Тифис отважный лицом побледнел
И выпустил руль из слабеющих рук,
И над лирой застывшей умолкнул Орфей,
И Арго, певучий корабль, онемел.
А вспомним про то, как Сицилия дочь,
Окруженная ярыми псами у чресл,
Залаяла пастями всеми зараз.
О, кто б не почувствовал дрожи в костях
При лае чудовища с множеством морд.
Иль про то, как — чума Авзонийских
брегов —
Сирена ласкала лазурную гладь
Волшебною песнью, и только с трудом
Фракийский Орфей
Сирену, губившую все корабли,
Пиэрийской кифарой своей покорил!
Какая ж награда морского пути?
Золотое руно
И Медея, которая моря страшней, —

Достойная мзда за первый корабль.
Теперь уступило нам море и всем
Подчинилось законам: не нужен теперь
Нам Арго — постройка Палладиных рук, —
Погоняемый веслами славных царей:
Пучина доступна любому челну.
Исчезли границы, на новой земле
Построили стены свои города,
Ничего не оставил на прежних местах
Кочующий мир.
Из Аракса холодного индус пьет,
И черпают персы Эльбу и Рейн.
Промчатся года, и чрез много веков
Океан разрешит оковы вещей,
И огромная явится взорам земля,
И новые Тифис откроет моря,
И Фула не будет пределом земли.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кормилица. Медея

Кормилица

Куда бежишь таким поспешным шагом?
Останови бушующий порыв!
Как богом одержимая менада
Беснуется и мчится по снегам
Вершины Пинда, по отрогам Нисы,
Так и она туда, сюда блуждает,
И признаки безумства на лице.
Лицо в огне, глубоко дышит грудь,
Кричит, глаза кропит слезой обильной,
Смеется вдруг: все страсти в ней бушуют.
Колеблется, куда оборотить
Всю тяжесть духа, дышащего гневом.
Грозит, бушует, жалуется, стонет...
Где разобьется бешенства прилив,
Разлившийся широкими волнами?
Не легкое, обычное злодейство
Замыслила она, но превзойдет
Сама себя. Знакомы мне давно
Приметы гнева яростной Медеи.
Громадное злодейство предстоит,
Свирепое, безбожное. Пусть боги
Не оправдают страха моего.

Медея

Несчастная, когда ты знать желаешь
Предел вражды, то подражай любви.
Безмерно я любила, и теперь
Мне царский брак терпеть неотомщенной?
И этот день я праздно проведу,
Которого упорно домогалась.
Пока земля посередине прочна,
Устойчиво стоит, приводит небо
В порядке верном зиму и весну,
Пока нельзя песчинки счесть морские,
Сияет солнце днем, а звезды — ночью,
Пока вращает мировая ось
Созвездия сухие двух Медведиц,
Пока стремятся реки в океан,
Дотоле ярость мщенья не утихнет,
Но будет возрастать в моей груди.
Какой свирепый зверь, какая Сцилла
С Харибдою, глотающей моря,
Иль Этна, подавившая титанов,
Угрозами такими закипят?
Ни быстрая река, ни бурный Понт,
Бушующий над налетевшим Кором,
Ни ветром раздуваемое пламя
Не остановят гнева моего.
Я все разворочу и опрокину...
Но, может быть, боялся он Креонта,
Войны с царем Фессалии? Нет, нет:
Для истинной любви никто не страшен.
Быть может, он пред силой уступил?
Но мог притти поговорить с женою
В последний раз. И этого — жестокий —
Он побоялся. Мог у тестя он

Добиться и отсрочки для изгнанья.
Один мне день дарован для прощанья
С двумя детьми. Но нет, я не ропщу
На малый срок, и мне его довольно.
Свершит, свершит единый этот день,
О чем молчать уже никто не будет.
Я вызову на бой богов — и все
Я поколеблю!

Кормилица

Госпожа, верни
Спокойствие взволнованному сердцу,
Смягчись душой.

Медея

В одном лишь я могу
Найти покой: разрушить все с собой.
Пусть все со мной исчезнет. О, как сладко
Тому, кто гибнет, увлекать других.

Кормилица

Как много страхов ждет тебя, подумай,
Коль будешь ты упорствовать. Никто
Не борется с царями безопасно.

Язон. Медея

Язон

О Рок суровый, жребий мой, жестокий
И в ярости, и в милости равно!
Как часто бог оказывал мне помощь
Ужаснее опасностей самих.
Когда б хотел я верным быть супруге,
Я смерти был бы обречен; теперь

Имею жизнь, зато теряю верность.
Не страх над нею восторжествовал,
А лишь любовь: последовали б дети
За мной во гроб. Святая Справедливость,
О, если ты еще живешь на небе,
Тебя зову в свидетели: отца
Лишь дети победили. Полагаю,
Что и сама она, хоть и жестока,
Хоть и не любит гнуться под ярмом,
Детей предпочитает ласкам мужа.
Решился к ней я подступить с мольбой,
Но вот она, едва меня завидя,
Навстречу прыгнула; перед собой
Несет вражду, и на лице написан
Весь ярый гнев.

Медея

Бегу, бегу, Язон!
Менять места не ново для меня,
Нова причина бегства: для тебя лишь
Имела я привычку убегать.
Я ухожу, раз ты повелеваешь
Мне убежать из дома; но куда
Меня ты посылаешь? Устремлюсь ли
Я в Фазис и Колхиду — край отца,
Где пажити омыты кровью брата?
Каких земель искать повелеваешь?
Какие указуешь мне моря?
Не моря ли Понтийского пучины,
Где я везла обратно рать царей,
За милым следуя чрез Симплегады?
В Иолк ли малый мне бежать? В долины ль
Фессалии? Я заперла себе
Дороги все, которые открыла

Перед тобой. Изгнаннице изгнанье
Повелеваешь ты, но не даешь.
Пойду однако; царский зять велел —
Отказа нет. Подвергни истязаниям,
Я заслужила их. Пусть царский гнев
Соперницу кровавым наказаньем
Раздавит, руки в узы заключит,
Запрет меня в пещере вечно темной.
Я большего заслуживаю...
Неблагодарный! Или ты не помнишь,
Средь ужаса товарищей твоих,
На пажитях Эета броненосных,
Огонь из пасти пламенных быков,
Когда по приказанью моему
Себя самих взаимно истребили
Те воины, рожденные землей?
Прибавь сюда желанную добычу —
Барана Фрикса, как я усыпила
Бессонное чудовище — дракона,
Как брата смерти предала, в одном
Убийстве два убийства совершила,
И дочерей заставила коварством
Рассечь на части слабого отца.
Во имя будущих твоих детей,
Чудовищ побежденных, этих рук,
Которых для тебя я не жалела,
Прошедших страхов, и небес, и волн
Свидетелей безмолвных брачной клятвы.
О, сжалься и за все мое добро
Воздай теперь, когда достиг ты счастья.
Ища чужих, покинула я царство
Моих отцов; из этих всех богатств,
Которые нам скифы доставляют
От опаленных Индии племен

(И так как дом сокровищ не вмещает,
Мы украшаем золотом леса),
Я ничего с собой не захватила,
А только члены брата, для тебя
Растерзанные. Принесла я в жертву
Тебе отца, отчизну, брата, стыд!
С таким приданым вышла замуж я —
Изгнаннице верни ее богатство.

Язон

Когда Креонт хотел тебя казнить,
Слезами я купил тебе изгнанье.

Медея

За наказанье я его считала,
Но вижу, что оно — подарок.

Язон

Прочь
Беги от нас, пока еще возможно:
Всегда тяжел бывает гнев царей.

Медея

Ты это мне советуешь, заботясь
Лишь о Креузе: хочешь удалить
Соперницу постылую с дороги.

Язон

Меня в любви Медея упрекает?

Медея

И в кознях, и в убийстве.

Язон

Наконец,
В каком меня винишь ты преступленье?

Медея

Во всех, свершенных мною.

Язон

Одного
Недоставало: чтоб я виновен был
Во всех твоих злодействах.

Медея

Да, твои,
Твои они. Кому злодейство в прок,
Тот и свершил его. Пусть все твою
Бесславную супругу обвиняют, —
Один лишь ты оправдывай ее.
В твоих глазах невинной быть должна,
Кто для тебя невинность потеряла.

Язон

Противна жизнь, коль куплена она
Ценой стыда.

Медея

А если жизни стыдно,
Тогда зачем держаться за нее?

Язон

Смири скорей разгневанное сердце
И пожалей детей.

Медея

Нет, я от них
Отказываюсь, отвергаю их. Креуза
Им братьев даст.

Язон

Могучая царица
Приют окажет детям беглецов.

Медея

Пусть бедные не доживут до дня,
Который отрасль Фебову смешает
С негодными отродьями Сизифа!

Язон

Несчастная, с собою и меня
В изгнанье тащишь? Уходи, прошу я.

Медея

Мои моленья выслушал Креонт.

Язон

Но что могу я сделать. Говори!

Медея

Из-за меня? Хотя бы преступленье!

Язон

Ведь с двух сторон меня теснят цари.

Медея

Медея их страшнее. Я готова
Сражаться, чтоб Язона получить.

Язон

Я изнемог от бедствий... Иль забыла
Ты ужасы, что мы перенесли.

Медея

Я над судьбой всегда торжествовала.

Язон

Теснит Акаст.

Медея

Страшнее враг Креонт.
Беги от них обоих, не хочу я,
Чтоб руку ты на тестя подымал,
И осквернять себя родною кровью
Тебе, поверь, Медея не велит.
Беги со мной невинный.

Язон

Устоим ли,
Когда на нас нагрянут две войны,
Когда Креонт соединит с Акастом
Свои войска?

Медея

Прибавь колхидцев к ним,
Вождя Эета, скифов и пелазгов
Соедини — я потоплю их всех.

Язон

Боюсь я скиптров царских.

Медея

Нет, скорее
Ты жаждешь их.

Язон

Беседу сократи,
Чтоб не навлечь опасных подозрений.

Медея

Ну, если так... тогда греми, Юпитер,
Простри десницу с вышины небес,
Готовь огонь отмщенья, поколебай
Весь мир, перуном тучи разорвав!
Не разбирай, кого из нас разить,
Меня или его: кто упадет,
Тот и виновен!.. Молния твоя
Непогрешима.

Язон

Будь благоразумней,
Спокойнее. Когда у тестя в доме
Есть что-нибудь приятное тебе,
Что облегчит изгнание, проси.

Медея

Ты знаешь: я умею презирать
Богатства царские. Позволь одно:
Детей мне взять в товарищи изгнанья,
Чтоб иногда на их груди поплакать.
Ты новыми утешишься детьми.

Язон

Хотел бы я твою исполнить просьбу —
Любовь мешает. Нет, к подобной жертве
Ни царь, ни тесть меня не принудит.
Они одни — моей причина жизни,
Они одни — моей сожженной груди
Утеха и отрада. Я б скорей
Расстался с духом, телом, светом солнца!

Медея

Так любит он детей. Прекрасно. Он
В моих сетях, открылось место ране.

По крайней мере мне перед уходом
Позволь оставить детям наставленье,
Запечатлеть последний поцелуй,
И это мне отрадно. Напоследок
Прошу тебя: не помни о словах,
Что вырвал у меня припадок скорби.
Пусть остается память у тебя
О наших лучших днях, а то, что в гневе
Сказала я, об этом позабудь.

Язон

Уж я забыл, и сам прошу тебя
Кипящий дух смирить и успокоить.
Покорность горе облегчает нам.

Медея

Он удалился. Как? Уходишь ты,
Забыв меня, мои благодеянья?
Я выпала из памяти твоей?
Нет, никогда не выпаду! Все силы
И все свое искусство призови.
Тебе остался плод твоих злодейств:
Чтоб ничего не почитать злодейством.
Здесь места нет коварству: нас боятся.
Там, где никто беды не ожидает,
Я нападу. Дерзай же, начинай
Все, что Медея может и не может.
Ты, верная кормилица, подруга
Моих скорбей и разных злоключений,
Мне в замыслах печальных помогай.
Есть у меня одежда, дар небесный,
Престола украшение родного,
Происхожденья вышнего залог,
Дарованный Эету богом Солнца,

И, жемчугом осыпанный обильно,
Златой венец для царственных кудрей.
Их я с детьми отправлю в дар невесте,
Волшебным ядом раньше напоив.
Гекату призовем! К священнодействам
Приступим мрачным. Ставьте алтари,
И пусть на них гудит и воет пламя.

Хор

Никакая сила огня и ветра,
И стрелы летящей не так ужасна,
Как когда отвергнутая супруга
Гневом пылает;
Легче Австр ненастный, несущий вьюги,
Легче Гистр, когда, широко разлившись,
Рвет мосты, бушует и затопляет
Вешние долы;
Легче Рона, мчащая волны в море,
Иль когда, от снега освобожденный,
Под палящим солнцем, весною поздней
Гем разольется,
Слеп огонь любви, разожженной гневом,
Он не знает меры, узды не терпит,
Не боится смерти, мечам навстречу
Жадно стремится.
Пощадите, боги, прощенья молим,
Чтоб спокойно жил покоривший море.
Но ярится царь голубой пучины
На святотатца.
Гнать дерзнувший вечную колесницу,
Новый бог, забывши отца уроки,
Сам сожжен огнями, что, обезумев,
По небу сеял.
Новый путь отыскивать — всем опасно.

Ты иди дорогою верной предков,
Не дерзай священные связи мира
Рвать самочинно.
Кто касался царственных весел Арго,
Кто дубравы древние Пелиона
Обнажил от их густолистной тени,
Все, кто плыл меж странствующих утесов
И, изведав столько трудов на море,
У прибрежья варваров бросил якорь,
Чтоб вернуться в дом с золотой добычей,
Искупили гибелью нарушенье
Права морского.
Море в гневе требует наказанья:
Первый Тифис, поработитель моря,
Руль невежде-кормчему предоставил.
Умер он вдали от родного царства.
И, покрытый бедным холмом могильным,
Средь теней безвестных лежит доныне.
Оттого-то, помня царя потерю,
Корабли задерживает Авлида
В гаванях долго.
Кто рожден Каменою сладкогласной,
Тот, чьим стру́нам внемля, ручей бегущий
Замедлял теченье, смолкали ветры,
Птицы песни позабывали, вместе
С деревами слушать его стекаясь,
Он давно растерзан в полях фракийских;
Гебр главу в кровавых волнах лелеял;
Отошел к знакомому Стиксу, в Тартар
Он без возврата.
Аквилона дети от рук Алкиды
Пали вместе с сыном Нептуна, в разных
Бесконечных образах тот являлся.
Сам же он, моря усмирив и землю,

И раскрыв жестокого царство Дита,
Опочив живой на горящей Этне,
Члены отдал в жертву огням свирепым,
Был снедаем гноем старинной крови,
Даром супруги.
Злой кабан ударом сразил Анкея;
Мелеагр безбожный зарезал дядю
И за то от матери гневной принял
Смертный жребий. Но за вину какую
Был наказан смертью тот нежный отрок,
Что, в пути потерянный Геркулесом,
Был — увы — похищен волной потока?
Что ж! Пускайтесь в море, когда опасен
Даже источник.
Идмонея, знавшего Рок грядущий,
Змей убил в бесплодных песках Ливийских.
Правду всем вещавший, себе солгавший,
Мопс погиб далеко от Фив родимых.
Если верно пел он о том, что будет,
Муж Фетиды будет блуждать в изгнанье,
Пораженный молнией в бурном море,
Оилеев сын искупил кончиной
Отчую дерзость.
Ложный свет зажжет, чтоб сгубить
аргосцев,
И падет в пучину коварный Навплий.
Искупая злую судьбу Адмета,
Жизнь свою за мужа отдаст супруга.
Сам же Пелий, кто золотой добычей
Нагрузил корабль первозданный Арго,
Был сожжен в котле раскаленном; члены
В тесной влаге плавали и горели.
Месть за море, боги, уже свершилась.
Милость Язону!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кормилица

Душа трепещет в ужасе; большая
Грозит беда. С невероятной силой
Растет и разжигает сам себя
Медеи гнев. Видала часто я
Ее, богам бросающую вызов,
Колеблющую небо, но теперь
Она готовит большее злодейство.
Когда она трепещущей стопой
Вступила в дом заклятий сокровенных,
Она прибегла к чарам всем, которых
Боялась раньше, и пустила в ход
Все тайные, безвестные заклятья
И, осенивши левою рукой
Алтарь печальный, вызвала все язвы,
Рожденные на пламенных песках
Пустынь Ливийских и под вечным снегом
Морозами окованного Тавра,
И всех чудовищ. Пением волшебным
Привлечена чешуйчатых чудовищ
Таившаяся в сумраке толпа.
Здесь страшный змей тяжелое, большое
Волочит тело; языком тройным
Вращает, ищет жертвы, но, услышав
Волшебные напевы, цепенеет,
Свивая тело в кольца и узлы.

„Нет, — говорит Медея, — это мало:
Орудия земли и преисподней
Негодны мне, достану яд небес.
Пора, пора обычное коварство
Мне превзойти. Пускай сюда сойдет
Змея небес, подобная потоку,
Сжимающая крепкими узлами
Зверей небесных двух (из них большой
Сияет над пелазгами, а меньший
Сидонянам); пусть лапы разожмет
Сам Змиедержец, яд изливши свой;
Пускай Пифон придет на зов волшебный,
Дерзавший нападать на двух богов,
И гидра Лерны, с головами всеми,
Сраженными Геракловой рукой.
И ты приди, бессонный страж Колхиды,
Под песнь мою уснувший в первый раз“.
И, вызвав все змеиные породы,
Она берет отравленные зелья:
Все, что рождает каменистый Эрик,
Что на хребтах, покрытых вечным снегом,
Растит Кавказ из крови Прометея,
И яд, которым стрелы напояют
Богатые арабы, легкий Парф,
И Мед колчаноборный, и все соки,
Которые под небом ледяным
В Гирканских рощах свевы собирают;
Все, что зима весною гнездотворной
Произращает и когда зима
Стряхает с рощ красу, сковавши все
Оковами мороза ледяными,
Все травы, яд таящие в цветке
И в чьих корнях струится сок смертельный,
Она в руках своих перебирает.

Вот эти зелья возрастил Афон,
Те — Пинд огромный; эти нежный цвет
Под злым серпом сложили на Пангее;
Те возрастил глубоководный Тигр,
А те — Дунай; а эти — по равнинам
Сухим струящий теплую волну
Гидасп жемчугоносный; эти — Бетис,
Своей стране дающий имя, воды
Несущий в Гесперийские моря,
Слабеющий замедленным теченьем.
Вот эта травка срезана была
Перед рассветом, та — глубокой ночью,
А эту ногтем подсекла сама
Волшебница, шепча свои заклятья.
Срывает смертоносные растенья,
Змеиный выжимает гной, прибавив
Совы зловещей сердце и утробу
Совы ушатки. Чар художница
Кладет их врозь; одним присуща сила
Огня, другие — холодны, как лед.
Она слова над ядами бормочет,
Не менее ужасные. Но вот
Я слышу шум ее шагов... она
Запела: мир дрожит при первых звуках.

Медея. Кормилица

Медея

Заклинаю тени мертвых и подземных всех богов,
Темный дом глухого Дита и тебя, слепой хаос,
Смерти мрачные пещеры в преисподних берегах,

Души! Казни позабывши, собирайтесь к нам на брак.
Иксион, пади на землю! Стань недвижно, колесо!
Пусть и Тантал беззаботно пьет Пиренскую струю.
Пусть Сизиф свой камень скользкий катит вспять средь вечных скал.
Также вы, кого терзает тщетный труд дырявых урн,
Соберитесь, Данаиды: здесь работа есть для вас.
Пусть достанутся все казни тестю мужа моего.
И на зов моих заклятий, ночи ясная звезда,
Подымись в зловещем виде, ликом тройственным грозя.
Воззвав к тебе и кудри распустив,
Вошла я в рощу тайную босая
И вызвала струю из туч сухих.
Понизила моря, и океан
Вернулся вглубь, смирив свои приливы,
Увидел мир в одно и то же время
И солнце, и звезду; коснулись моря
Созвездия Медведиц. Изменила
Я ход времен: от пенья моего
В исходе лета зацвела земля.
И средь зимы Церера видит жатву,
К своим истокам Фазис возвратился,
И Гистр, текущий множеством ручьев,
Едва струит скудеющие воды.
Взгремели волны, море взволновалось
Без ветра, роща древняя стряхнула
Листы по приказанью моему.

На полпути остановился Феб,
Гиады падают с небес. Пора,
Приди к твоим священнодействам, Феба!
Рукой окровавленной венки плету,
Их обвивают девять змей.
А вот Тифея члены, потрясавшего
Юпитера могучий трон.
Здесь Несса, перевозчика коварного,
Кладу отравленную кровь.
Здесь пепел древний от Этейского костра,
Испивший Геркулесов яд.
Алфеи, грешной матери, святой сестры,
Здесь видишь мстительный огонь.
А эти перья Гарпия оставила,
Что Дзета убегала рук.
Прибавь к ним перья Стимфалиды, раненой
Лернейской гибельной стрелой.
Гудит алтарь: я вижу, что треножник мой
Богиня движет грозная.
Колесница Гекаты, я вижу, плывет...
Не такая, какую на небе ночном
Она гонит, сияя полным лицом,
Но как будто низринута с чистых небес
Фесаллийских колдуний заклятьем ночным,
Приближает она к омраченной земле
Свой ущербный, зловещий, краснеющий серп.
Так разлей же печальный и бледный твой луч,
Устрани ты народы! На помощь тебе,
О богиня сетей, пусть звенит и гремит

Коринфский кимвал — драгоценная медь.
Тебе приношу на кровавой траве
Торжественный дар;
Тебе зажигаю ночные огни,
Похитивши светоч из самых могил.
Тряся головой,
Со склоненною выей тебя я зову.
Для тебя повязала я кудри мои
Погребальным венцом; для тебя потрясу
Я печальную ветвь от стигийской волны.
Для тебя поражу мои руки ножом,
Обнажив, как менада, дрожащую грудь.
Пускай моя кровь потечет на алтарь!
Привыкайте, о руки, мечи обнажать,
Привыкайте струить дорогую мне кровь!
Каплет влага святая из раненых рук.
А что слишком я часто тревожу тебя
Мольбами и чарами, ты мне прости.
Причина того, что так часто тебя
Я зову, Персеида, все та же всегда:
Всегда Язон.
Окрась же одежду Креузы теперь,
Чтоб, как только ее наденет она,
Ползучее пламя прошло до костей.
В сияющем золоте заперт огонь,
Потаенный и жгучий; его мне вручил
Прометей, заплативший за кражу огня
Терзанием вечным утробы своей,
И искусству владеть тем огнем научил.
И Мульцибер тайные дал мне огни,
Сокрывши их тонкою серой от глаз.
И молнии жгучие я собрала
От низверженных с неба останков твоих,
Мой родной Фаэтон; и Химеры

Я имею огонь.
Есть огонь у меня и из груди быка,
Колхидского стража; смешала их все
Я с желчью Медузы, и тайное зло
Велела хранить.
Усиль мои яды, Геката, храни
В дарах моих скрытое семя огня.
Пусть обманут и зренье, и руки они,
Пусть жар проникает и в жилы, и в грудь;
Пусть члены расслабятся, кости чадят;
Пусть пламя в кудрях новобрачной жены
Превосходит сиянье венчальных свечей!
Заклятья услышаны; трижды вдали
Геката пролаяла грозная: вот
Она посылает святые огни. *(К кормилице.)*
Обряд волшебный кончен. Позови
Сюда детей; я через них пошлю
Подарки драгоценные невесте.

Те же и дети Медеи

Идите, дети матери несчастной,
Умилостивьте даром и мольбами
Владычицу и мачеху свою.
Идите и скорее возвращайтесь,
Чтоб обняла я вас в последний раз.

Хор

Разъярена любовью,
Кровавая менада,
Куда летит? Какое
Готовит злодеянье?
Лицо пылает гневом,
И гордой головой
Она грозит престолу.

Ну кто бы мог поверить
В изгнание ее?
Пылают взором щеки,
Но бледность гонит краску;
И бледность и румянец
Сменяются мгновенно.
Туда, сюда несется,
Как, потерявши деток,
Тигрица в роще Ганга
Блуждает, разъярясь.
Ни гневом, ни любовью
Медея не владеет.
Теперь перемешались
Любовь и гнев. Что ж будет?
Когда поля пелазгов
Колхидянка покинет,
Освободив от страха
Семью царей и царство?
О, Феб, без промедленья
Гони коней по небу.
Пусть ночь сойдет благая!
Вождь ночи, Геспер ясный,
Потопит страшный день.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Вестник. Хор. Кормилица

Вестник

Погибло все, разрушен царский дом,
Отец и дочь смешались в общем пепле.

Хор

Какая ж казнь сгубила их?

Вестник

Обычно
Губящая царей: подарки.

Хор

В них
Какое же коварство заключалось?

Вестник

Я сам дивлюсь, едва могу поверить.

Хор

Как бедствие случилось?

Вестник

Жадный пламень,
Как будто по приказу, весь дворец
Охватывает, дом уже разрушен,
За город опасаются.

Хор

Пускай
Вода потушит пламя.

Вестник

Вот что дивно:
Вода питает пламя, и чем больше
Препятствий, тем сильней горит огонь;
Он охватил сторожевые башни.

Медея. Дети

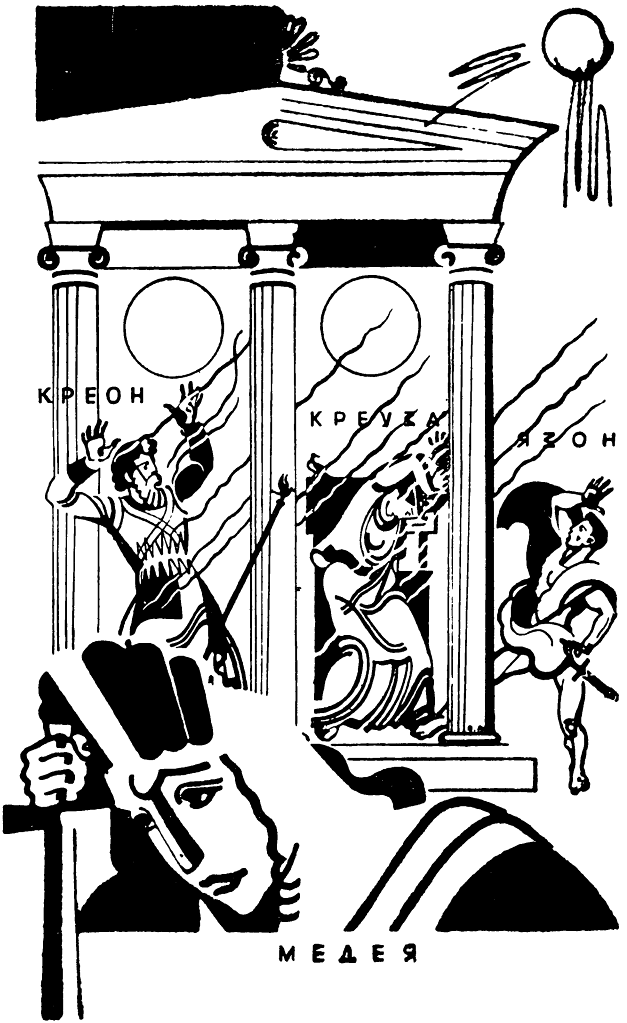
Кормилица

Скорей беги из Пелопова края,
Ищи себе, Медея, стран других.

Медея

Чтоб я ушла? Нет, если бы я прежде
Бежала, возвратилась бы теперь;
Вот предо мною новый брак. Что
медлишь,
Моя душа, осуществить порыв?
О, велико ли это отомщенье?
Безумная, должно быть, до сих пор
Язона любишь ты, когда довольно
Тебе его безбрачия! Ищи
Неведомой, необычайной кары.
Исчезни, стыд, исчезни, весь закон!
Ничтожна месть, когда невинны руки.
О, разожги твой задремавший гнев
И ярости старинные порывы
Со дна души смятенной зачерпни!
Пускай все то, что я доселе свершала,
Покажется святым! Я то свершу,

Что назовут обычными, пустыми
Мои злодейства прежние. Я в них
Лишь упражняла гнев мой. Что могли
Осуществить неопытные руки
И девичье безумие? Теперь
Медея — я: мой ум созрел средь бедствий.
Отрадно брата голову отсечь
И члены разрубить его; отрадно
Украсть отца священное руно
И руки дочерей вооружить
На гибель старца. Гнев, ищи добычи!
Для всех злодейств годна моя рука.
Какие стрелы, гнев мой, ты готовишь
Коварному врагу? Не знаю, что
Душа внутри решила, в чем не смеет
Сама себе признаться. Слишком я
Поторопилась, глупая. О, если б
Он от твоей соперницы детей
Уже имел! Но все равно: Креуза
Твоих детей Язону родила.
Я избираю это наказанье
И вижу в нем венец моих злодейств.
Душа, готовься! Дети, что моими
Когда-то были, вы падете жертвой
За преступленья вашего отца.
Но ужас сердце сжал, и холод — в членах,
И дрожь — в груди. Ушел куда-то гнев,
Вернулась мать, супругу прогоняя,
Уже ль пролью я кровь моих детей?
О, нет! Придумай что-нибудь получше!
Пускай уйдет подальше от меня
Безбожное, неслыханное дело!
За грех какой прольют бедняжки кровь?
За то ль, что рождены они Язоном

КРЕОН
КРЕУЗА
ЯЗОН
МЕДЕЯ

И матерью Медеей? Пусть падут!
Ведь не мои они, пускай погибнут...
Они мои, и нет на них вины,
Они так непорочны... Это — правда...
Но разве был виновен брат? Зачем
Колеблешься, душа моя, и слезы
Кропят лицо? Зачем любовь и гнев
На части рвут взволнованную душу?
Как яростные ветры бой ведут,
Со всех сторон гоня морские волны,
И море неуверенно кипит,
Так и в моем забушевавшем сердце
Любовь и гнев друг друга гонят прочь.
Гнев, уступи любви! Сюда, о дети,
Единая утеха для семьи
Разрушенной, скорей сюда придите,
Чтоб потонуть в объятиях моих.
Пусть вас живых отец имеет, только б
И матери иметь вас. Но гнетет
Изгнание и бегство. Скоро, скоро
От груди материнской оторвут
Их, плачущих, рыдающих. Пускай же
Не тешатся лобзаниями отца,
Когда они для матери погибли.
Вновь гнев растет и ненависть кипит.
Старинная Эринния невольно
Толкает руку, следую за ней.
О, если б вышла из моей утробы
На свет толпа надменной Танталиды
И дважды семь я родила детей!
Была бесплодна я для наказаний,
Но двух детей я родила — довольно,
Чтобы отмстить за брата и отца.
Куда стремятся эти толпы фурий?

Кому готовят пламенный удар?
Кому грозят кровавыми огнями
Отряды преисподней? Извиваясь,
Огромный змей гремит своим бичом.
Кому грозит ужасная Мегера?
А это чья растерзанная тень?
А! Это — брат: он требует отмщенья,
И я отмщу. Погасни, свет любви!
Терзай и жги, открыта грудь для фурий!
О брат, уйди, богиням отомщенья
Сокрыться в преисподней прикажи
И мне самой оставь меня. Вот этой
Моей рукою, обнажившей меч,
Воспользуйся, о брат, и этой жертвой
Смирю я тень твою. *(Убивает сына.)* Но что за шум?
Оружие готовят и изгнаньем
Грозят мне. Чтоб убийство довершить,
На кровлю дома нашего взойду я!
(Кормилице.)
И ты, кормилка, шествуй вслед за мной.
(К убитому сыну.)
Твой этот труп с собою захвачу.
Ну, ну, душа! Что втайне тратить доблесть!
Яви ее перед народом всем. *(Взбирается на крышу.)*

Те же. Язон. Воины

Язон

Сбегайтесь все, кто верны, кто сострадает
Несчастию царей, чтобы поймать
Виновницу ужасного злодейства!

Сюда, сюда, воинственная рать,
Разрушьте дом до самых оснований!

Медея

И скипетр мой, и брата, и отца
Вернула я, владеешь вновь Колхида
Добычею барана золотого.
Возвращено похищенное девство,
О, наконец, смягчились божества!
О, этот день мой — праздничный и
брачный!
Но нет, не все отмщенье свершено,
Так продолжай, пока послушны руки.
Что медлишь и колеблешься, мой дух?
Мой гнев упал, раскаяние, стыд
Владеют мной. О, что я совершила,
Несчастная! Но пусть терзает стыд,
Что сделано, то сделано. Невольно
Огромное блаженство поднялось
В моей душе, оно растет все выше.
Недоставало только одного:
Вот этого свидетеля. Доселе
Я ничего не сделала. Без цели
Злодейства все, что были без него.

Язон

Вот, вот она грозит с обрыва крыши.
Огней сюда скорее, чтоб она
В своем погибла пламени!

Медея

Могилу,
Могилу для детей готовь, Язон,
И холм надгробный. Я похоронила

Твоих жену и тестя. Этот сын
Уже погиб, второй погибнет также,
Но на твоих глазах.

Язон

Молю тебя
Богами всеми, нашим общим бегством
И верностью супружеской моей,
О, пощади дитя! Коль кто виновен,
Так я один: убей меня скорее,
Рази мою преступную главу.

Медея

О нет! Там, где всего тебе больнее,
Вонжу я меч. Иди теперь, гордец,
И домогайся девичьих объятий,
Бросая мать.

Язон

Довольно одного!

Медея

Когда б одним насытиться убийством
Могла моя рука, ни одного
Она бы не свершила. Слишком мало
И двух убийств для гнева моего.
Когда сейчас в утробе материнской
Скрывается залог твоей любви,
Его мечом я вырву из утробы.

Язон

О, продолжай! Я больше не прошу,
Но хоть отсрочку дай моим мученьям.

Медея

Нет, наслаждайся медленно, мой гнев!
День этот мой, я пользуюсь отсрочкой.

Язон

Меня, меня убей, ужасная!

Медея

Взываешь ты о жалости? *(Убивает второго сына.)* Готово.
Окончено, и утолен мой гнев.
О, подыми, Язон неблагодарный,
Сюда глаза, опухшие от слез.
Ты узнаешь жену? Ведь мне привычно
Так убегать. Открылся в небо путь.
Два змея мне чешуйчатые шеи
Подставили. Отец, прими детей,
А я помчусь в крылатой колеснице.

Язон

Несясь в пространстве горнего эфира,
Свидетельствуй, что в нем уж нет богов!

ФЕДРА

СОДЕРЖАНИЕ

Сын царя Тезея и амазонки Антиопы, красавец Ипполит, презирает всех женщин, хочет остаться девственником; он лишь предан охоте, он чтит не богиню Венеру, а богиню Диану. Во время отсутствия Тезея, спустившегося в подземное царство, мачеха Ипполита, Федра, охваченная безумной страстью к пасынку, признается ему в любви, но Ипполит резко отвергает ее. Тогда, по возвращении Тезея, Федра клевещет мужу на Ипполита, будто Ипполит сам обесчестил ее. Тезей проклинает сына и в наказание высказывает одно из трех пожеланий, которые обещал исполнить его отец, морской бог Нептун: он хочет, чтобы Ипполит погиб от пучины морской. Ипполит бежит из родного дома, но когда едет на колеснице по морскому берегу, из моря появляется чудовище — морской бык, который пугает лошадей Ипполита. Лошади понесли, опрокинули колесницу и повлекли за собой упавшего Ипполита, разрывая его тело о камни и кустарники. Федра, узнав о гибели пасынка, признается Тезею во лжи и в отчаянии закалывает себя мечом над растерзанным телом Ипполита. Тезей оплакивает погибшего сына.

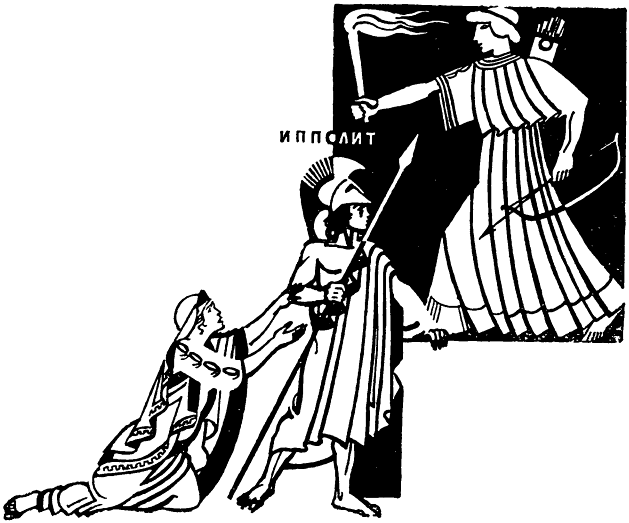
Из трагедий того же сюжета, предшествовавших драме Сенеки, до нас дошла лишь трагедия Эврипида „Ипполит Увенчанный". Но, повидимому, не она была источником для Сенеки, а несохранившаяся до нашего времени другая трагедия Эврипида — „Ипполит Закрывающийся". В ней, как у Сенеки, Федра сама признается в любви Ипполиту, который в ужасе закрывает себе голову плащом (отсюда и название).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Федра.
Тезей.
Ипполит.
Вестник.
Кормилица.
Хор афинян.
Афин.
Слуги Тезея.
Служанки Федры.
Охотники (спутники Ипполита).

Место действия — Афины или вблизи Афин.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ипполит. Охотники

Ипполит

Рассыпьтесь, друзья, по тенистым лесам,
По снежным вершинам Кекроповых гор!
И быстрой стопой пробегайте луга,
На которые тень простирает свою
Скалистый Парнеф,
Где Кефис стремительный вечно шумит,
Текущий во мгле Триазийских долин.
Ликуйте холмы, что вечно Рафейским
снегом белы.
А вы устремитесь к ольховым лесам,

Где Зефир росоносный ласкает луга,
Вызывая весенние травы на свет,
Где Илис легкий лениво течет
По прелестным полям и скудной волной
Омывает и гложет бесплодный песок.
А вы к Марафонским дебрям густым
Направьте шаги,
Где матери ищут для маленьких стад
Подножного корма и пастбищ ночных.
А вы, где открытый для южных ветров
Ахарней суровый смягчает хлад.
Один на Гимета сладостный склон,
В Афидны пускай устремится другой.
В том месте давно не звучали рога,
Где смотрит на моря извилистый брег
Сунийский утес.
Кто славы охотника ищет, того
Призывает Флий.
Ведь там обитает гроза поселян,
Прославленный многими ранами вепрь.
Молчаливым псам
Ослабляйте вожжу, но молоссов злых
Не спускайте с ремня, а критские псы
Пусть рвутся истертою шеей из уз.
Спартанских псов
(Смела их порода, жадна до зверей)
Держите на привязи ближе, ближе к себе.
Наступит пора,
Их лай отзовется под сводом пещер.
Теперь же, носы наклонивши к земле,
Пусть нюхают воздух и ищут берлог,
Пока полумрак и на влажной земле
Хранятся следы пробегающих ног.
Один поскорей

Широкие сети для лова готовь,
Другой расставляй тугие силки.
Пусть перья багряные страхом пустым
Загонят в тенета смятенных зверей.
Ты издали легкие копья метай,
А ты и правой и левой рукой
Направляй отягченный железом дрот.
А ты из засады зверей выгоняй
Пронзительным криком, а ты, победив,
Утробу вскрывай согнутым ножом.
О дева-богиня, с любовью приди
К слуге твоему,
Царящая в сумраке тайном лесов,
Разящая верной стрелою зверей,
Которые пьют
Холодный Аракс
И резвятся зимою на истровском льду.
Ты львов гетулийских десницей разишь
И критских преследуешь ланей. А то
Ты стрелы бросаешь в стремительных серн
Своей легкой рукой.
Тебе подставляют и спину, и грудь
Рогатые зубры, косматый бизон
И пестрые тигры. Все звери пустынь,
Что живут в Аравийских роскошных лесах
И в скудной земле гарамантов, и те,
Что ютятся на диких Пирены хребтах,
Скрываются ль в дебрях Гирканских густых
И в степях, где кочует дикий сармат, —
Трепещут, Диана, пред луком твоим.
Кто, имя имея твое на устах,
Вступает в леса,
У того переполнены сети зверьем,
Ни один не уйдет, разорвавши силки,

Телеги скрипят под добычей лесной
И рдеют от крови морды собак.
С весельем и шумом толпа поселян
Возвращается в хижины праздновать пир.
Богиня, ты здесь:
Пронзительно лают веселые псы,
Призывая в леса. Сюда, сюда,
Помчимся, друзья, где тропа сократит
Утомительный путь.

Федра. Кормилица

Федра

О Крит великий, царь морей безбрежных,
Чьи корабли несметные покрыли
Широкий Понт до края, где Нерей
Стремит суда на Ассирийский берег!
Зачем меня наложницею дал
В немилый дом, где я женой врага
В слезах мой век печальный коротаю?
Мой муж бежал, и верен он жене
Той верностью, что свойственна Тезею.
Отважного любовника соратник
Спустился он во мрак озер подземных,
Чтоб вместе с ним похитить Прозерпину
С престола преисподнего царя.
Ни страх, ни стыд его не задержали:
И в Ахеронте беззаконных лож
Готов искать родитель Ипполита!
Но есть другая, бо̀льшая печаль,
И от нее меня не отрешают
Ни мрак ночной, ни сон глубокий.
В сердце
Растет беда, пылая, как огонь

В пещерах Этны. Празден мой станок,
Из рук невольно пряжа выпадает.
Охоты нет почтить дарами храм
И, замешавшись в хор аттидских жен,
Пред алтарем, в молчанье тайнодейства,
Метать огни и чистыми мольбами
Богиню чтить, владычицу Земли.
Хочу зверей преследовать бегущих,
Метать копье изнеженной рукой!
Зачем, мой дух, зачем ты любишь дебри?
Я матери несчастной узнаю
Преступный Рок. Всегда, всегда в лесах
Грешили мы. О, как мне жаль тебя,
Родительница! В страсти нечестивой
Дерзнула ты отдать любовь вождю
Свирепых стад. Твой обольститель был
И диким, и ярма не выносящим,
Но все же он любил... Но бог какой,
Какой Дедал мое угасит пламя?
Нет, если б сам афинянин искусный,
Что в темном доме запер Минотавра,
Вернуться мог, он не помог бы мне.
Возненавидев всех потомков Солнца,
На нас оковы Марса своего,
Да и свои Венера вымещает
И Фебов род обременяет весь
Постыдными грехами: ни одна
Из дочерей Миноса не любила,
Чтоб к той любви не примешался грех.

Кормилица

Тезеева супруга, славный отпрыск
Юпитера! из груди непорочной
Скорее изгони огонь греха

И не давай себя ласкать надежде.
Тот, кто любовь в начале подавил,
Воистину бывает победитель.
Но кто питал и возлелеял зло,
Нести ярмо, которому подпал,
Отказывается, но слишком поздно.
Мне хорошо известно, что цари
Не любят правды, в гордости своей
Пред истиной склоняться не привыкли;
Я понести ответственность готова
За мой совет: ведь близкая свобода
Рождает храбрость в старческой груди.
Наш первый долг — итти прямой дорогой,
А уклонившись, меру знать в грехе.
К чему идешь, несчастная? Зачем
Бесславный дом еще бесчестишь, мать
Желая превзойти? Здесь больший грех,
Чем зверь ее. Там был виною Рок,
Твоя ж любовь о сердце развращенном
Свидетельствует. Если безопасным
Проступок ты считаешь потому,
Что твой супруг не видит свет небесный,
Ты заблуждаешься. Пускай Тезей
Сокрыт навек Летейскою пучиной,
А об отце забыла, что законы
Дает морям и сотни городов?
Столь страшный грех оставит он сокрытым?
Отцовская забота прозорлива.
Но пусть его мы хитростью обманем,
Забыла ты о деде, чьи лучи
На целый мир сиянье изливают,
Отце богов, что сотрясает землю
И мечет пламя Этны? Неужель

Ты скроешься от пращуров всезрящих?
Но пусть на связь греховную твою
Небесные посмотрят благосклонно,
Соблазну покровительство дадут, —
Что скажешь ты о совести смятенной,
Душе, виною полной, вечном страхе
Перед собой? Злодейство безопасным
Бывает, но спокойным — никогда.
О, погаси огонь любви преступной
И грех, какого варварские земли
Не видели, ни негостеприимный
Суровый Тавр, ни скифы кочевые!
Ужасное злодейство изгони
Из чистого ума и, вспомнив мать,
Страшись любовных связей небывалых.
От ласк отца стремясь к объятьям сына,
Ты смешанный зачнешь во чреве плод?
Так продолжай и опрокинь природу
Огнем преступным! Что ж чудовищ нет?
Что ж пуст дворец, где брат когда-то жил?
Что ж всякий раз увидит чудищ мир,
Природа все законы преступит,
Когда полюбит критянка?

Федра

Я знаю,
Кормилица, ты правду говоришь.
Но страсть меня на худший путь влечет:
Сознательно душа стремится к бездне,
Ища вотще спасительных советов.
Так мореход противу встречных волн
Коль правит челн, его напрасен труд:
Уносится корма теченьем бурным.
Что может разум? Побеждает страсть

И бог могучий всей душой владеет.
Крылатый этот бог царит над миром
И самого Юпитера палит.
И Марс воитель ведал это пламя,
И бог — создатель молнии трехзубой —
И он, всегда вращающий золу
В пещерах Этны, тем огнем пылает;
И Феба, с лука мечущего стрелы,
Пронзает мальчик верною стрелой,
Летает он, тяжел земле и небу.

Кормилица

Постыдная, потворствуя пороку,
Решила похоть, что любовь есть бог,
И чтоб свободней быть, снабдила страсть
Названьем бога ложного. С небес,
Извольте видеть, сына посылает
На землю Эрицина; стрелы он
Рукою нежной сыплет, и владеет
Громадным царством меньший из богов.
То выдумка пустая душ безумных:
Венеры божество и лук Амура.
Кто в счастии живет чрезмерном, тот
Стремится к необычному. Тогда
Большого счастья страшная подруга
Приходит похоть. Повседневный стол
И здравый нрав становятся постылы.
И почему той похоти чума,
Дома изысканные выбирая,
Щадит пенатов скромных? Почему
Свята Венера в хижинах убогих
И здравы страсти у людей простых,
Держась в своих пределах? И, напротив,
Богатые, особенно цари,

Стремятся к беззаконному? Кто слишком
Могуч, тот хочет мочь, чего не может.
Ты знаешь, что царице подобает:
Страшись возврата мужа твоего.

Федра

Одной любви покорно сердце Федры,
Я не боюсь возврата: никогда
Не возвращался тот под свод небесный,
Кто потонул в молчанье вечной ночи.

Кормилица

На Дита не надейся. Пусть запрет
Свое он царство, пусть стигийский пес
Хранит врата, Тезей найдет дорогу.

Федра

Быть может, он простит мою любовь.

Кормилица

Безжалостен он был к супруге чистой,
И дикая узнала Антиопа
Его руки жестокость. Но допустим,
Что сможем гнев его переломить, —
Кто сломит сына дух неукротимый?
Возненавидев даже имя женщин,
В безбрачье он свои проводит дни,
Бежит любви. Не забывай, что он
Из рода амазонок.

Федра

Вслед за ним
По высям снежным легкою ногой
Бегущим, прыгающим через камни,
Хочу лететь по рощам и горам.

Кормилица

Чтоб он твоим ласканьям уступил
И чистоту нарушил для Венеры?
И полюбил тебя, когда, быть может,
Из-за тебя всех женщин ненавидит?
Нельзя его мольбами победить.
Он дик!

Федра

Любовь и диких побеждает.

Кормилица

Он убежит.

Федра

Я вслед за ними хоть в море.

Кормилица

Отца не забывай.

Федра

И мать я помню.

Кормилица

Весь род наш он презрел.

Федра

Так нет соперниц.

Кормилица

Придет супруг...

Федра

Кто? Спутник Перифоя?

Кормилица

Придет отец.

Федра

Он кроток был к сестре.

Кормилица

Вот этими седыми волосами
И грудью, изнемогшей от забот,
Сосцами, дорогими для тебя,
Молю, остановись в своем безумье.
Желанье выздороветь — часть здоровья.

Федра

Не вся стыдливость вышла из души.
Старушенька, я слушаюсь. Любовь,
Которая не хочет управляться,
Побеждена да будет. Доброй славы
Не оскверню. Один исход из бед:
За мужем я последую и смертью
Предотвращу несчастье.

Кормилица

О питомка,
Умерь души разнузданный порыв:
Ты потому-то и достойна жизни,
Что смерти мнишь достойною себя.

Федра

Смерть решена; вопрос о роде смерти:
Окончу ль петлей жизнь или железом,
Иль брошусь вниз с Палладина Кремля.

Кормилица

Ты думаешь, моя позволит старость
Тебе погибнуть? Яростный порыв
Останови. Вернуться к жизни трудно.

Федра

Ничто погибели не помешает,
Коль решено и должно умереть.
Моя рука отмстительницей будет
За чистоту.

Кормилица

Единая утеха
Моих годов преклонных, госпожа,
Когда так сильно страсть душой владеет,
Презреть молву: она ведь неправдива
И часто лучше или хуже дел.
К его душе, суровой, неприступной,
Я путь найду. Моя теперь забота
На юношу сурового напасть
И ум его сломить неумолимый.

Хор

О богиня, дочь грозового моря,
Что зовется мать двойных Купидонов!
Сильный и огнем вместе и стрелами,
Сладострастья полн и веселья мальчик.
О, как метко он выпускает стрелы!
Страсть проникнет внутрь, в глубину суставов,
Все опустошит тайный пламень жилы;
Раны мальчик вширь не наносит вовсе,
Но она мозги пожирает тайно.
Не знает покой этот отрок: всюду

Стрелы сеет он как легко по миру!
Та земля, что зрит восхожденье солнца,
Иль вечерний брег на его закате,
Или жаркий край под созвездьем Рака,
Иль Медведицы подо льдом созвездья,
Зрящий лишь одни кочевые орды,
Знает этот огнь. Он воспламеняет
Юношей сердца пылких, воскрешает
Жар у немощных стариков угасший,
Пламенем сердца дев, им незнакомым,
Поражает вдруг. Побуждает он, с неба
В ложном зраке чтоб бог снисшел на землю:
Феб, начальник стад фессалийских, долго
Пас свои стада и, свой плектр оставив,
Созывал быков полевой свирелью.
Сколько раз был зрим во обличье смертном
И сам вождь небес и всех туч гонитель.
То крылами он замахал, как птица,
Слаще пел он, чем перед смертью лебедь,
То играл бычком со свирепым взором —
Подставлял хребет свой девичьим играм,
Вздумал посягнуть он на царство брата,
Греб копытом он, в подражанье веслам,
Укротил он мощь глубины пучинной,
Трепеща за жизнь дорогой добычи.
Страстью разожглась и богиня ночи,
Светлая во тьме; она, ночь покинув,
Лучезарную колесницу брату
Отдает, и он, колесницей ночи
Правя, сократил весь свой круг привычный.
Но дрожат оси колесницы грузной,
Слишком ночь свое позабыла время,

И замедлил день своим восхожденьем.
Бросил Геркулес свой колчан и стрелы
И большого льва свой доспех грозящий;
Перстнем скрасил он изумрудным руку,
Дал закон кудрям, непокорным гребню,
Чистым златом он обвязал голени,
На ноги надел он красны сандальи,
Нити он рукой, знавшей лишь дубину,
Прял веретена́ при вращенье быстром.
Узрела Персида, богатый край Лидийский узрел,
Как сброшена шкура свирепого льва;
Как на тех плечах, что держали свод Высоких небес,
Краснеет тирийская тонкая ткань.
Всем жертвам поверьте: священ тот огонь
И чрезмерно могуч. Над пучиной морской,
Опоясавшей землю, под небом самим,
Где текут лучезарные сонмы светил,
Безжалостный отрок всевластно царит,
Не спасутся от этих язвительных стрел
В пучине стада голубых Нереид,
Огня не угасит морская волна.
Природе пернатых знаком тот огонь;
Ужален Венерой, готов воевать
За целое стадо смелый бык.
Испуган за жизнь подруги своей,
И робкий олень вступает в бой.
Потрясают гривой пунийские львы
Под властью любви: лишь вспыхнет любовь,
О страсти зачатой вещает их Неистовый рев.
Индеец пред тигром пестрым своим

Трепещет тогда.
Клыки заостряет свирепый кабан,
Готова на раны вспененная пасть.
Чудовищ морских покоряет любовь
И луканских быков. Природу всю
Побеждает она, изъятий нет.
По веленью Любви угасает вражда,
Уступает огню застарелый гнев;
Что больше мне петь: и мачех злых
Смиряет любовь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кормилица. Хор

Хор

Что нового, кормилица, приносишь?
Царица где? Умерился ль огонь?

Кормилица

Надежды нет на облегченье горя,
И нет конца безумному огню.
Ее снедает скрытый жар, и страсть
Ее лицо невольно обжигает.
В глазах сверкает пламя, пред лучами
Смыкаются ослабнувшие вежды.
Изменчивы желания ее,
И боль любви ей не дает покоя.
Походка умирающей, головка
Склоняется к плечу. Упав на ложе,
Не спит она, но в жалобах печальных
Проводит ночь. То приподнять себя
Велит, то уложить, то расплести,
То вновь связать узлами кудри. Прихоть
Одна другой сменяется. Забыла
Она дары Цереры золотой.
Шагами неуверенными бродит:
Нет больше сил и пурпура в лице;
Любовь снедает члены все, и тела
Увяла белоснежная краса.
И очи, где сияло пламя Феба,

Не говорят о солнечной природе.
Струятся слезы, вечная роса
Кропит ланиты, как на высях Тавра
Дождем весны размытые снега.
Но вот дворцовые раскрылись двери:
Откинувшись на ложе золоченом,
Безумная с себя покровы рвет.

Федра. Хор. Кормилица. Служанки

Федра

О, сбросьте с плеч пурпурно-золотые
Одежды! Прочь багрянец Тира, прочь
И шелк, что серы с веток собирают.
Пусть узкий пояс стягивает грудь,
Прочь ожерелье! Жемчуг белоснежный —
Морей индийских дар — моих ушей
Пусть не тягчит! Рассыпанные кудри
Не знают ассирийских ароматов
И, в беспорядке падая на плечи,
Послушны будут прихоти ветров.
С колчаном в шуйце, фессалийский дротик
Десницей потрясая, я помчусь.
Была такою матерь Ипполита,
Когда, оставивши холодный Понт,
Она гнала отряды диких дев,
Аттическую землю попирая.
Простым узлом закручены власы
Свободные, щитом лунообразным
Покрыта грудь! Такой помчусь в леса.

Хор

Не жалуйся, не облегчает скорбь,
Умилостиви сельскую богиню.

Кормилица. Ипполит

Кормилица

Царица рощ, ты, любящая горы,
Единственная чтимая в горах;
Предотврати зловещие угрозы!
О ты, в лесах великая богиня,
Звезда небес и ночи красота,
Что вместе с солнцем озаряешь мир,
Трехликая Геката, благосклонно
Склонись к мольбам. Смири суровый дух
Угрюмого упрямца Ипполита.
Смягчи его безжалостное сердце:
Пусть склонит слух, научится любить
И пламенем взаимным возгорится.
Сломи его: пускай, упрямый, дерзкий,
Признает он Венерины права.
Сюда твои все силы напряги,
И пусть твой лик сияет лучезарно,
И светят чистые твои рога
В разрыве туч. Когда ты проплываешь
В ночном Зефире, пусть тебя на землю
Не сводят фессалийские напевы,
И ни один не хвалится пастух
Твоей любовью. Снизойди к мольбам...
Но ты уж их услышала, богиня:
Я вижу Ипполита самого,
Он приступить готов к священнодейству
И он один... колеблешься зачем?
Не будет лучше времени и места.
Теперь искусство нужно. Я дрожу?
О, не легко дерзнуть на преступленье!
Но кто царей боится, да отложит
И честь, и справедливость. Добродетель —
Плохой слуга на службе у царей.

Ипполит

Что старческой походкою бредешь,
О верная кормилица, в волненье,
С печалью на лице? Ведь невредим
И мой отец, и Федра с их детьми?

Кормилица

Оставь боязнь: благополучно царство
И дом цветет, ласкаемый судьбой.
Но раздели всеобщее блаженство,
Меня крушит забота о тебе,
Что сам себя смиряешь добровольно.
Несчастен кто благодаря судьбе,
Прощенья тот заслуживает, но
Кто сам себя мученьям подвергает,
Заслуженно теряет блага те,
Которыми пренебрегает. Вспомни,
Что молод ты и душу облегчи:
Ночных веселий факел подыми,
Рассеет Вакх угрюмые печали!
О, наслаждайся юностью: она
Проходит быстро. Веселись, пока
Еще балует юношу Венера.
Зачем лежишь на ложе одинокий?
Отдайся наслажденьям, и вожжи
У юности суровой распусти.
Не дай умчаться лучшим годам жизни.
Всем возрастам свое судили боги:
Веселье — юным, строгое чело
Прилично старцам. Что себя ломаешь,
Нормальное влеченье умерщвляя?
Ведь нива та дает большую жатву,
Что пышно зеленела в дни весны,
И дерево господствует над рощей,

Которое не подсекал топор.
Скорее славы достигают те,
Которых возлелеяла Свобода.
Весь грубый, одичалый, средь лесов
Влачишь ты юность мрачную, забыв
О сладостной Венере. Иль ты мнишь,
Что долг мужей лишь выносить труды,
Смирять коней неистовых и войны
Жестокие, кровавые вести?
Предусмотрел отец великий мира
При виде рук безжалостных судьбы,
Чтобы потери вечно возмещались
Рождениями новыми. Представь,
Что удалится от земли Венера,
Кто род исчезнувший восстановляет:
Пустынею бесплодной станет мир,
Не будет в море рыбы ни одной,
Исчезнут в небе птицы, зверь — в лесах.
Лишь ветер будет выть в пустом
пространстве.
Как много видов смерти бедных смертных
Подстерегает: море, меч, коварство!
Представь, что нет всех этих бед судьбы:
Так сами мы стремимся в черный Стикс!
Пусть юношество девственную жизнь
Начнет вести, и с этим поколеньем
Исчезнет мир, разрушивший себя.
Так избери себе вождем природу:
Наведывайся в город, посещай
Веселые собрания сограждан.

Ипполит

Нет жизни беспорочней и свободней
И больше близкой к нравам древних лет,

Чем та, что любит лес, презревши город.
Нет, тот не зажигается корыстью,
Кто посвятил себя вершинам гор.
Не знает он ни мнения народа,
Ни зависти отравы, ни успеха,
Минутного у суетной толпы;
Ни раб, ни враг царям, он не стремится
Ни к роскоши, ни к почестям пустым,
Свободный от надежды и от страха,
И зависть черная не уязвит
Его зубами едкими. Не знает
Он преступлений людных городов;
Он не дрожит пред всяким вздорным слухом,
Речей не сочиняет, не стремится
Свой дом украсить тысячью колонн,
Не позлащает сводов, алтарей
Не заливает жертвенною кровью,
Осыпав солью белых сто быков.
Но он в полях хозяин и невинный
На воздухе открытом бродит. Козни
Зверям он только строит, а устав,
В Илиссе снежном тело освежает.
То он бежит по берегам Алфея,
То в чащах укрывается густых,
Где блещут Лерны ледяные волны,
В местах безмолвных: здесь щебечут птицы,
И ясени дрожат под ветерком,
И буки древние. То попирает
Прибрежный дерн, вкушая легкий сон,
Баюкаем журчанием ручья,
Бегущего среди цветов весенних.
Плоды деревьев утоляют голод,

И ягоды с терновника дают
Закуску легкую. Он убегает
От роскоши царей: пусть гордецы
Из кубка золотого пьют; как сладко
Зачерпывать рукою из ключа!
На жестком ложе сон куда спокойней!
Не ищет он убежищ потаенных
Для замыслов преступных, и в боязни
Себя не прячет в доме. Ищет он
Лишь воздуха и света и живет
В присутствии небес. Так верно жил
Счастливый род полубогов в начале
Веков: слепая жажда злата им
Была чужда, не разделял полей
У тех народов пограничный камень.
Еще суда не рассекали море,
Свое лишь каждый море знал. Ни валом,
Ни башней не был город окружен.
Жестокая рука меча не знала
И не крушили запертых ворот
Орудья стенобитные. Земля
Не знала рабства человеку. Сами
Поля рождали плод и, ничего
Не требуя, питали племена.
Леса давали пищу, и пещеры
Тенистыми жилищами служили.
Наживы жажда тот союз разбила,
Свирепый гнев и похоть, что зажгла
Умы людей. Явилась жажда власти
Кровавая, и сильного добычей
Слабейший стал, сменилось право силой.
Тогда впервые стали воевать
И камни, и древесные сучки
В оружье обратили, но не знали

Ни легких пик с железным острием,
Ни на боку широкого меча,
Ни шлема с развивающимся гребнем.
Оружье делал гнев. Маворс
Военное искусство изобрел
И тысячу смертей. Тогда всю землю
Покрыла кровь, и покраснело море,
И без конца пошли по всем домам
Злодейства, были явлены примеры
Нечестий всех: от брата падал брат,
Отец — от сына, убивался муж
Рукой жены и погибали дети
От матерей безбожных...
Но женщина — всех зол родоначальник.
Художница злодейств, она владеет
Мужами, от ее прелюбодейств
Дымятся города, ведутся войны
И царства рушатся до основанья.
Я умолчу о прочих: ведь одна
Эгеева жена Медея всю
Породу женщин делает ужасной.

Кормилица

Зачем же злодеяния немногих
Ты ставишь всем в вину?

Ипполит

Да, женщин всех
Боюсь я, ненавижу, проклинаю.
Природа ль здесь, иль разум, или ярость,
Хочу их ненавидеть. Раньше пламя
С огнем соединится, Сирт неверный
Надежный путь откроет кораблям,
Нет, раньше Гесперийская Тефида

Из волн своих подымет ясный день,
И станет волк ласкать устами серну,
Чем женщиной я буду побежден.

Кормилица

Любовь обуздывает непреклонных
И изменяет ненависть. Взгляни
На царство матери: ведь амазонки
Порой несут Венерино ярмо.
Ты сам о том свидетельствуешь: ты —
В их племени единственный мужчина.

Ипполит

Мне в смерти матери одна утеха,
Что я могу всех женщин ненавидеть.

Кормилица

Подобно неприступному утесу,
Что отражает натиск бурных волн,
Он презирает все мои слова.
Но вот стремительно идет и Федра,
Она не в силах ждать. Как обернется
Ее судьба и яростная страсть?
Она упала телом бездыханным
На землю, бледность смертная в лице.
О, подними чело, заговори:
Твой Ипполит тебя в объятьях держит.

Федра. Те же

Федра

О, кто меня к страданью возвращает?
Как сладко было чувства потерять!

Ипполит

Зачем бежишь от сладостного дара,
От жизни возвращенной?

Федра

О душа,
Дерзай, да будет речь твоя бесстрашна.
Кто робко просит, сам отказу учит.
Большая часть злодейства моего
Совершена, и мне стыдиться поздно.
Любовь — мой грех, но если я свершу
Начатое, быть может, преступленье
Сокрою брачным факелом. Успех
Почетом облекает грех иной. Начну!
Прошу тебя: склони свой слух немного
И выслушай меня наедине.

Ипполит

Вот место подходящее. Здесь нет
Свидетелей.

Федра

Не слушается голос,
Большая сила нудит говорить
И бо̀льшая задерживает. Боги,
Свидетельствую вам, что не хочу,
Чего хочу.

Ипполит

Твоя душа не может
Сказать, чего желаешь?

Федра

Говорят
Кручины легкие, большие — немы.

Ипполит

Поверь же мне, о мать, твои заботы.

Федра

Высоко имя матери и слишком
Могущественно. Чувству моему
Приличнее смиренное названье.
Зови меня сестрою, Ипполит,
Или служанкой. Да, служанкой лучше.
Я всякую нести готова службу.
Когда велишь, я с радостью взойду
На Пиндовы вершины ледяные.
Пошлешь в огонь и вражеские рати,
Подставлю грудь под острые мечи.
Возьми мой скиптр, прими меня в служанки,
Тебе — приказывать, мне — исполнять:
Не женщинам дела мужчины править.
Ты, юностью цветущею могучий,
Отцовской властью гражданами правь
И у груди твоей укрой рабыню.
О, сжалься над вдовой.

Ипполит

Верховный бог
Да отвратит беду. Родитель скоро
Придет живой.

Федра

Немого Стикса царь
Путей на свет для смертных не оставил.
Иль похитителя своей супруги
Отпустит он? Нет! Разве только сам
Плутон к любви бывает благосклонен.

Ипполит

Ему возврат даруют боги неба,
Пока же неизвестна воля бога,
Я буду ласков к братьям дорогим.
Чтоб ты себя вдовою не считала,
Тебе отцово место заменю.

Федра

Как легковерна любящих надежда!
О лживая любовь! Довольно ль я
Сказала? Перейду теперь к мольбам.
О, сжалься! Выслушай мои моленья!
И хочется сказать, и невозможно.

Ипполит

Что за беда?

Федра

Которую едва ль
Ты заподозришь в мачехе.

Ипполит

Слова
Двусмысленны твои. Скажи открыто.

Федра

Мне иссушил неистовую грудь
Огонь любви. По жилам и костям,
По внутренностям он распространился,
Как лижет пламя потолок дворца.

Ипполит

Любовью чистой ты горишь к Тезею?

Федра

Да, Ипполит, люблю лицо Тезея,
Каким он был в те юные года,
Когда едва бородка кутала
Его ланиты, и увидел он
Гносийского чудовища обитель
И путь во тьме нашел посредством нити.
Как он сиял! Его златые кудри
Сжимал венец, стыдливо розовело
Его лицо, и мускулы вздымались
Вдоль нежных рук. Твоей ли образ Фебы
Иль Феба моего? Нет, лучше твой!
Таким он был, когда пленил врага,
Так высоко он голову держал.
В тебе сильнее дикая краса:
Отец в тебе сияет весь, однако
И мать в тебе свирепая видна:
Суровость скифа в греческом обличье!
Когда б с отцом вступил ты в море Крита,
Тебе скорее б нить сплела сестра.
Тебя, сестра, сияющая в небе
Я призываю, --тот же случай здесь.
Одна семья сгубила двух сестер:
Тебя — отец, меня же — сын. Лежит,
Припав к твоим ногам, семьи царей
Нескверная, нетронутая отрасль,
Впервые изменившая себе
Лишь для тебя, унизившись до просьбы.
Иль скорбь иль жизнь окончит этот день.
О, сжалься над влюбленной!

Ипполит

Царь богов,
Еще ты медлишь, видя преступленье?

Когда ж ты бросишь молнию рукой,
Коль и теперь сияет день? Пусть рухнет
Эфир и черной тучей скроет день.
И звезды, обратившись вспять, нарушат
Свой вечный бег! О ты, владыка звезд,
Сияющий Титан, ты видишь грех
Твоей семьи? О, потопи лучи,
Умчись во тьму. Богов и смертных царь,
Воспламени весь мир твоим перуном.
Ударь меня, пронзи меня, сожги
Огнем мгновенным. Я виновен, смерти
Достоин я. Я мачеху пленил.
Иль я один казался для тебя
Добычей подходящей? Вот награда
Суровости моей. Ты превзошла
Весь женский род злодейством, ты
порочней,
Чем мать твоя, чудовище во чреве
Носившая. Она ведь осквернила
Себя лишь сладострастьем, и раскрыло
Таимый грех чудовище, на свет
Рожденное с природою двойною.
То чрево возрастило и тебя!
О, трижды и четырежды счастливы,
Кого сгубили ненависть и козни!
Отец, завидую тебе: ведь эта
Ужаснее и мачехи колхидской.

Федра

Сама я знаю рок моей семьи.
Стремимся мы к преступному. Но я
Собою не владею. За тобой
Последую и в море, и в огонь,
На кручи гор и в бурные потоки.

Куда б ты ни пошел, я повлекусь
Вослед тебе. Вторично, горделивый,
К твоим коленям припадаю.

Ипполит

Прочь!
Бесстыдными руками не касайся
До тела непорочного. Что это?
Она объятья мне раскрыла? Меч
Свершит над ней заслуженную казнь.
Я голову бесстыдную ее
За волосы схватил рукою левой
И запрокинул — никогда достойней
Не обагрялся кровью твой алтарь,
Богиня лунодержица!

Федра

Свершил,
О Ипполит, ты все мои желанья.
Что может быть желанней для меня,
Чем чистой умереть в твоих объятьях.

Ипполит

Уйди, живи, чтоб ни одной твоей
Я не исполнил просьбы. Этот меч,
Тобою оскверненный, прочь бросаю!
Какой меня омоет Танаис,
Какая Меотида? Сам великий
Отец не смоет целым океаном
Греха такого. О леса, о звери!

Кормилица. Федра

Кормилица

Раскрыто все. Чего ж еще нам медлить?
Припишем преступление ему

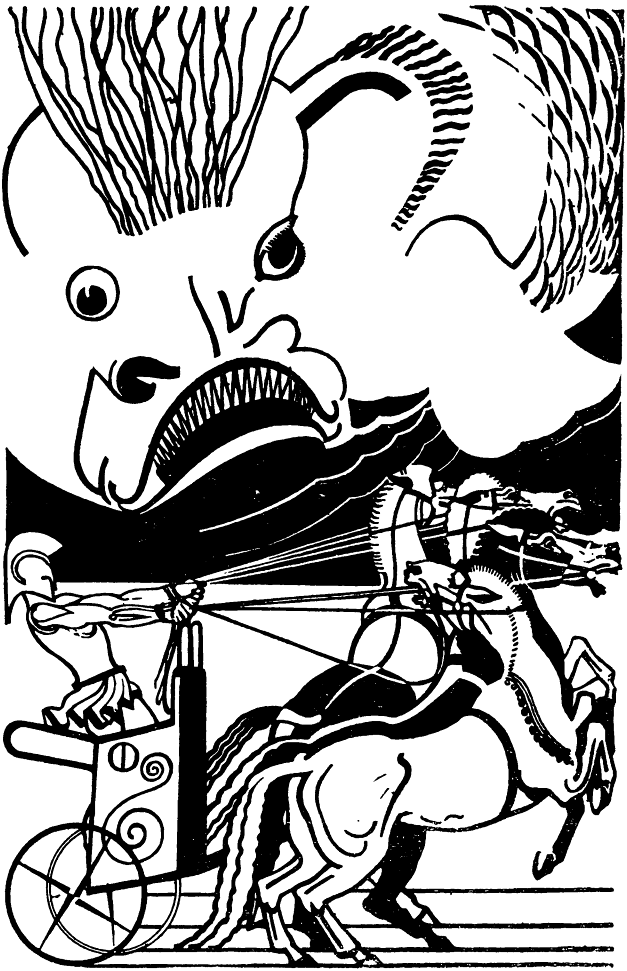
И сами обвиним в любви преступной.
Злодейство покрывается злодейством.
Когда боишься, то всего надежней
Итти вперед. Дерзнули ль мы на грех,
Иль сами были жертвами, какой
Свидетель знает? Дело было втайне.
Сюда, Афины! Верных слуг отряд,
Подайте помощь! Ипполит бесстыдный
Настаивает, смертью угрожает,
Грозит мечом царице чистой. Вот
Он убежал стремительно, и меч
Оставил в бегстве трепетном. Мы держим
Залог злодейства. Приведите в чувство
Несчастную! Растерзанные кудри
Пусть остаются знаками злодейства.
В покой ее внесите. Госпожа,
Очнись! Что грудь терзаешь, избегая
Смотреть в глаза? Намерение злое
Приносит стыд, а не несчастный случай.

Хор

Словно ураган, убежал он бурный,
И быстрей, чем Кор, прогонявший тучи,
И быстрей огня от звезды падучей,
Что, упав, влечет за собой по небу
След лучезарный.
Пусть сравнит молва, что дивится былям,
Всех былых веков красоту с тобою, —
Так же ты красой превосходишь смертных,
Как когда луна, оба рога сжавши,
Блещет во весь диск на померкшем небе
И плывет всю ночь в колеснице быстрой.
Рдеет в мраке лик непорочной Фебы,
Затмевает он свет от звезд далеких.

*

Словно Геспер ты, разносящий сумрак,
Вестник ночи, волн лишь струей омытый,
Но и темный мрак прогоняет ночи
Люцифер он же.
Ты, колеблющий тирс, Либер из Индии,
Вечно — юноша бог, с длинными кудрями,
Виноградным копьем тигров пугающий;
Увенчавший чело митрой восточной,
Ипполита тебе не победить кудрей.
Слишком много ты мнишь о красоте своей.
Ведь молва разнесла между людьми, кого
Федры нашей сестра Бромию предпочла.
Смертным всем красота — благо неверное.
Мало цвесть ей дано времени на земле,
Быстро падаешь ты на роковом пути.
Нет, скорей, чем луга, в пору весеннюю
Красовавшиеся, опустошает зной,
Нет, скорей, чем когда летний ярится жар
И коротких ночей быстро летят часы,
Увядают в полях лилии бледные, —
Упадают с главы кудри любезные,
И на нежных щеках вянет румяный цвет.
Да, уносит красу каждый протекший день.
Мимолетна краса: хрупкому кто, мудрец,
Благу верит когда? Пользуйся им, пока
Можно. Рушит тебя времени быстрый шаг,
Каждый будущий час хуже прошедшего.
Что в пустыню бежишь? Ведь красоте в глуши
Не укрыться от глаз: в роще глухой тебя
В час полдневный, когда солнце палит с небес,
Окружит, веселясь, страстных толпа наяд,
Любо им увлекать юношей в холод вод.

ИППОЛИТ

И дриады лесов твой потревожат сон,
Что привыкли в горах гнаться за панами.
Иль, со звездных небес обозревая мир,
Заприметит тебя дева ночей, луна,
И не сможет катить свой лучезарный челн.
Ведь недавно зардел девы лучистый лик,
А не тмило его облако ни одно.
Ведь встревожены мы этим затмением,
Полагали, что здесь власть фессалийских чар,
И ударили в медь. Но оказался ты
Наших страхов виной: ведь, увидав тебя,
Свой царица ночей остановила бег.
Если будет щадить холод твое лицо,
Если реже его будут палить лучи,
Засияет оно мрамором Пароса.
О, как мужественен твой благородный вид,
Что за гордость видна в складке густых бровей!
Можно с Фебом сравнить твой лучезарный лик:
Непокорны гребням, волны его кудрей
Украшают чело и ниспадают с плеч.
Лоб суровый тебе, кудри короткие
В беспорядке идут. Можешь воинственных
Ты богов побеждать силой — дородностью.
Юной силою мышц равен Гераклу ты,
Шире грудью, чем Марс, войны ведущий бог.
Если б ты захотел на спину сесть коню,
То десница твоя, Касторовой ловчей,
Обуздала б коня лучшего в Спарте всей.
Натянувши ремень пальцами первыми,
Силы все напряги и направляй копье:

Даже критский стрелок, ловкий в метанье
стрел,
Так далеко не шлет легкий тростник
стрелы.
По примеру парфян если захочешь ты
В небо стрелы метать, но ни одна назад
Не вернется пустой: в теплый вонзясь
живот,
Из среды облаков с птицей она падет.
Да, немногим мужам (обозревай века)
Красота принесла счастье. Пускай тебя
Минет зависть богов. Пусть красота твоя
Переступит порог старости роковой.
Что юноше невинному она
Готовит в женской ярости безумной?
О, злодеянье! Растерзав власы,
Она слезами щеки увлажняет,
Пускает в ход все женское коварство.
Но это кто? Он с царственной осанкой,
И высоко поднята голова.
На юного похож он Перифоя.
Но щеки и болезненны и бледны,
Неубранные волосы торчат...
То сам Тезей, вернувшийся на землю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тезей. Кормилица

Тезей

Я вечной тьмы избегнул, наконец,
И свода мрачного тюрьмы подземной.
Слепит глаза давно желанный день!
Четвертый раз сбирает Элевзин
Плоды земли, созвездие Весов
Четвертый раз сравняло дни и ночи,
Как жребий мой двусмысленный меня
Держал на грани мертвых и живущих.
От жизни всей одно мне оставалось:
Сознанье зол. Концом и был Алкид,
Который, пса из Тартара влеча,
Меня с собой возвел под свод небесный.
Но я устал, и прежней силы нет,
Дрожат колени..... о, как тяжко было
Искать Зефир из преисподних недр,
Бежать от смерти, следуя Алкиду!
Но что за вопль мне поражает слух?
Кто объяснит? И слезы, и рыданья
У самого порога! Эта встреча
Вполне достойна выходца из ада!

Кормилица

Упрямо Федра бедная стремится,
Презрев мой плач, к насильственной кончине.

Тезей

Причина где? Зачем ей умирать,
Когда вернулся муж?

Кормилица

Вот в этом самом
Причина смерти.

Тезей

Я не знаю, что
Скрывают темные слова. Открыто
Скажи, какая скорбь ей ум гнетет?

Кормилица

Она не открывает никому,
Решила унести с собой в могилу
То горе, от которого умрет.
Молю, спеши, спеши, иль будет поздно.

Тезей

Раскройте двери царского дворца!

Тезей. Федра

Тезей

О, ложа моего подруга, так-то
Встречаешь ты желанный мой приход?
Оставь твой меч, верни мне бодрость в душу
И объясни, зачем бежишь от жизни?

Федра

Увы, Тезей мой благородный, скиптром
Твоим тебя я заклинаю, милых

Детей рожденьем, твоим возвратом
И этим пеплом будущим моим,
Дай умереть!

Тезей

Что побуждает к смерти?

Федра

Когда скажу причину смерти, плод
Ее погиб.

Тезей

Лишь я один услышу.

Федра

Стыдливая жена боится только
Ушей супруга.

Тезей

Говори, я скрою
Твое признанье в преданной груди.

Федра

О чем ты хочешь чтоб молчал другой,
Ты сам молчи.

Тезей

Возможностей кончины
Ты будешь лишена.

Федра

Дорогу к смерти
Найдет всегда кто хочет умереть.

Тезей

Какой проступок хочешь смертью смыть?

Федра

Тот, что живу.

Тезей

Неужто слезы эти
Тебя не трогают?

Федра

Прекрасна смерть,
Когда умрешь, оплакана своими.

Тезей

Она молчит упорно, но старуху
Кормилицу удары и оковы
Заставят говорить. Сковать ее!
Ударов сила пусть исторгнет тайну.

Федра

Сама скажу, остановись.

Тезей

Зачем
Лицо ты отвращаешь и одеждой
Сокрыть стремишься слезы на щеках?

Федра

Тебя, тебя в свидетели зову,
Творец богов, тебя, сиянье неба,
Родоначальник дома моего
Противилась я просьбам, и душа

Угрозам и мечу не уступила,
Однако плоть насилье потерпела,
И эту скверну смоет кровь моя.

Тезей

Но кто, скажи, бесчестье мне нанес?

Федра

Кого не заподозришь!

Тезей

Имя! Имя!

Федра

Вот этот скажет меч, что в страхе бросил
Прелюбодей, боясь стеченья граждан.

Тезей

Увы! Увы! Что вижу я? Какое
Чудовище! На рукояти блещет
Печать царей, Актейского народа
Краса и честь! Но сам куда исчез?

Федра

Бежал он в страхе, на глазах у слуг.

Тезей

Увы! Увы! Святое благочестье,
Правитель неба и владыка волн,
Откуда к нам явилась эта язва?
Вскормила ль Греции земля его,
Иль скифский Тавр, или колхидский Фазис!
Свой корень обнаружила вполне

Гнилая кровь. Воинственной породы
Я вижу пыл: Венеру ненавидеть
И тело, долго чистое, отдать
На пользованье общее. О мрачный,
Негодный род! Ты не был побежден
Законом лучшей почвы. Даже звери
Нечестия Венеры избегают,
И стыд врожденный чтит права природы.
И где ж его притворное величье,
Грозящий вид, стремленье к древним нравам,
Печальные привычки старика?
О, как ты лжива жизнь! Постыдный дух
Скрывается под образом прекрасным:
Стыдливостью бесстыдство укрывают,
Покоем — дерзость, благочестьем — грех,
Ложь — правдою, суровым видом — негу.
Жилец дубрав, суровый, одичалый,
Ты для меня берег себя? Решил
Ты с ложа моего и с преступленья
Начать мужскую жизнь? Хвала богам,
Что поразил я смертью Антиопу,
Что, к Стиксовым пещерам нисходя,
Я не оставил матери тебе.
Беги, беглец, к безвестным племенам:
Пускай тебя сокроет край земли
И отделит пустыней океана,
И жить ты будешь в противоположном
Кругу земли, пускай ты перейдешь
Ужасный Фазис, за собой оставив
И царство зим в его седых снегах,
И ледяного, ярого Борея, —
Ты кару за злодейство понесешь.
Тебя во всех убежищах настигну:

В леса непроходимые, глухие
Проникну я, — ничто не помешает.
Куда не могут стрелы досягнуть,
Пошлю мольбы. Родитель мой морской
Мне обещал исполнить три желанья,
Волною Стикса клятву освятив.
Правитель моря, этот дар печальный
Сверши теперь! Пусть больше Ипполит
Не видит дня сияющего, встретит
Теней, разгневанных его отцом.
Последнего я дара от тебя
Не пожелал бы никогда, но ныне
Подавлен я великою бедой.
О, нет, в пучине Тартара, пред Дитом,
Среди угроз, подземного царя
Я не изрек мольбы. Сверши теперь
Обещанное! Медлишь, о родитель?
Зачем еще безмолвствуешь волна?
Ветрами тучи черные сгусти
В сплошную ночь, и небеса, и звезды
Похить, морских чудовищ созови,
И возмути пучину океана

Хор

Природа, великая матерь богов,
И ты, огненосца Олимпа царь,
Кто правит теченьем рассеянных звезд
И полюс вращает на быстрой оси,
Зачем неусыпна забота твоя
Порядок поддерживать горних небес?
Попрежнему холод седой зимы
Обнажает леса; вновь чащам лесным
Возвращается тень и вечерняя мгла.
Созвездие Льва опаляет затем

Церерины нивы, и падает зной.
Зачем же, великий правитель всего,
По воле кого, совершая круги,
В равновесии держится тяжесть миров,
Ты бросил людей? Не заботит тебя
Поддерживать добрых, наказывать злых?
Везде без порядка делами людей
Управляет Судьба, и слепого рукой
Рассыпает дары, благосклонная к злым...
Торжествует над чистыми страшная страсть,
Коварство царит в высоком дворце,
И радостно фаски вручает народ
Презренным рукам, и так же людей
Ненавидит и чтит. Добродетель в удел
Получает награду плохую: кто чист —
Живет в пещере, а пороком могуч —
Царит любодей.
О тщетная скромность и ложный почет!
Но что несет поспешным шагом вестник,
Кропя слезами скорбное лицо?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вестник. Тезей

Вестник

О горький и суровый жребий слуг,
Зачем зовешь меня к ужасной вести?

Тезей

Не бойся, мужественно объяви
О злой беде: готово к горю сердце...

Вестник

Поведать скорбь нет слов на языке.

Тезей

Скажи, какой обременяет жребий
Наш потрясенный дом?

Вестник

Увы! Увы!
Погиб плачевной смертью Ипполит.

Тезей

Отец, я раньше знал, что сын погиб,
Теперь погиб прелюбодей. Скажи
Порядок смерти.

Вестник

Быстрым шагом он
Покинул город. Бегство ускоряя,
Он запрягает коней звонконогих
И взнуздывает морды им. Затем,
Поговоривши много сам с собой
И родину прокляв, взывает часто
К родителю и, вожжи распустив,
Неистово ремнями потрясает.
Тогда внезапно море загремело
Из глубины и выросло до звезд.
Не дует над волнами ветерок,
Спокойно небо, собственною бурей
Волнуется морская глубина.
Не так бушует Австр у берегов
Сицилии, не так под властью Кора
Вздымается Ионии залив,
Когда дрожат скалы и ударяет
Седая пена о Левкатский мыс.
Громадною горою встало море,
Оно уже грозит не кораблям —
Грозит земле, на берег набегая;
Не знаю, чем беременна волна,
Земля какая новую главу
Явит звездам? Не новая ль Циклада?
Пока мы цепенеем, вот все море
Ревет, и отзываются утесы.
Вершина брызжет, извергая соль,
И пенится, и воду изрыгает,
Как мчится по пучинам океана
Огромный кит, выплевывая воду.
Вот содрогнулась глыба водяная,
Себя освободивши, и на берег

Выбрасывает то, что превосходит
Все ужасы! За чудищем своим
На берег море хлынуло. Мне кости
Пронизывает дрожь. Таков был вид
Огромного, чудовищного тела.
Синеет шея цвета волн морских,
Зеленый лоб покрыт высокой гривой,
Мохнаты уши, разный цвет в глазах:
Один—как у быка земного стада,
Другой—как у подводного. То пламя
Метает взор, то синевой мерцает.
Вздымается упитанный затылок,
Раздуты ноздри широко, и грудь
Морским налипшим мохом зеленеет,
И пурпуром бока испещрены.
А за спиной чудовищное тело
В сплошную переходит чешую.
Он схож с китом, что разбивает в море
И утлые глотает корабли.
Земля затрепетала, по полям
Рассыпалось испуганное стадо.
Пастух забыл пасти своих быков,
Из чащи звери разбежались, в страхе
Оледенел охотник. Лишь один
Не ведающий страха Ипполит
Уздой коней задерживает робких,
Привычным криком ободряя их.
Дорога есть крутая меж холмов,
Зигзагами проложена над морем.
Здесь чудище засело, гнев готовя.
Собравшись с духом, испытав себя,
Оно во гневе ринулось вперед,
Едва земли касаясь в быстром беге,
И встало пред дрожащими конями.

Тогда твой сын, не изменясь в лице,
Ему навстречу грозно загремел:
„Мой дух не сломит этот страх пустой.
Ведь побеждать быков привычно сыну
Тезееву!“ Не слушаясь узды,
Помчались кони. Уклонясь с дороги,
Куда влекут их бешенство и страх,
Они бегут, метаясь меж утесов.
Но он, как кормчий опытный средь бурь
Мешает накрениться кораблю
И борется искусством против волн,
Стремительною правит колесницей:
То он затягивает удила,
То частыми ударами бичует
Своих коней. Но следует за ним
Упорный спутник: то бежит он рядом,
То спереди перегораждает путь,
Со всех сторон рогами устрашая.
Уж бегство невозможно: пастью всей
Грозит ужасный рогоносец моря.
Смятенные не слушаются кони,
На волю рвутся, вставши на дыбы,
И опрокидывают колесницу.
Он на лицо упал, запутав тело
Вожжами цепкими; стараясь тщетно
Освободиться, только крепче он
Узлы затягивает. Чуют кони
Свою свободу и без господина
Летят туда, куда их гонит страх.
Так, тяжести не чувствуя своей
И гневаясь, что ложному светилу
Доверен день, низвергла Фаэтона
В пучину солнечная колесница.
Окровавляя землю, голова

Со стуком разбивается о скалы.
Клочки волос повисли на кустах,
Раздроблены прекрасные уста
Каменьями, и злосчастная краса
От многих ран погибла. На камнях
Трепещут умирающие члены.
Но, наконец, на обгорелый ствол
Наткнулся он, проникло острие
Под самый пах, и стала колесница
С хозяином, внезапно пригвожденным.
Рванулись кони, разорвав задержку
И вместе господина своего.
Его, полуживого, рассекают
Кустарники и острые шипы
Терновника, на всех стволах дерев
Висят клочки разорванного тела.
Рассыпался отряд печальных слуг
По тем местам, где вьется след кровавый
Растерзанного Ипполита. Псы
Разыскивают члены господина.
Но труд усердный все еще не мог
Составить тело. Это ль красота?
Он, кто отцовской власти соучастник,
Его наследник, как звезда сиял,
Его теперь сбирают по частям
Для смертного костра и погребенья.

Тезей

Как велико могущество твое,
Природа! О, сколь крепкими цепями
Сердца отцов привязываешь ты,
Что чтим тебя мы даже против воли.
Виновного хотел я погубить
И плачу о погибшем.

Вестник

Недостойно
Оплакивать, чего желал ты сам.

Тезей

Я плачу не о том, что потерял,
А лишь о том, что сам его сгубил.

Хор

О, сколько превратностей в жизни людей!
Не так поражают удары судьбы
Людей незаметных, чья доля скромна.
Спокойна бывает их тихая жизнь,
И в хижинах мирно стареют они.
Но дворцы, что взнеслись гордой главой
до звезд,
Эвр неистовый бьет, обуревает Нот,
Вихрем бьет грозовой Борей
И дожденосный Кор.
Во влажной долине не часто гремят
Удары грозы,
Но Юпитер высокогремящей стрелой
Поражает громадный Кавказ, и дрожат
Фригийские рощи, Кибела, твои.
Ведь в страхе ревнивом Юпитер разит,
Что близится к небу. Спокойны всегда
Простые жилища плебейских домов.
Кружится над нами на быстрых крылах
Неверное время! Не держит судьба
Обетов своих.
И он, кто вновь
Увидел теперь
Небесные звезды, оставивши смерть,

Рыдает над горьким возвратом своим.
Оказался плачевней, чем самый Аверн,
Для него приют родного дворца.
О Паллада, чтимая нашим родом!
Что Тезей твой снова увидел небо,
Избежав ужасных болот Стигийских.
Не должна ты быть благодарна дяде:
То ж число осталось в плену у ада.
Но что за вопль из глубины дворца
Доносится? Что вновь готовит Федра
Безумная, свой обнажая меч?

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Тезей. Федра. Хор

Тезей

Откуда эта яростная скорбь?
Что значит этот меч и этот вопль,
Биенье в грудь над телом ненавистным?

Федра

Меня, меня, свирепый царь пучины
Скорей срази и вышли на меня
Чудовищ моря синего: всех тех,
Что в лоне возлелеяла Тефида,
Всех тех, которых кроет океан
На самом дне. Тезей, всегда жестокий,
Всегда родным опасен твой возврат:
Уж поплатились смертью за него
Отец и сын, ты разрушаешь дом
Любовью или ненавистью к женам.
О Ипполит! таким-то вижу я
Твое лицо, и я тому виною?
Какой Прокруст, какой свирепый Синис
Твои рассеял члены? Или критский
Двухвидный бык, что ревом наполнял
Дедалов дом, своей рогатой мордой
Тебя на части растерзал? Увы!
Куда краса твоя сокрылась? Очи —
Моя звезда! Лежишь ты бездыханный.

О, пробудись! Услышь мои слова!
Не будет слов постыдных. За тебя
Отмстит рука моя: железом грудь
Я поражу, одновременно Федру
От жизни и греха освободя,
И за тобой последую чрез волны,
Чрез Тартара озеры, через Стикс,
Безумная, чрез огненные реки.
Чтоб тень твою умилостивить, вот
Прими с главы растерзанной моей
Клочок волос. Соединить сердца
Не суждено нам было, но мы можем
Соединить судьбу. Коль ты чиста,
Умри для мужа. Если ты преступна,
Для милого умри. Могу ль вступить
Я в брачный терем? Нет, недоставало,
Чтобы в святом сознанье правоты
Ты наслаждалась ложем отомщенным!
О смерть, единственное утешенье
От злой беды и горького стыда!
Бегу к тебе, открой же мне объятья.
Внемлите, о Афины, и отец,
Что хуже мачехи ужасной. Ложь
Сказала я и сочинила грех,
Что зачат был в моей груди безумной.
Отец, напрасно было наказанье,
И этот чистый юноша лежит
Нечистой страсти жертвой. Будь оправдан,
Невинный, скромный. Острием пронзила
Я грудь мою безбожную, и кровь,
О муж святой, тебе струится в жертву.
(Закалывает себя.)
Что должен делать, сына потеряв,
Учись, отец, у мачехи. Сокройся

В равнинах замогильных Ахеронта.
(Умирает.)

Тезей

Пасти бледного Аверна, мгла Тенаровых пещер,
Воды ласковые Леты и немые озера,
Поглотите нечестивца, потопите в море бед.
Появитесь, появитесь, злые чудища морей,
Вы, кого Протей скрывает в глубине зеленых вод,
И меня, кто так недавно от злодейства ликовал,
Унесите в глубь пучины! Ты услышь меня, отец,
Кто так быстро отзывался бурям гнева моего.
Я дерзнул на злодеянье, что заслуживает смерть,
Я рассеял тело сына по холмам и по полям.
Ложного греха отмститель, грех я истинный свершил.
Звезды, волны, мир загробный я наполнил злом моим.
Не осталось больше места: царствам трем известен я.
Вот для чего вернулся я: открылась
Мне к небесам дорога для того,
Чтобы видел я двойное погребенье,
Двойную смерть и, сирота безбрачный,
Зажег костер для сына и жены!
О дарующий мрачное сиянье,

Алкид, отдай твой дар обратно Диту,
Верни меня к теням. Напрасно, грешник,
Я смерть зову: жестокий и коварный,
Невиданной изобретатель казни,
Измысли казнь для самого себя.
Пускай сосна, склоненная к земле,
Поднявшись в небо, разорвет тебя,
Развеяв прах по скалам Скиронийским.
Я видел муки тех, что заперты
Волнами огненными Флегетона,
И знаю я, какой мне казни ждать.
О тени, расступитесь! Пусть на эти,
На эти плечи тяжестью своей
Обрушится твой камень, сын Эола,
И отдых даст рукам твоим. Пусть волны
Обманчиво журчат близ уст моих.
Свирепый коршун, Тития оставив,
Перелетит — терзать мне вечно печень.
И ты, родитель друга Перифоя,
Погиб от мук: пусть мне терзает члены
В круговращенье вечном колесо.
Земля, разверзнись! Прими меня,
Ужасный хаос! Праведен теперь
Мой путь к теням: я следую за сыном.
Не бойся, царь теней: пришел я чистым.
Прими меня в твой вечный дом навек.
Мои мольбы не трогают богов:
Но если б я молил о преступленье,
Как скоро бы услышали они!

Хор

Тезей, для жалоб остается вечность,
Теперь же сыну должное воздай,
Похоронив растерзанные члены.

Тезей

Сюда, сюда везите, что осталось
От тела милого: кровавый ком
И в беспорядке сложенные члены.
Ты ль это, Ипполит? Я узнаю
Мою вину, ведь я тебя сгубил,
Но не один: дерзнув на преступленье,
Отец отца на помощь я призвал,
И вот отцовским даром услаждаюсь.
О сиротство печальное на склоне
Моих годов разбитых! Обойми
То, что звалось когда-то сыном. Грудью
Печальною припав, его согрей.

Хор

Отец, разбросанные члены тела
Сложи в порядке, по своим местам
Распредели. Здесь место для десницы,
Здесь шуйца, управлявшая уздой,
Вот это бока левого примета...
Но еще многих нет частей, чтоб слезы
Омыли их!..

Тезей

О, будьте крепки руки
Дрожащие! Остановитесь, слезы,
Бегущие по высохшим щекам,
Пока отец считает члены сына
И составляет тело. Это что?
Бесформенный, уродливый обрубок,
Со всех сторон израненный? Не знаю,
Какая часть, но это часть тебя.
Сюда, сюда клади, не на свое,

А на пустое место. Твой ли это
Прекрасный лик, сиявший как звезда,
От чьих лучей невольно потуплялся
Враждебный взор? Что сталось с красотой?
О Рок ужасный, о благоволенье
Жестокое богов! Так сын к отцу
Вернулся, жертва моего проклятья.
Прими ж теперь последний дар отца.
Ты будешь погребаем вновь и вновь.
Пока ж огонь пожрет останки эти.
Откройте дом, убийством оскверненный,
Пусть зазвенит от горестных рыданий
Мопсопия! Вы царского костра
Огонь готовьте. *(Слугам.)* Вы же по всем полям
Разыскивайте части тела. Эту *(указывая на тело Федры)*
Заройте в землю. Тяжела да будет
Земля ее преступной голове!

ЭДИП

СОДЕРЖАНИЕ

Когда Эдип, сын Лайя, царствовал в Фивах, жестокая чума поразила государство. Чтобы узнать, как избавиться от болезни, Эдип послал Креонта, брата своей жены Иокасты, спросить совета у дельфийского оракула Аполлона. Бог ответил, что чума прекратится лишь тогда, когда смерть Лайя будет искуплена изгнанием его убийцы. Тогда Эдип просит слепого прорицателя Терезия узнать при помощи гадания, кто убийца Лайя. Терезий сначала с дочерью Манто гадает по внутренностям жертвенных животных, но, не добившись ответа, с помощью магического обряда вызывает из преисподней тень Лайя, которая убийцей называет самого Эдипа. Тут постепенно Эдип узнает все: что Полиб, сыном которого он себя считал, не родной отец ему; что он мальчиком был подкинут отцом и найден одним пастухом, который и доставил его к коринфскому царю Полибу, потом усыновившему его; что Иокаста — его мать; Эдип вспоминает, как он, не зная, убил своего отца Лайя. Исполнилось дельфийское пророчество, называвшее Эдипа отцеубийцей, живущим в преступной связи со своей матерью. В страшном отчаянии Эдип выкалывает себе глаза и уходит в изгнание. Иокаста закалывает себя мечом.

Источником для Сенеки была трагедия Софокла „Эдип Царь".

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдип, фиванский царь.

Иокаста, его жена.

Креонт, брат Иокасты.

Тирезий, старый прорицатель.

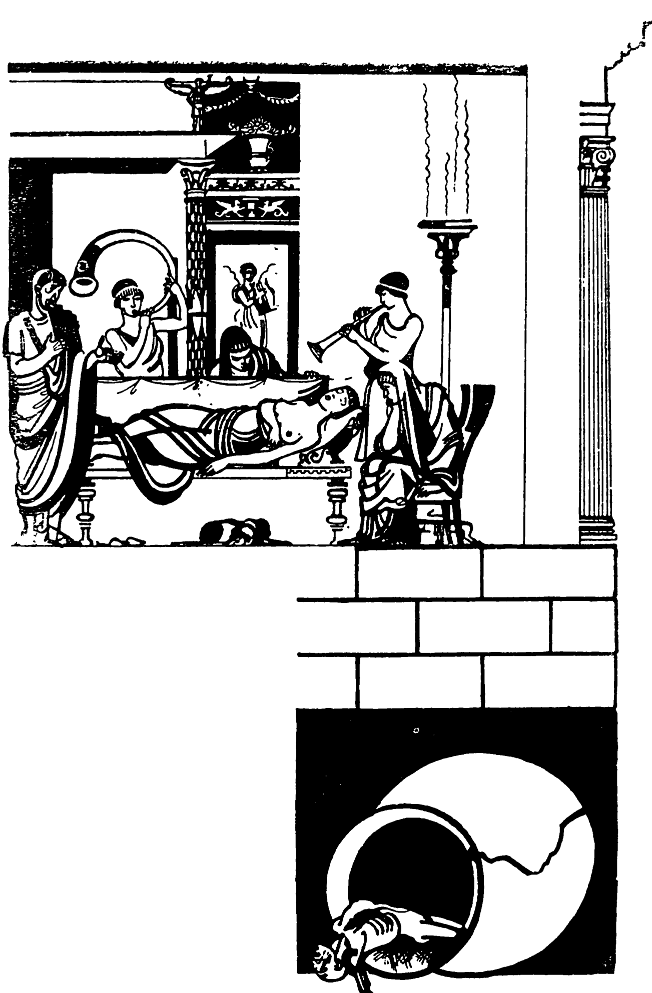
Манто, его дочь.

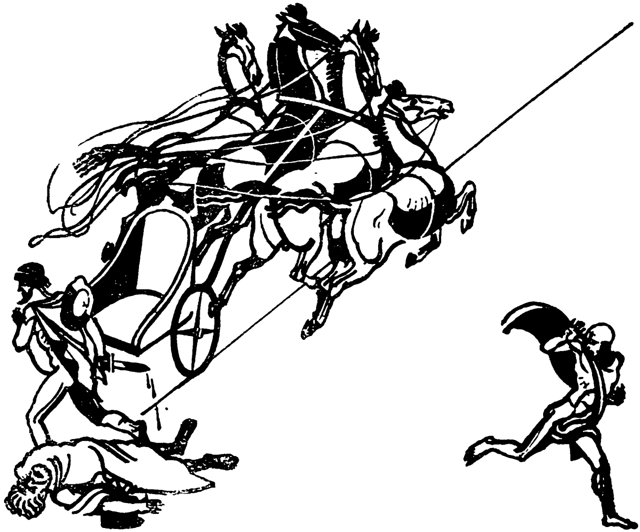
Старик из Коринфа.

Форбас, старый пастух царя.

Вестник. Хор фиванцев. Слуги Эдипа.

Место действия — Фивы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Эдип. Иокаста

Эдип

Уже Титан, прогнавши сумрак ночи,
Неверный свет бросает из-за туч,
Готовясь мрачно озарить дома,
Опустошенные чумою жадной,
И явит день побоище ночное.
Кто может быть счастливым на престоле?
Обманчивое благо, сколько бед
Скрываешь ты под ласковой личиной!
Как всем ветрам открыты выси гор,

Как об утес, стоящий среди моря,
И в тихий день немолчно бьет волна,
Так власть царей подвержена фортуне.
Как я бежал от скиптра твоего,
Отец Полиб! Без страха и забот
(В свидетели зову богов и небо!)
Блуждал я, и случайно стал царем.
Теперь в душе невыразимый страх,
Что от руки моей падет отец.
Так мне дельфийские вещают лавры
И бо́льшее пророчат преступленье.
Но есть ли грех страшней отцеубийства?
Плачь, благочестье, плачь! (Промолвить стыдно)
Преступным браком с матерью моей
Грозит мне Феб и ложем оскверненным.
Вот этот страх прогнал меня из царства:
Я не был изгнан от родных пенатов,
Но, не уверен сам в себе, Природа,
Почтил твои права. Когда в душе
Великий страх, дрожишь пред невозможным.
Всего боюсь, не верю сам себе.
Готовит Рок, готовит мне погибель.
Иначе как понять, что та чума,
Что широко сражает племя Кадма,
Лишь одного меня щадит? Какой
Я обречен беде! Среди развалин,
Средь вечно новых слез и похорон,
Средь мертвых тел стою я невредим
И, стало быть, виновен перед Фебом.
И мог ли я надеяться, что мне,
В награду за такое преступленье
Здоровое даруют царство боги?

Виновными я сделал небеса.
Не прохлаждает свежий ветерок
Сердца разгоряченные. Не веют
Зефиры легкие, но множит солнце
Огонь в созвездье пламенного Пса
И попирает спину Льва Немеи.
В реке нет влаги, цвета нет в траве,
Диркейский ключ засох, едва Исмен
Кропит волной мелеющее дно.
Темна скользит по небесам Диана,
И в облаках печален бледный день.
И в ясной ночи не блестят уж звезды,
И тяжкий мрак окутывает землю.
Дворцы богов и горние жилища
Одела ночь подземная. В плодах
Отказывает зрелая Церера.
Дрожат ее колосья золотые
И на стебле засохшем гибнет плод.
Никто погибели не избегает:
Не разбирая возраста и пола,
Со стариками юношей, с детьми
Отцов чума связует роковая.
Один костер сжигает новобрачных,
И погребенья плача лишены.
И, что всего ужаснее, привычка
К несчастиям зеницы иссушила,
И — крайней скорби верная примета —
Исчезли слезы. Одного отец
Больной несет к последнему огню,
А этого волочит мать, спеша
Дитя другое бросить в то же пламя.
Родится смерть среди самих смертей.
И падают идущие за прахом.
Те на чужом костре своих сжигают,

Крадут огонь — у бедных нет стыда.
Святых костей холмы не покрывают,
Довольно сжечь,— да жгут ли до конца? —
Для насыпей земли недостает,
Уже в дровах отказывают рощи;
Больным не помогают ни молитвы,
Ни врачевание: падают врачи —
Болезнь с собой целителя уносит.
Припавши к алтарю, я простираю
Молитвенные руки и молю
О скорой смерти. Жажду упредить
Отчизны гибель, чтоб не после всех
Остался царь покойником последним.
О тяжкий Рок! Ужель во всем народе
Мне одному отказывают в смерти?
Так презри трон, тобою оскверненный,
Брось это место слез и погребений,
Тлетворное дыхание небес,
Отравленных тобою, гость несчастный!
Скорее убеги, хотя б к отцу.

Иокаста

Какая польза, мой супруг, беду
Тяжеле делать жалобой напрасной?
Считаю я достойнее царя
Сносить несчастье и чем неверней,
Чем более заколебалась власть,
Тем тверже стать устойчивой стопой.
Не по-мужски — бежать перед судьбою.

Эдип

Прочь, прочь укор в трусливости
позорной,
Неведом страх для доблести моей,

Когда бы обнаженное железо
И сила вся неистового Марса
Грозила мне, я б рук не опустил
Пред натиском гигантов разъяренных.
От Сфинкса и его загадок темных
Я не бежал. Я взоров не отвел
От пасти окровавленной его
И от земли, белеющей костями.
Когда грозил он с высоты утеса,
Забивши крыльями, подобно льву
Вертя хвостом, таинственной загадки
Потребовал я. Страшный с вышины
Раздался звук; он заскрипел зубами
И в нетерпенье яром по скале
Когтями скреб, пожрать меня готовясь.
Слова хитросплетенные судьбы
Я разрешил, преодолел коварство
Крылатого, загадочного зверя.

Иокаста

Зачем же ты в безумии теперь
О смерти мыслишь? Ты бы мог тогда
Легко погибнуть. Этот скиптр тебе
Наградою за убиенье Сфинкса.

Эдип

Он, он — чудовища проклятый прах —
На нас восстал. Погубленный, он губит
Чумою Фивы. Нам одно спасенье,
Коль нам к нему пути укажет Феб.

Хор

Ты погибло, славное Кадма племя,
С царством всем; твои опустели села,

Злополучный город, родные Фивы.
Смерть теперь, о Вакх, похищает воина,
Кто дерзал с тобой доходить до Инда,
И в полях зари, в колыбели мира
Водружал святые твои знамена.
Видел он счастливых арабов в рощах
Киннамона; видел коварных парфов,
В ложном бегстве мечущих злые стрелы.
Он вступал на Красного моря берег,
Где восходит, первым лучом сияя,
Феб и жгучим пламенем опаляет
Индусов черных.
Мы, потомки непобедимых, гибнем,
Под ударом валимся злого Рока;
Вновь и вновь справляем триумфы Смерти;
Длинный ряд стремится к теням загробным,
И отряд печальный, шаги замедлив,
Не находит больше холмов могильных,
И семи ворот не довольно толпам.
Груда тел растет, и друг друга давят
Гробы гробами.
Прежде всех болезнь на овец напала:
Плохо щиплет сочные травы агнец.
Поднял руку жрец, поразить готовясь
Шею жертвы раной глубокой: слабый
Бык, блеснув золочеными рогами,
Пал мгновенно наземь, зияет в шее
Рассеченной рана большая; крови
Не видать на остром железе. Черный
Гной противный льется один из раны.
Звонконогий конь на ходу слабеет
И, ногой передней споткнувшись, наземь
Всадника валит.
На лугах валяется скот забытый,

Бык хиреет в стаде осиротелом,
В уменьшенном стаде пастух слабеет,
Умирая сам среди телят зачахших.
Не боятся хищных волков олени,
Замолкает гневного льва рыканье,
Прежней нет свирепости у медведей,
У змеи пещерной не стало яда,
Ссохлось жало, жалобно умирает.
Леса, потерявши кудрявый убор,
Не бросают на горы прохладную тень,
Не зелены нивы от тучной земли,
Не гнется полная Вакхом лоза
Под гнетом ветвей.
Все в мире почуяло нашу беду,
Разбивши Эреба глухого затвор,
Несется толпа преисподних сестер
Со светочем адским. Смешал Флегетон
С волнами Сидонскими Стикса волну.
Высоко летая, жадную пасть
Оскалила Смерть, все крылья развив.
И бодрый, и свежий под бременем лет,
Старик-перевозчик с широкой ладьей
Едва успевает усталой рукой
Налегать на весло. И ему не в мочь
Везти все новые толпы теней.
Но мало того. Идет молва,
Что пес порвал железную цепь
И бродит в наших местах. Земля
Ревет и стонет. По рощам ночным
Блуждают громадные призраки. Лес
Кадмейский, свой снег отряхая, дрожал
И дважды Диркею мутила кровь.
В молчанье ночном
Уж выли не раз Амфионовы псы,

О новый, ужасный смерти вид,
Ужасней чем смерть! По членам больным
Разливается слабость, краснеет лицо,
По коже всей легкие пятна пестрят,
Покрывается потом вся голова,
И жаркий огонь пожирает ее;
Сжигает он тела всю крепость в конец,
Надувает ланиты от крови; зрачки
Неподвижно стоят, и проклятый огонь
Снедает все члены; в ушах звенит;
Из ноздрей струится черная кровь,
Разорвавшая жилы. Повсюду внутри
Клокотанье слышно. Несчастный бежит
И сжимает холодные камни в руках.
А кто без призора, чей дом опустел,
Устремляется к свежим ключам: от воды
Разгорается жажда сильней и сильней.
Валяются люди, припав к алтарям,
И молят о смерти: лишь это одно
Оставили боги. Ко храмам спешат
Уже без надежды на милость небес,
Но чтоб смертью насытить ярость богов.
Кто ко двору подходит быстрым шагом?
Креонт ли то, породой и делами
Прославленный, виденье ли пустое,
Представшее моей больной душе?
Да, это он, желанный всем Креонт.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Эдип. Креонт

Эдип

Я весь дрожу от ужаса, боясь
Решения судьбы. Трепещет грудь
От чувств двойных. Когда с надеждой страх
Мешается, в смятении душа,
Боясь узнать о том, чего желает.
Супруги нашей брат, когда приносишь
Ты помощь нам, скорее объяви.

Креонт

Ответ судьбы двусмысленен и темен.

Эдип

Тот, кто в беде дает совет неясный,
Отказывает в нем.

Креонт

Загадкой темной
Обычно бог дельфийский кроет тайну.

Эдип

Вещай ответ, хоть и неясен он:
Один Эдип загадки разрешает.

Креонт

Изгнаньем искупить цареубийство
И отомстить за Лайя бог велит.
Не раньше просияют небеса
И воздух станет чистым и безвредным.

Эдип

Кто был убийцей славного царя?
Скажи, кого указывает Феб,
Чтобы он был немедленно наказан.

Креонт

Умоляю, безопасно разреши мне рассказать,
Что я видел, что ужасно и для слуха, и для глаз.
Еще члены цепенеют, холодеет в жилах кровь...
Лишь смиренными стопами в храм священный я вошел
И воздел с молитвой руки, призывая божество,
С двух вершин Парнаса снежных загремел ужасный гром,
Дрогнул Фебов лавр священный и кудрями закачал,
И внезапно стали воды Касталийского ключа.
Одержима Аполлоном, разметала волоса
Прорицательница-дева; лишь к пещере подошла,
Как оттуда грянул голос, слишком громкий для людей:

„Кроткие звезды тогда вернутся
Кадмовым Фивам,
Если изгнанником ты оставишь
источник Диркейский,
В смерти виновный царя и Фебу с детства
знакомый.
Нет, не долго тебе наслаждаться ложем
преступным,
Будешь с собой воевать, войну оставишь
и детям,
Ты, бесстыдный, опять вернувшийся
матери в чрево“.

Эдип

Что я свершу по приказанью бога,
То подобало совершить давно,
При пепле мертвого царя, чтоб скиптр
Священный не был осквернен коварством.
Ведь долг царя — блюсти права царей,
Не позаботится о мертвом тот,
Кому живой он страшен был.

Креонт

Заботе
О мертвом новый страх помехой был.

Эдип

Какой же страх мешал святому делу?

Креонт

Сфинкс и угрозы песни нечестивой.

Эдип

Теперь, по приказанию богов,
Искуплено да будет преступленье.

О боги все, что к царствам благосклонны:
Ты, ты, в чьей длани власть вершин
небес,
И ты, о мира светлого краса,
Что правишь бег двенадцати созвездий,
Века крутящий быстрым колесом;
И ты, навстречу брату твоему
Всходящая, скиталица Диана,
И ты, ветров владыка, по морям
Лазурные стремящий колесницы,
И ты, обители безлучной царь,
Явитесь! Чьей рукой убит был Лаий,
Пускай того ни тихий дом не скроет,
Ни лары верные, ни к беглецам
Земля гостеприимная. Да будет
Постыден брак, отродье нечестиво.
Пусть он отца десницею погубит
И то свершит (что можно пожелать
Ужаснее!), чего избегнул я.
Прощенью места нет. Клянусь тем
царством,
Которым здесь владею как пришлец,
И тем, что бросил, вами, о пенаты!
Тобой, отец Нептун, что с двух сторон,
Играя, омываешь нашу землю.
И сам приди, словес моих свидетель,
Ты, движущий устами жрицы Киррской.
Спокойно пусть дряхлеет мой отец
И день последний встретит на престоле.
Пусть также верно мать моя Меропа
Полиба знает ложе одного,
Как я не дам виновному пощады.
Но где свершилось страшное злодейство,
В открытом ли бою или в засаде?

Креонт

К зеленокудрым рощам Касталийским
Он путь держал заросшею тропой,
Где на-трое расходится дорога:
Одна поля Фокиды рассекает,
Любезной Вакху, где, покинув дол,
Отлогими и легкими холмами
Парнас двуглавый всходит к небесам.
К Сизифовой земле ведет другая,
К полям Оленским. Третья же стезя
Змеится в углублении долины
И следует извивами руслу
Студеного и быстрого Илисса.
Здесь на него, не ждавшего беды,
Отряд разбойников, напав с оружьем
Свершил злодейство тайное... Но вот,
Ко времени, подвигнут гласом Феба,
Спешит Тирезий поступью дрожащей
И Манто с ним, ведя слепого старца.

Эдип. Тирезий. Креонт. Манто

Эдип

Ты, посвященный богу, ближе всех
Стоящий к Фебу, разъясни ответ.
Вещай, кого должна постигнуть кара.

Тирезий

Что медлит мой язык, то не должно
Тебя дивить, о царь великодушный.
Большая доля истины бывает
Сокрыта от слепого. Но куда
Меня зовут отечество и Феб,
Последую. Из внутренностей жертвы

Исторгнем Рок. О, если б у меня,
Как в юности, была горячей кровь,
Я грудью бы воспринял бога. Слуги,
Тельца, чья шея белая ни разу
Ярма не знала, ставьте к алтарю.
Ты, дочка, поводырь отца слепого,
Передавай о знаменьях святых.

Манто

Упитанный телец пред алтарем.

Тирезий

Зови богов торжественной мольбой
И воскури восточным фимиамом.

Манто

Я ладан положила на огонь.

Тирезий

О, что ж огонь? Охватывает яства?

Манто

Он вдруг блеснул и тотчас же угас.

Тирезий

Взвился ль он вверх сияющим столбом,
Поднявши к небу чистую вершину
И в воздухе рассыпавшись кудрями?
Иль сбоку неуверенно ползет,
Скудея в волнах сумрачного дыма?

Манто

Менялся вид подвижного огня,
Подобного Ириде дожденосной,

Что, небо опоясавши дугой,
Пророчит дождь игрою многоцветной.
Никак его не определишь цвет:
То был он синим в искрах золотистых,
То рдел как кровь и, почернев, угас.
Но вот огонь строптивый разделился,
И на-двое рассыпалась зола
Единой жертвы... Страшно мне, отец!
Напиток Вакха превратился в кровь,
И дым густой главу царя окутал.
Сгустился он у самого лица
И облаком сокрыл огонь от взора.
Отец, вещай, к чему это?

Тирезий

Могу ль
Я говорить, когда в смятеньи мысли?
И что скажу? Здесь ужас, но сокрыт
Он глубоко. Обычно гнев богов
Является в чертах определенных.
Что б это было, что хотят открыть
И снова не хотят, и гнев скрывают?
Не знаю, что внушает стыд богам.
Скорее подведи сюда быков
И темя им посыпь мукой соленой.
Спокойны ли они при приближеньи
Священных рук?

Манто

К востоку обращен,
Высоко поднял голову телец
И в трепете пред солнечным сияньем.

Тирезий

Упал ли он от первого удара?

*

Манто

Сама подставив шею под железо,
От первой раны пала телка. Но,
Два раза поражен, шатался бык
И дух в тяжелом испустил боренье.

Тирезий

Стремительно ль из раны хлещет кровь
Иль медленно из глубины сочится?

Манто

Из узкого отверстия в груди
Бежит поток бурливый; из других
Чуть брызжет дождь, но, обратясь назад,
Струится кровь чрез рот и чрез глаза.

Тирезий

Обряд зловещий возбуждает страх...
Но внутренностей опиши приметы.

Манто

Отец, что это значит? Не слегка
Трепещут внутренности, как бывает,
Но прыгают из рук и хлещет кровь.
Больное сердце тонет в глубине,
Синеют жилы, не видать волокон,
И черной желчью пенится вся печень,
И (знаменье зловещее царям!)
Две головы на печени вспухают.
Их тонкой кожи покрывает слой,
Но, тайное стремясь разоблачить,
Враждебная наперла сторона
И напрягла семь жил. Мешая им

Вернуться вспять, их рассекает все
Стезя косая. Изменен порядок,
Все не на месте, все перевернулось:
Не справа легкое, не воздух в нем,
А кровь; не слева сердце, мягкий жир
Не покрывает внутренности слоем;
Природа опрокинута, и нет
Законов чрева. Надо рассмотреть,
Откуда это вздутие утробы.
Что за нечестье? У безбрачной телки
Зачатый плод, на месте необычном
Запонил мать? Со стоном движет
члены,
Они трепещут и едва мерцают,
Зеленая сочится сукровица...
На ноги стать пытается телица,
Вотще подъемлет шею и жрецам
Грозит рогами, и у них из рук
Выскальзывает внутренность... Отец,
Ведь этот вой, что поразил твой слух,
Не вой быков испуганного стада:
Завыл огонь, и весь алтарь дрожит.

Эдип

Что знаменья ужасные пророчат,
Скажи мне прямо. Я не робким слухом
Внемлю словам твоим. В несчастьях
крайних
Становится спокойным человек.

Тирезий

Завидовать ты будешь той беде,
Помочь которой ищешь так упорно.

Эдип

Скажи одно: что знать велят мне боги?
Кто руку осквернил цареубийством?

Тирезий

Ни птица, рассекающая воздух,
Ни внутренности из живой груди
Не скажут имя нам. Другим путем
Должны мы попытаться. Должен сам
Он вызван быть из царства вечной ночи,
Чтоб указать виновника убийства.
Должны раскрыть мы землю, умолять
Безжалостного Дита и сюда
Извлечь народ с брегов подземных Стикса.
Скажи, кому поручишь ты обряд?
Тебе, носителю верховной власти,
Грешно итти к обители теней.

Эдип

Тебе, Креонт, приличен этот труд,
Ты, вслед за мною, первый в царстве нашем.

Тирезий

Пока мы разрешим затворы Стикса,
Пусть Вакху песнь народная звучит.

Хор

Диким венчанный плющом, рассыпавший кудри на плечи,
Мечущий нежной рукой Нисейские острые тирсы!
Неба светлая красота, явись,

Вняв молитвам, что славные
Ныне Фивы твои,
Вздевши руки, несут, о Вакх.
Благосклонно склони девичью голову,
Облако прогони звездным ликом твоим,
И Эреба угрозы все,
И безжалостный Рок.
Как идут к тебе цветы рощей весенних!
Сжала голову Тирская диадема,
И чело младое
Ягодоносным плющом повито.
В беспорядке падающие кудри
Ты сплетаешь снова в роскошный узел.
Так возрос ты, мачехи гневной кроясь,
Подражая женственным всем повадкам.
Золотые кудри — как у девицы,
Светлый пояс стягивал одеянье.
С той поры любима тобою нега.
И одежда в складках волноподобных.
Видел на золоченой колеснице,
Спины львов накрывшего длинной ризой.
Видел бога житель земли восточной,
Те, кто пьют из Ганга и рассекают
Волны Аракса.
Вслед за тобой Силен спешит на осле безобразном,
И со вздутых висков виноградные гроздья свисают;
Тайные пляски твои справляют страстные мисты.
Тебя окружает толпа Бассарид,
Ударяя ногами Тангейский хребет
И вершину Фракийского Пинда. А здесь,
Сопутница Якха — Кадмейская мать,

Менадою дикой бежит по горам,
Опоясав оленьей шкурой бока.
Почуяв тебя в сотрясенной груди,
Менады власы растрепали, из рук
Метая легкие тирсы. Пентей
Растерзан в куски... Исступленье тиад
Стихает, и странно им видеть самим
Нечестье свое.
Матери Вакха сестра над широким царствует морем,
Хором нагих нереид окруженная Кадмова Ино;
Правит волнами морскими сынок ее, моря пришелец,
Вакху родной, божество не из последних Палемон.
Мальчик, шайкой тирренских разбойников
Был им украден. Волны смирил Нерей,
Вместо лазурной влаги луг возник,
Зеленеет весенними листьями
И платан, и Фебу милый лавр.
Птицы болтливые по ветвям шумят,
И весело обвивает вечный плющ,
Вьется лоза по мачтам высоко.
Лев Идейский рявкает на носу,
Гангетийский сидит тигр на корме.
Оробевши, пираты плывут в воде,
Новый они в волнах принимают вид:
Руки сперва у воров падают прочь,
Грудь уходит совсем в живот, с боков
Ручки повисли малые. Изогнув
Под волнами спину, зверь морской
Серповидным хвостом рассекает море,

И за бегущими кораблями вслед
Мчатся дельфины.
Вез тебя и Лидийский Пактол по волнам знаменитым,
Быстро в крутых берегах золотые струи катящий;
Лук побежденный сложили, оставили Гетские стрелы
Массагеты, что пьют молоко с лошадиною кровью;
Секироносного царства Ликурга почуяло Вакха.
Почуяла Даков диких земля
И те племена, что кочуют всегда
Под соседним Бореем свирепым, кого
Омывает Меотида хладной волной,
На кого с вышины
Сияет звезда
Аркадская возле Медведиц двух.
Укротил он странствующих Гелонов
И оружье отнял у дев жестоких:
Распростерши в прахе пред грозным богом
Термодонтовы толпы пали,
И менадами стали, бросив
Легкие стрелы.
Обагрен Киферон священной кровью
Граждан фиванских;
Дщери Прета скрылись в леса, и Аргос
Вакха почтил пред лицом Юноны.
Окруженный морем Эгейским Наксос
Дал тебе покинутую в невесты
Девушку, возмещая лучшим
Мужем потерю.
Брызнул из камня

Никтолийский пьянящий ключ.
Ручейки, журча, оросили зелень,
Глубоко земля напиталась соком,
Белоснежного молока струями,
И Лесбосским вином с благовонным
тмином.
Вводят новобрачную в сонм небесный:
Феб торжественную песнь
Зачинает, рассыпав кудри;
Пляшут, факелы потрясая,
Два Купидона;
И Юпитер свою огненную стрелу
Оставил: рад Вакхову он приходу.
Бег свой свершают доколе светила древнего
мира,
И океан окружает волнами замкнутую
землю,
И доколе Луна лучистый серп закругляет,
Солнца доколе восход возвещает златая
денница,
И не знает звезды волна голубого Нерея,
Песнями будем мы чтить уста красавца
Лиэя.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Эдип. Креонт

Эдип

Хотя твой лик печален, но скажи,
Чьей смертью мы умилостивим бога?

Креонт

Вещать велишь, но страх уста смыкает.

Эдип

Иль не довольно трогает тебя
Крушенье Фив, родного дома гибель?

Креонт

Что жаждешь знать, того ты пожелаешь
Совсем не знать.

Эдип

Неведенье слепое —
Плохое врачеванье от беды.

Креонт

Коль врачество постыдно, лечить претит.

Эдип

Вещай ответ, иначе ты в мученьях
Изведаешь, что значит гнев царя.

Креонт

Цари порою ненавидят слово,
Произнесенное по их веленью.

Эдип

Негодный человек, один за всех
Пойдешь в Эреб, коль тайны не откроешь.

Креонт

Да будет мне позволено молчать.
Какая есть свобода меньше этой?

Эдип

Царю и царству больше, чем язык,
Вредит порой свободное молчанье.

Креонт

Что можно там, где и молчать нельзя?

Эдип

Ослушник власти — кто молчит, когда
Приказано сказать.

Креонт

Прими ж без гнева
Исторгнутые силою слова.

Эдип

Кого когда карали за слова,
Произнесенные по принужденью?

Креонт

Вдали от города, у той долины,
Чей злак поят Диркейские струи,

Есть роща черных падубов. Высо́ко
Над всеми деревами кипарис
Вздымается главой вечно зеленой;
Протягивает многолетний дуб
Корявые, замшенные сучки.
У одного изъедено дупло
От долгих лет; а тот, с подгнившим корнем,
Готов упасть, на ствол чужой поникнув.
Здесь лавр с плодами горькими, а там
И липы легкие, и мирт Пафосский;
Ольха, что скоро по морям безбрежным
Помчит суда и, греемая Фебом,
Высокая и гладкая сосна.
Среди других дерев огромное
Чернеет дерево и тяжкой тенью
Соседей давит. Множеством ветвей
Оно одно всю рощу охраняет.
Печальная, не знающая солнца
Под ним сочится влага ледяная,
А вкруг — глухой болотный ил.
Воспользовавшись тьмой древесных сводов,
К обряду приступает старый жрец.
Раскопана земля, бросают сверху
Огни из погребального костра.
Сам прорицатель, в черном одеянье,
Колеблет зелень. Мрачная до пят
Струится риза. Так, в уборе страшном,
Печальный старец шествует, и кудри
Седые тис могильный обвивает.
И овцы с черной шерстью, и быки
Влекутся внутрь. Огонь снедает яства,
И скот, еще живой, в огне трепещет.

Затем зовет теней он и тебя,
О царь теней, и стража, что владеет
От озера Летейского запором.
Бормочет он волшебные заклятья
И яростной угрозою гремит,
Чтобы теней умилостивить легких
Или принудить. Возливает кровь
И опаляет мясо, поливая
Пещеру кровью. Сверху же всего
Он левою рукою возливает
И снежного млека струю, и Вакха.
Он вновь поет, склонив лицо к земле,
И громче прежнего к теням взывает.
Пролаяла толпа Гекаты. Трижды
Унылый гул прошел по преисподней.
Дрожит земля. „Услышали меня, —
Сказал пророк, — слова не тщетны были;
Слепой хаос разорван, и наверх
Пути открыты Дитовым народам".
Погнулся лес и кверху поднял листья,
Деревья дали трещины, всю рощу
Привел в смятенье ужас. И со стоном
Земля расселась; или Ахеронт
Не мог спокойно зреть, как посягают
На тайну бездны; иль сама земля,
Чтоб мертвым путь открыть, порвавши связи,
Издала гром; или трехглавый Цербер
Потряс своими тяжкими цепями.
Земля разверзлась, широко раскрыв
Огромный зев; я видел сам озера
Застывшие, богов я видел бледных
Среди теней и подлинную ночь.
Застыла в жилах кровь. Ужасный полк

На волю вырвался, во всеоружье
Предстало все дракона порожденье,
Посев зубов Диркейских. Загремела
Свирепая Эринния, и Ужас,
Слепая Ярость, и созданья все
Превечной тьмы: Печаль, власы терзая,
Болезнь с поникшей головою, Старость,
Самой себе тяжелая, и Страх,
И алчный бич фиванцев всех — Чума.
Покинуло нас мужество, и Манто,
Знакомая с искусством старика,
Остолбенела. Но отец бесстрашный
И смелый по причине слепоты,
Теней бескровных созывает. Тотчас
Слетаются они, как облака,
И жадно пьют дыхание небес.
Не столько листьев Эрик отряхает
Осеннею порой, не столько Гибла
Плодит цветов, когда в разгар весны
Кружится рой пчелиный, и не столько
Дробится волн на Ионийском море,
Не столько птиц от хладного Стримона
Летит на юг и, небо рассекая,
Спешит сменить снега на теплый Нил, —
Как много душ стеклось на зов
волшебный.
Стремятся жадно в тайный сумрак рощи
Трепещущие души. Из земли
Выходит первым Зет и за рога
Свирепого быка десницей держит,
И Амфион со сладкозвучной лирой,
Что скалы двигала. Средь сыновей,
Горда, как встарь, Ниоба выступает,
Без страха за детей. Здесь налицо

Другая матерь, ярая Агава;
За ней отряд, что растерзал царя,
А за толпой вакханок сам Пенфей,
Растерзанный, но грозный и доныне.
И, наконец, на частые призванья
Подъемлет Лаий постыдное чело
И держится вдали от всех, скрываясь.
Настаивает жрец и удвояет
Стигийские заклятья, и Лаий
Предстал с лицом открытым. Молвить страшно!
Он встал окровавленный, в волосах —
Могильный прах, и яростно вещает:
„О Кадмов дом жестокий, вечно пьяный
Родною кровью! Потрясайте тирсы
И лучше в исступленье терзайте
Родных детей! Ведь матери любовь
Страшнее всех фиванских преступлений.
Отчизна, нет, тебя не гнев богов,
А преступленье губит. Не вредит
Тебе ни Австр своим дыханьем жгучим,
Ни без дождей засохшая земля,
Но царь кровавый, получивший скиптр
В награду за убийство, овладевший
Отцовским ложем, осквернивший чрево,
Его носившее, преступный плод
Зачавший в лоне матери, и братьев
(Что необычно даже у зверей)
Родивший сам себе. Сплетенье здесь
Чудовищнее Сфинксовой загадки.
Ужасен сын, еще ужасней мать,
Зачавшая опять в несчастном чреве.
Тебя, тебя, держащего в деснице
Кровавый скиптр, тебя и город весь

Настигну я, отец неотомщенный,
С собой Эринний брачных привлеку
С гремящими богами, опрокину
Весь дом, и Марсом сокрушу пенатов.
Поэтому скорее изгоните
Из родины проклятого царя.
Едва покинет он родную землю,
Опять на ней трава зазеленеет
Весною цветоносной, воздух станет
И чист, и животворен, и дубравам
Вернется вновь зеленая краса.
Погибель, Мор, Смерть, Скорбь, Зараза, Горе,
Все спутники, достойные его,
Исчезнут с ним, и он захочет сам
Бежать отсюда быстрыми шагами,
Но я его стопы обремѐню
И задержу: в дороге неуверен,
Ползти он будет, старческою палкой
Перед собой ощупывая путь.
Вы отнимите землю, я — отец —
Его лишу и неба".

Эдип

Ледяную
Я чую дрожь и в членах, и в костях.
Меня винят, что совершил я то,
Чего страшился. Но с Полибом ложе
Меропа делит, жив отец Полиб.
Родители меня освобождают
От подозрения в двойном грехе:
Убийстве и прелюбодействе. В чем же
Моя вина? Оплакивали Фивы
Потерю Лайя много раньше, чем

Вступил я в Беотийские пределы.
Ошибся ль старец, или к Фивам бог
Неумолим? Нет, я понимаю:
В моих руках сообщники коварства;
Пророк солгал, оклеветав богов,
И скипетр мой тебе сулит.

Креонт

Чтоб я
Желал прогнать сестру мою с престола?
Нет, если б даже родственная верность
Меня не побуждала оставаться
На прежнем месте, жребия царя
Я б не желал, чрезмерно он тревожен.
Ты можешь безопасно свергнуть бремя,
Пока оно тебя не раздавило:
Спокойней будешь, скромный сан избрав.

Эдип

Ты говоришь, чтоб я по доброй воле
Сложил венец? Что слишком он тяжел?

Креонт

Я мог бы дать такой совет тому,
Кто в выборе свободен, но тебе
Твою судьбу нести необходимо.

Эдип

Вернейший путь тому, кто жаждет власти
Хвалить умеренность и праздность. Часто
Являет безмятежие мятежник.

Креонт

Иль верность долголетняя моя
Мне не защита?

Эдип

Для людей коварных
Нередко верность — подступ ко вреду.

Креонт

От царственного бремени свободный,
Я наслаждаюсь благами царя.
Мой дом силен собраниями граждан
И в смене дней едва ли есть один,
Когда бы мой очаг не украшался
От родственных и царственных даров.
Роскошный стол и утварь, и возможность
Спасать людей влиянием моим.
Чего еще недостает для счастья?

Эдип

Чего ты не имеешь? Никогда
Не знает меры счастье.

Креонт

Гибну
Я, как виновный без разбора дела.

Эдип

А вы мою расследовали жизнь?
Тирезий выслушал меня? Однако
Виновным я оказываюсь. Вы
Пример даете. Следую за вами.

Креонт

Но если я невинен?

Эдип

Для царей
Равно уверенности подозренье.

Креонт

Кто пред пустыми страхами трепещет,
Заслуживает истинных.

Эдип

Виновный,
Коль он отпущен, ненависть таит.
Пусть гибнет все сомнительное!

Креонт

Так
К себе внушают ненависть.

Эдип

Кто слишком
Боится ненависти, не умеет
И царствовать. Опора трона — страх.

Креонт

Кто слишком круто царством управляет,
Страшится тех, кто сам царя страшится.
Вернется страх к виновнику его.

Эдип

Виновного заприте в башню. Я ж
Шаги направлю к царственным пенатам.

Хор

Нет, причина не ты
Наших горестей: здесь
Не один Лабдакидов грех.
Древний гнев небожителей
Нас постиг: Касталийская
Роща скрыла в тени гостя Сидонского,

И в Диркейских струях Тирский омылся
гость,
С той поры как сын Агенора следом
Шел из града за сестрой пропавшей
И, в Фиванском лесу остановив стопы,
Похитителя почитал.
И велел ему Феб
За телицей брести,
Чьей неведом спине
Ни сошник, ни ярмо.
Носит наша страна
В память телицы той
Имя проклятое.
С той поры чудовищ все новых зрела
Наша отчизна.
То змей, рожденный в недрах долин, свистит
И выше сосен,
Деревами подняв голубую главу,
Далеко на земле ко́льчатый хвост влечет.
Оплодотворена семенем гибельным,
Породила земля воинов бранный строй:
Загремела труба, медный запел рожок,
И не знают они, землерожденные,
Никаких языков: первые их слова —
Бранные клики.
Разбившись на два враждебных полка,
Порожденья Дракона вступают в бой,
И, достойны семян, из которых взошли,
Одним лишь днем свой измерили век,
Рожденные после Денницы златой,
Погибли вы раньше вечерней звезды!
Со страхом взирает Сидонский пришлец
И боится внезапно возникших полков,
Пока не полег ярых юношей строй,

И в лоне не скрыла их матерь-земля —
Недавно рожденных потомков своих.
Да минет нас распря гражданской войны!
Да не знают Геракловы Фивы вовек
Братних сражений!
А Кадмов потомок, чей лоб молодой
Покрыли оленя густые рога,
Ветвями высокими и по горам
Своего господина гоняли псы?
Стремительно мчится стрелок Актеон
По горам и лесам, и легкой ногой
Пробирается в дебрях, в ущелиях скал,
Опасаясь Зефирами движимых стрел,
Избегая поставленных им же тенет,
Пока не увидел в прозрачной воде
Рогами увенчанный, дикий свой лик,
Где нежила членов девичьих красу
Диана, жестокая в мести за стыд.

ЭДИП
ИОКАСТА

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эдип. Иокаста

Эдип

Опять в душе тревога и боязнь.
И горние и преисподней боги
Гласят, что Лаий погиб от наших рук.
Но ведомая более себе,
Чем всем богам, невинная душа
Злодейство отрицает. Правда, помню
Как смутный сон, что палицей моей
Убит старик, надменно в колеснице
Сгонявший юношу с дороги прочь.
Вдали от Фив то было, где Фокида
Расходится в три стороны? Прошу,
Любезная жена, реши сомнения.
Скажи, в каких годах убит был Лаий,
В расцвете сил иль на закате дней?

Иокаста

Меж юности и старости, но ближе
К закату дней.

Эдип

Царя сопровождала
Большая свита?

Иокаста

Много заблудилось
В запутанных извилинах дороги.
Лишь горсть при нем была надежных слуг.

Эдип

А кто-нибудь из них погиб с царем?

Иокаста

Один остался доблестным и верным.

Эдип

Виновный здесь. Все так: число и место,
Прибавь лишь время.

Иокаста

Десять лет назад.

Старик из Коринфа. Эдип. Слуги

Старик

Народ коринфский на престол отца
Тебя зовет. Полиб почил навеки.

Эдип

Со всех сторон крушит меня судьба.
Скажи скорее, как отец скончался?

Старик

От старости он легким сном почил.

Эдип

Отец мой мертв и не убит. Клянусь,
Теперь могу поднять я к небесам

Святые, незапятнанные руки.
Но предвещания другая часть
Осталась, и они еще страшнее.

Старик

Престол отца рассеет страхи все.

Эдип

Вступил бы я на трон отцовский, но
Я матери страшусь.

Старик

Боишься той,
Что ждет тебя с тревогой и надеждой?

Эдип

Любовь меня и гонит.

Старик

Ты оставишь
Ее вдовой?

Эдип

Вот прикоснулся ты
До самого ужасного.

Старик

Скажи,
Какой в уме твоем таится страх.
О тайнах царских я молчать умею.

Эдип

По предвещанью Дельф я трепещу
Пред браком с матерью.

Старик

Оставь твой страх,
Пустой, постыдный. Не была Меропа
Тебе родною матерью.

Эдип

Зачем
Она меня тогда усыновила?

Старик

Ведь лишь при детях прочен царский трон,
Они — его и гордость и опора.

Эдип

Но как узнал ты эту тайну брака?

Старик

Вот эти руки самые тебя,
Ребенка малого, отцу вручили.

Эдип

Меня отцу вручил ты? Кто ж меня
Тебе вручил? Скорее говори.

Старик

Один пастух под снежным Кифероном.

Эдип

Какой судьбой попал ты в эти рощи?

Старик

На той горе я пас рогатый скот.

Эдип

Скажи приметы тела моего.

Старик

Железом были пронзены ступни,
От вспухших ног ты имя получил.

Эдип

Кто тело подарил тебе мое?
Я знать хочу.

Старик

Он пас стада царя
И был начальник прочих пастухов.

Эдип

Скажи мне имя.

Старик

В памяти моей
Оно давно изглажено годами.

Эдип

А можешь ли узнать его с лица?

Старик

Быть может, и признаю. Иногда
Одна черта ничтожная в душе
Ослабнувшую память воскрешает.

Эдип

Согнать стада к священным алтарям
И пастухи да следуют за ними!
Идите, слуги, и сюда скорее
Верховных соберите пастухов.

Старик

Судьба ли, разум ли скрывают это,
Оставь навек сокрытым то, что долго
Сокрыто было. Истина порой
Раскрывшему ее во зло бывает.

Эдип

Что может быть страшнее бед моих?

Старик

Что ищешь ты узнать с трудом великим —
Велико. Здесь со стороны одной
Спасенье государства, а с другой —
Царя спасенье. Важно то и это,
Я средний путь советую избрать:
Не упреждай судьбы, она сама
Раскроется.

Эдип

Устойчивое счастье
Не следует беспечно колебать,
Но нечего бояться, раз дошло
До крайности.

Старик

Стремишься к званью ты
Славнейшему, чем царское? Смотри,
Чтобы, найдя отца, не содрогнуться.

Эдип

Пусть кровь моя постыдна, я узнаю,
Раз я решил узнать. Но вот старик,
Заведывавший царскими стадами.

То дряхлый Форбас. Имя вспоминаешь,
Иль, может быть, лицо?

Форбас и те же

Старик

Воспоминанье
Встает в душе. Как будто незнаком,
То снова он мне кажется знакомым.

Эдип

При Лайе, при царе, гонял ли ты
Его стада в долине Киферона?
Да, злачный Киферон порою летней
Моим стадам дает роскошный корм.

Старик

Ты знаешь ли меня?

Форбас

Двоится память.

Эдип

Передавал когда-нибудь ему
Ты мальчика? Скажи. Ты в колебанье?
Зачем лицо твое меняет цвет,
Зачем ты ищешь слов? Ведь промедлений
Не любит правда.

Форбас

Ты тревожишь то,
Что временем давно погребено.

Эдип

Нет, говори, иль к истине принудит
Тебя мученье.

Форбас

Бесполезный дар
Ему вручил я. Ведь ребенок тот
Не мог небесным светом наслаждаться.

Старик

Нет, боже упаси! Он жив сейчас
И я молюсь, чтоб жил.

Эдип

А почему
Ты говоришь, не мог ребенок выжить?

Форбас

Железом были ножки пронзены
И связаны. Вкруг раны вспухло тело
И было жаром все воспалено.

Эдип

Что ж спрашивать? Приблизилась судьба.
Чей был ребенок?

Форбас

Клятва не велит.

Эдип

Огня сюда! Откроет клятву пламя.

Форбас

Путем таким жестоким будешь ты
Доискиваться правды? Пощади!
Молю тебя.

Эдип

Коль я тебе кажусь
Жестоким, необузданным во гневе,
То месть в руках твоих. Скажи мне
правду:
Кто был ребенок? Кто его отец?
Кто мать его была?

Форбас

Твоя жена.

Эдип

Земля, разверзнись! Ты, владыка тьмы,
Теней правитель, в Тартар преисподний
Умчи того, кто опрокинул все
Законы естества! Граждане Фив,
На нечестивую мою главу
Бросайте камни, стрелы. Поражайте
Меня железом и отцы, и дети,
Вооружайтесь на меня, супруги,
И братья, и недужный мой народ
Пусть мечет на меня огонь костерный!
Я — века моего позор, я — гнев
Богов и права гибель. Я со дня,
Когда глотнул впервые воздух, был
Уже достоин смерти. Испусти
Твой ярый дух! На что-нибудь дерзни
Достойное свершенных злодеяний.
Иди шагами быстрыми в дворец
И мать поздравь с преумноженьем рода

Хор

Если б мог я судьбу мою
Сам создать, как угодно мне,

Я бы легким Зефиром гнал
Паруса, чтоб бурный вихрь
Не сломал ни мачт, ни рей.
Ветерок, нежно веющий,
Пусть, боков не накреня,
Мчит устойчивый мой корабль:
Пусть срединной дорогою
Я свершу житейский путь.
Гносского царя страшась,
Устремляется к звездам
Дерзкий отрок. Хочет он
Победить небесных птиц.
Слишком сильно он напряг
Крылья ложные свои,
И в Икаровое море пал.
Хитрый, старый Дедал летит
Посреди, не смея путь
Выше горных направить туч.
Ждет питомца своего,
Как наседка под крыло,
Ястребом устрашена,
Кличет маленьких птенцов.
Но увидел он в волнах,
Как бессильно стремится грести
Отрок спутанной рукой.
Все, что меру превзошло,
Неустойчиво это все.
Что я слышу? Шум в дверях.
Вот печальный слуга царя
Бьет себя по голове.
Что нам нового несешь?

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Вестник. Хор

Вестник

Когда узнал свершение судеб
И страшное свое происхожденье,
Эдип направил быстрые шаги
В свой ненавистный дом, подобно льву
Пустынь Ливийских, что грозит челом
И гривой золотою потрясает.
Лицо черно от ярости, глаза
Остановились, ропот и стенанье
Из груди вырываются, холодный
Струится пот. Со дна его души
Клокочет горе вспененным потоком.
Жестокий к самому себе, готовит
Не знаю что, ужасное, как вся
Его судьба. „Что медлю с наказаньем? —
Взывает он. — Пусть кто-нибудь разит
Злодея грудь огнем, железом, камнем!
Какая птица хищная иль тигр
Мои изгложет внутренности. Ты,
Гора грехов, проклятый Киферон,
Твоих зверей и разъяренных псов
Из леса вышли на меня! Зови
Агаву самое! Страшна ли смерть?
Она невинных от судьбы спасает“.
Сказавши так, хватает рукоять

*

И извлекает меч. „Как! Неужель
За злодеянья страшные твои
Заплатишь ты короткой карой? Разом
Искупишь все? Умрешь за смерть отца,
А матери где удовлетворенье,
Тобой рожденным детям и отчизне,
Разрушенной злодействами твоими?
Всего не возместишь простою смертью:
Свои законы вечные Природа
В Эдипе опрокинула одном,
Так пусть же восстановится она
Моими истязаньями. Я буду
То снова жить, то снова умирать,
Всегда рождаться вновь для новых казней.
Своим умом воспользуйся, несчастный:
Что сразу невозможно, то дается
Страданьем долгим. Медленную смерть
Я изберу. Блуждать ты долго будешь,
Не погребен, но из среды живущих
Изъят навек. Умрешь не чрез убийство.
Ты медлишь, о душа? Внезапный дождь
Тягчит лицо и щеки моют слезы.
Довольно ль плакать? Легкую ли влагу
Точить глазам моим? Нет, пусть они,
Исторгнуты из впадин, потекут
Во след слезам! Пусть тотчас же глаза
Исторгнутся! Ну, прочь, развратные!“
Сказал и свирепеет. Пышет жаром
Лицо грозящее; глаза едва
Еще удерживаются в орбитах.
Свирепо, яростно его лицо.
Он застонал и кинулся руками
К своим глазам. Они ему навстречу

Как будто сами выпрыгнуть желают.
И вырвав с корнем из орбит глаза,
Он яростно царапает ногтями
Во впадинах пустых, окровавленных,—
Вместилищах погасшего луча.
Ярится он вотще и свыше меры:
Так он боится света! Подымает
Свою главу, орбитами пустыми
Небесные равнины обозрев,
Вкушает ночь. Свисающие с глаз
Кровавые он клочья обрывает
И — победитель — вопиет к богам:
„О пощадите родину мою!
Я поступил по правде и понес
Заслуженную кару. Эта ночь
Достойна брака с матерью моей“.
Ужасный дождь струится по лицу,
И кровь точат разорванные жилы.

Хор

Мы все под Судьбой, уступайте Судьбе.
Не можем тревожным борением мы
Ничего изменить на станке роковом.
Что, смертные, терпим, что делаем мы,
Приходит к нам свыше. Лахеса блюдет
Решенья недвижные прялки своей,
И их никакая не сдвинет рука.
Все шествует определенным путем,
И первый наш день предрешает конец.
И даже сам бог не изменит того,
Что стремится, подвластно сплетенью причин.
О нет, не изменит смертных мольба
Порядка вещей. А многим вредит

И страх перед Судьбой: убегая Судьбы,
Мы часто ее ускоряем удар.
Но скрипнули двери; без проводника
Свершает свой путь и близится к нам
Света лишенный.

Эдип. Хор. Иокаста

Эдип

Прекрасно, совершилось: заплатил
Я долг отцу. Как радостен мне сумрак!
Кто из богов окутал черной тучей
Мою главу, простив мои грехи?
Я убежал от дня, моих злодейств
Сообщника. Теперь, отцеубийца,
Твои невинны руки. Вот каким
Отныне быть Эдипу подобает.

Хор

Но вот несется быстрыми стопами
Безумная Иокаста. Таковой
Неистовой и ярою была
Агава — мать Кадмейская, — когда
Срывала с сына голову. И хочет
Заговорить с несчастным, и боится.
Но горю уступает стыд. Она
Уста раскрыла.

Иокаста

Как тебя назвать?
Сынок? Ты сомневаешься? О, да,
Ты — сын мне! Разве сыном быть позор?

Ответь же мне! Куда ты отвращаешь
Глаза пустые?

Эдип

Кто мешает мне
Вкушать мой мрак? То голос материнский!
Пропал мой труд. Нам больше вместе быть
Нечестие. Пусть встанут между нами
Громадные моря, чужие земли!
Должны мы жить под разными звездами
Под разным солнцем.

Иокаста

Здесь виной Судьба:
Никто не отвечает за Судьбу.

Эдип

О мать, молчи и пощади мой слух!
Остатком изувеченного тела
Тебя я заклинаю и залогом
Любви преступной нашей, всем святым
И нечестивым всем, что нас связует.

Иокаста

Душа, зачем коснеешь? Почему,
Сообщница злодейств, от наказанья
Ты убегаешь? Все права Природы
Поруганы, развратница, тобой.
Умри и испусти твой грешный дух.
Нет, никогда! Хотя б отец богов
Меня сразил сверкающим Перуном,
Я равным наказаньем не воздам
За грех ужасный матери преступной.
Угодна смерть, и надо отыскать

Дорогу к смерти. Ну же, одолжи
Мне руку, сын: коль ты отцеубийца,
Свое закончи дело. Извлеки
Тот меч, которым мой супруг убит.
Что, именем неправильным его
Я назвала? Он — свекор мне. Не знаю,
Вонзить ли в грудь оружие иль в горло?
Не можешь выбрать рану! Эту, эту
Утробу порази, в которой ты
И сына возрастила, и супруга.

Хор

Кончается, рука прижата к ране,
И хлещет кровь, выталкивая меч.

Эдип

Пророчеств бог и истины блюститель,
Тебя зову. Отца лишь одного
Судил мне Рок. Отцеубийцей дважды
Явился я, и мать мою убил:
От моего греха она погибла.
О, лживый Феб, я превзошел мой Рок.
Иди вперед дрожащими стопами,
В слепой ночи разыскивая путь
Неверною рукой, скользя над бездной.
Иди, беги скорей... остановись!
Не наступи на мать! А вы, мои
Сограждане полуживые, чья
Чуть дышит грудь, истощена болезнью,
Воспряньте отягченной головой:
Я ухожу в изгнанье; без меня,
Как прежде, просветлеют небеса,
И те, чей дух готов покинуть грудь,
Вдохнут, как прежде, воздух животворный.

Идите, помощь окажите тем,
Кто безнадежен. Я умчу с собой
Все беды смертоносные. Судьба
Жестокая, ужасный Страх, Болезни,
Зараза, черная Чума и Горе,
Со мной, со мной идите! Любо мне
Поводырей таких иметь в пути.

ТИЭСТ

СОДЕРЖАНИЕ

Тиэст, стремясь к власти, хитростью похитил у своего брата Атрея, царствовавшего в гор. Микенах (в Пелопоннесе, в Греции), золотого барана, который был залогом счастья царства, при этом он соблазнил жену Атрея, которая помогла ему в этом похищении. Отсюда разгорелась непримиримая вражда и война между братьями. Одно время одолел Тиэст и, выгнав брата, занимал престол в Микенах, но затем был изгнан Атреем и долго скитался в лишениях. Но Атрей, разгневанный на брата, этим не удовлетворился и придумал ужасную месть. Он приглашает Тиэста в Микены и притворно объявляет ему, что желает совсем покончить вражду и разделить с ним власть. Тиэст верит этому и после некоторого колебания возвращается в город. Тогда Атрей убивает детей Тиэста, взятых в заложники, разрубает на куски и, изжарив их, подает на стол брату, предлагая ему выпить и кровь детей, смешанную с вином. Ничего не подозревая, Тиэст угощается своими детьми. Тогда Атрей постепенно открывает брату, какое кушанье тот ел, и этим утоляет свою ненасытную жажду мести, осыпаемый проклятиями Тиэста.

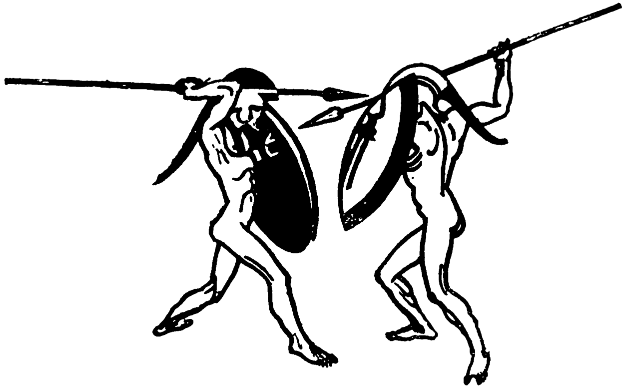
Ни одной трагедии на эту тему предшественников Сенеки до нас не дошло, но мы знаем, что на этот сюжет писали трагедии и греческие драматурги (Софокл, Эврипид), и римские. Славились трагедии „Атрей“ Актия (II в. до нашей эры) и „Тиэст“ Вария (I в. до нашей эры).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тиэст.
Атрей.
Тень Тантала.
Фурия.
Тантал, сын Тиэста
Плисфен, сын Тиэста
Третий, сын Тиэста
(лица без речей.)
Телохранитель.
Вестник.
Хор микенских старцев.
Слуги Атрея.

Место действия — гор. Микены, перед царским дворцом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Тень Тантала. Фурия

Тень Тантала

О, кто влечет меня из преисподней,
Где жадными устами я ловил
Бегущие плоды? Кто из богов
Указывает Танталу опять
Жилище ненавистное? Что хуже
Средь волн палящей жажды и всегда
Снедающего глада? Суждено ль
Мне на плечах нести Сизифов камень,
Терзание ль на быстром колесе,
Иль кара Тития, что среди пещеры

Растерзанною внутренностью черных
Питает птиц и, съеденное за день
Восстановивши ночью, вновь лежит
Готовая трапеза плотоядным?
Какие беды ждут меня? О ты,
Суровый судия теней подземных,
Распределитель казней, если можно
Прибавить наказанье, пред которым
Свирепый сторож ада ужаснется
И задрожит печальный Ахеронт,
И сам я содрогнусь, — ищи его!*
Уже от корня нашего встает
Преступный сонм, в сравнении с которым
Я окажусь невинным. Он дерзнет
На невозможное. Нет, никогда,.
Пока стоит дом Пелопса, Минос
Не будет праздным.

Фурия

                    Мерзостная тень,
Иди, гоня пенатов нечестивых!
Пусть вспыхнет распря! Пусть поочередно
Мечи сверкают, пусть ни меры в гневе
Не будет, ни стыда! Слепая ярость
Пускай умы воспламеняет! Длится
Отцов неистовство, и древний грех
Идет к потомкам! Пусть не забывает
Никто о преступленье старом, пусть
Все новые рождаются грехи,
Караются и тут же возрастают.
Пусть братьев гордых изгоняет царство
И вновь зовет, неистового дома
Между двумя неверными царями
Колеблется судьба! Пускай несчастным

Становится могучий и могучим —
Несчастный! Пусть крушит в водовороте
Царей и царство случай прихотливый!
За преступленье изгнанные пусть,
Когда им бог отчизну вновь дарует,
Вернутся к преступлениям; и всем
Так будут ненавистны, как себе!
Пусть гнев ни в чем не ведает запрета:
Пред братом брат дрожит, отец пред сыном,
Сын пред отцом! Ужасно гибнут дети,
Ужаснее рождаются! Пусть жены
Грозят мужьям, война идет за море,
Повсюду землю орошает кровь
И над племен великими вождями
Победу Сладострастие ликует!
Прелюбодейство в роде нечестивом
Пусть ни во что считается! Погибнут
И право, и святой закон, и верность.
Пусть небеса не будут непричастны
Несчастьям вашим. Отчего на тверди
Еще мерцают звезды и хранят
Свою красу небесные светила?
Пусть будет ночь, и день покинет небо!
Пенатов возмути и призови
Вражду, убийство, песни погребенья,
И Танталом наполни целый дом.
Пусть празднично украсится чертог,
И лаврами зазеленеют двери,
Пусть весело горит огонь, достойный
Прихода твоего! Да совершится
Фракийское нечестье в большей мере.
Что праздны руки дяди? Еще Тиэст
Не плачет над детьми? Пусть над огнем
Кипят котлы, на части рвутся члены,

*

И кровью оскверняется очаг!
Готовится трапеза, для тебя
Не новая. Мы дали день свободный
И разрешить ты можешь долгий пост.
Насыть свой глад, в присутствии твоем
Пусть пьют вино, разбавленное кровью.
Спеши же к яствам... Стой, куда бежишь?

Тантал

К подземным рекам, дремлющим болотам,
Под сумрак ускользающих ветвей!
Да будет мне позволено уйти
В мою темницу черную, да будет
Позволено, коль не довольно я
Несчастным был, покинуть прежний берег
И навсегда остаться в середине
Твоих горящих волн, о Флегетон!
Вы все, кого судьбы закон железный
На муки осудил, ты, кто лежишь
Под сводами изъеденной пещеры
И в трепете ее падения ждешь, и ты,
Дрожащий перед пастями свирепых
И жадных львов и пред полками Фурий,
Ты, адским пламенем полусожженный,
Все Тантала услышьте голос, к вам
Спешащего. Поверьте в опыт мой:
Любите кары! Скоро ль я смогу
Покинуть землю?

Фурия

Ранее вверх дном
Поставь весь дом: неси с собой сраженья,
Любовь к войне зажги в груди царей,

Безумное смятенье посели
В жестоком сердце.

Тантал

Подобает мне
Казниму быть, а не казнить других.
Ужели я помчусь, как смрадный дым
Из трещины земли, иль, как чума,
Посею в людях смерть? В ужасный грех
Моих потомков ввергну? О, великий
Отец богов и наш! Пусть страшной казнью
Накажешь ты болтливый мой язык,
Не замолчу. Я стану убеждать:
Невинные не оскверняйте руки,
Не окропляйте кровью алтари!
Я встану, помешаю преступленью...
Что ты грозишь? И в ярости зачем
Змеями потрясаешь? Для чего
В моих суставах разжигаешь голод?
Воспламенилось вечной жаждой сердце,
В сожженных внутренностях пышет пламя...
Иду...

Фурия

Вот эту, эту ярость ты обрушь
На целый дом. Пусть всех охватит буря
И жажда крови родственной! Уже
Почуял дом твои шаги, и весь
Дрожит от страшного прикосновенья.
Довольно сделано! Иди теперь
К озерам преисподней и к реке,
Тебе знакомой. Тяжело земле
От ног твоих. Ты видишь, как ручей
Вдруг оскудел, замолкли берега

И облака редеющие мчит
Воспламененный ветер? Все деревья
Поблекли, ветви, жаждущие влаги,
Роняют плод, и Истм, что с двух сторон
Был оглашаем шумными волнами,
Внезапно смолк, чуть слышно издали
Журчанье струй. Лернейские болота
Далеко отошли, и Форонид
Сокрыл ключи своих бурливых вод.
Белевшие вершины Киферона
От снега вечного обнажены,
И Аргос в страхе ждет засухи древней.
И сам Титан колеблется — вожжами
По небу гнать завечеревший день.

Хор

Если кто из богов любит Ахейский край,
Любит Аргос святой, славный ристаньями,
Царство Истма и две гавани двух морей,
Если мил для богов вечный Тайгета снег
На высоких хребтах в зиму холодную,
Что сгущает Борей, ветер Сарматских стран
И Зефиры весны парусоносные
Расплавляют в ручьи, рядом с которыми
Светлоструйный Алфей хладные волны мчит,
Олимпийским везде славный ристалищем,—
Оком милостивым да обратится к нам
И преступной семьи предотвратим вражду.
Деда внук своего хуже не будет пусть,
Преступленья отцов пусть не прельстят детей.

Пусть, устав от грехов, сдержит порывы зла
Вечно жаждущего Тантала грешный род.
Много было грехов. Был ни во что закон.
В роде этом ничто стал обыденный грех.
Спит в пучине морской Пелопа от руки
Царский конюх Миртил, спит, обманув царя,
Имя давши свое морю, в котором спит.
Ионийским судам памятна эта быль.
Потянувшись к отцу для лобызания,
Нечестивым мечом встречен ребенок был.
Мертвый нам к очагу — жертва незрелая,—
И десницей твоей, Тантал, разрублен был
В угощенье богам на роковом пиру.
Вечный голод отцу — плата за этот пир,
Жажда вечная. Нет кары достойнейшей
За трапезу твою, Тантал неистовый!
В бездне Тантал стоит, с глоткой алкающей,
Над преступной главой много свисает яств,
Не поймаешь скорей быстрых Финея птиц.
От плодов золотых отяжелела ветвь,
И под грузом ее гнется древесный ствол,
С лаской древо к нему тянет объятия,
Но, обманут не раз, хоть нетерпенья полн,
Он не трогает яств, голод смиряет он,
Отвращает глаза, жадные сжав уста,
Голод свой он щемит крепким кольцом зубов.
Но сокровища все роща тогда к нему
Приближает свои. Сладостные плоды
Томно дразнят его шелестом лиственным,

Голод воспламеня. Но лишь протянет он
Руки к сочным плодам в тщетном стремлении,
Вновь польстясь на обман, — весь ускользает вверх,
Полный зрелых плодов, быстроподвижный лес.
Но не легче тогда жажда сменяет глад,
И, когда от нее разгорячилась кровь
И огнями зажглась, бедный стоит, ища
Волн иссохнувшим ртом. Но, обмелевши вдруг,
Обнажая песок, тихо журчит струя,
Где-то словно смеясь. Только глотает он
Пыль сухую со дна, ветром носимую.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Атрей. Телохранитель

Атрей

Бессильный, робкий, малодушный и
(Что для тирана уж венец позора)
Неотомщенный, после козней брата
И стольких преступлений, нарушенья
Законов всех, ты в жалобах напрасных
Изводишься, Атрей? Уж должен был
От войск твоих дрожать весь круг земли
И оба моря, пенясь под судами.
Должны пылать от пламени пожаров
И города, и села, и сверкать
Железо обнаженное. Весь Аргос
Пускай гудит под конницею нашей!
Пусть ни леса врага не укрывают,
Ни замки на вершинах гор. В Микенах
Пусть весь народ поет военный гимн.
Кто ненавистного врага укроет
Иль охранит, погибнет страшной смертью.
Вот этот славный Пелопса дворец
Пусть на меня обрушится, но только б
Обрушился на брата! Ну, смелей,
Сверши, моя душа, такое дело,
Которое никто в моем потомстве
Не сможет похвалить, но и никто
О нем не промолчит! Дерзнуть я должен

На страшный и кровавый грех, такой,
Что брат его свершил бы сам охотно.
Не победив, не отомстить злодейства.
Что может быть достаточно свирепо
В сравненье с ним? Сломлен ли дух его?
Когда он знал в своих удачах меру,
В беде покой? Я знаю: нрав его
Неукротим. Не может он согнуться —
Сломаться может. Прежде чем успеет
Окрепнуть он и приготовить силы,
Я сам его настигну, чтоб меня
Он не застал врасплох. Он иль погибнет,
Иль сам погубит. Кто-нибудь из нас
Опередит злодейством.

Телохранитель

Не страшит тебя
Народный ропот?

Атрей

Высшим благом царства
Считаю я, что все дела владыки
Народ равно обязан как терпеть,
Так и хвалить.

Телохранитель

Кто хвалит из-за страха,
Того врагом соделывает страх.
Кто ж ищет славы истинной в народе,
Пускай желает, чтоб его хвалили
Скорей душой, чем языком.

Атрей

И мелким,
Ничтожным людям похвалы правдивой

Добиться можно. Ложная хвала —
Удел могучих. Пусть хотят того,
Чего не хочется!

Телохранитель

Пусть царь желает
Лишь честного — никто не будет спорить.

Атрей

Где лишь добро дозволено владыке,
Он царствует по милости народной.

Телохранитель

Где нет стыда, забот о праве нет,
Где верности и благочестья нет,
Непрочно царство.

Атрей

Благочестье,
верность —
Все блага честные. Цари свободны.

Телохранитель

Но знай, что грех вредить и злому брату.

Атрей

Что грех пред братьями, то перед ним
Святой закон. Какого преступленья
Не сделал он? Склонив к прелюбодейству,
Увез жену, похитил трон и древний
Символ священной власти получил
Коварством, и коварством дом разрушил.
В высоких хлевах Пелопса таится
Баран священный, предводитель стада.

Густая шерсть его облита вся
Прекрасным золотом. Его руном
Позлащены наследственные скиптры
Царей из рода Тантала. Кому
Принадлежит баран, спокойно правит.
С животным этим связана судьба
Семьи царей. В укромном уголке
Пасется он, и каменной стеною
Со всех сторон замкнут священный луг.
Его, дерзнув на страшное злодейство
И взяв в союзницы мою жену,
Увозит он. Отсюда беды все:
Изгнанником блуждал в моем я царстве,
Ничто в семье моей не уцелело:
Соблазнена жена, потрясено
Доверие к престолу, болен дом,
Сомнительна и кровь детей... Ничто
Непрочно, кроме брата-супостата!
Что цепенеть? Пора уж, начинай!
На Тантала и Пелопса взгляни:
За образец возьми деянья их.
Какую казнь измыслить для злодея?

Телохранитель

Пусть вражий дух его исторгнет меч!

Атрей

Ты о конце лишь казни говоришь,
Я са̀мой казни жажду. Кроткий царь
Пускай казнит. Желанна смерть в стране,
Где правил я.

Телохранитель

Ты пре́зрел благочестье?

Атрей

Прочь благочестье, если в нашем доме
Оно бывало. Фурий грозный сонм,
Эринния и факелом двойным
Грозящая Мегера пусть придут.
Громадное рождается в уме
Чудовище.

Телохранитель

Что в бешенстве ты строишь?

Атрей

Что превзойдет обычной мести меру.
Всего мне мало, я дерзну на все.

Телохранитель

На меч?

Атрей

Пустяк.

Телохранитель

Огонь?

Атрей

И все мне мало.

Телохранитель

Какою ж гнев твой будет бить стрелой?

Атрей

Самим Тиэстом.

Телохранитель

Это свыше меры.

Атрей

Да, признаюсь. Кипит в моей груди
Какой-то вихрь! Я мчусь, куда не знаю,
Но мчусь. Чу! Застонала глубь земли,
Гремит гроза при ясном небе, дом
Трещит, готовый рухнуть, и пенаты
В смятенье отвращаются. Свершится,
Свершится грех, перед которым вы
Дрожите, боги.

Телохранитель

Что ж готовишь ты?

Атрей

Не знаю, что вздымается в душе,
Противное обычаям людей.
Что предстоит рукам моим ленивым,
Не знаю сам. Но это будет нечто
Громадное. Так решено. Сверши,
Моя душа, злодейство, что достойно
Тиэста и Атрея! Оба брата
Участье примут в нем. Фракийский дом
Был зрителем трапезы небывалой.
Ужасное злодейство, но оно
Уж предвосхищено. Найдет мой гнев
Побольше нечто. Мужество вдохни,
О, мать Давлийская с твоей сестрою!
Здесь тот же случай. Будь со мной и двигай
Моей рукой.
Пускай отец на части
Детей любимых с жадностью терзает
И поедает собственные члены.

Прекрасно, превосходно. Этой казни
С меня вполне довольно. Но зачем
Атрей еще невинным пребывает?
Уже блуждает зрелище убийства
Пред взорами моими: сиротство
В устах отца... Душа, что вновь трепещешь
И отступаешь перед делом? Ну!
Смелее будь! Ведь главное нечестье
Свершил он сам.

Телохранитель

Но хитростью какой
Тиэста ты заманишь в наши сети?
Вражду подозревает он во всех.

Атрей

Не взять бы нам его, когда бы он
Сам не стремился взять. Теперь мое
Надеется он царство получить.
Прельщен надеждой этою, пойдет
Он под грозу Юпитеровых молний,
В надежде этой он нырнет в пучину
Ливийского бушующего Сирта,
В надежде этой — что считает он
Ужаснейшей из бед — увидит брата!

Телохранитель

Но кто ему поручится за мир?
Кому поверит он в столь важном деле?

Атрей

Бесчестная надежда легковерна.
Но все же я моих детей с письмом

Отправлю к дяде. Предложу сменить
Блуждания в чужих краях и бедность
На царство и со мною наравне
Царить над Аргосом. А если просьбой
Пренебрежет Тиэст, его детей,
Незрелых, утомленных долгим горем
И легковерных, мы уговорим.
Со стороны одной — престол желанный,
С другой — суровый труд и нищета
Его смирят, хоть он и закален
Бедами непрерывными.

Телохранитель

Но время
Ему могло невзгоды облегчить.

Атрей

Ты заблуждаешься; ведь чувство горя
Что день растет. Легко стерпеть беду,
Но тяжело претерпевать годами.

Телохранитель

Для мрачных замыслов твоих другие
Орудия найди. К другим советам
Охотно юноши склоняют слух.
Что учишь ты испробовать на дяде,
Они с отцом свершат, и на главу
Учителя вернется преступленье.

Атрей

Их все равно преступному коварству
Научит трон. Боишься, чтоб они
Не стали злы. Они родятся злыми.
Что ты зовешь суровым и жестоким,

Что кажется тебе нечестьем крайним,
Уже Тиэст, быть может, замышляет.

Телохранитель

Ты посвятишь детей в коварный план?

Атрей

К молчанию не склонен возраст юный,
Они свободно могут проболтаться:
Лишь горькими наученный бедами
Молчать умеет.

Телохранитель

Ты обманешь тех,
Кого избрал орудием обмана?

Атрей

Чтоб от греха они свободны были.
Что за нужда замешивать детей
В мое злодейство? Сам исполню все...
Колеблешься, душа, и отступаешь.
Ведь если пощадишь своих детей,
То пощадишь и тех... Пусть Агамемнон
Узнает план коварный, и отцу
Поможет Менелай. Прекрасный случай
Проверить их происхождение. Если
Не захотят они войны с Тиэстом
И дядей назовут, он им — отец.
Идет... Но содроганье в лице
Нередко обнаруживает тайну...
Нет, пусть они не ведают, чему
Орудиями служат. Ты ж таи
Мой замысел.

Телохранитель

Об этом мог бы ты
Не говорить. Запрут в моей груди
Все слышанное мною страх и верность.
Но знай, что верность более, чем страх.

Хор

Наконец, дом наш царственный —
Род Инаха старинного —
Братьев двух примирил вражду.
Что за ярость толкает вас
Кровь друг друга потоком лить
И злодействами скиптр стяжать?
Знайте, жадные до кремлей,
Где воистину царство есть:
Не богатство творит царя,
Не порфиры багряной блеск,
Не блестящий венец на лбу,
Не золоченые столбы.
Тот есть царь, кто оставил страх,
Кто не знает страстей в груди,
Кто презрел и тщеславие,
И толпы переменчивой
Неустойчивую любовь,
Все сокровища Запада,
Что несет в золотых волнах,
В светлом лоне текущий Таг,
Что на нивах своих растит
Спаленная Ливия.
Тот, кого не приводит в страх
Искривленная молния,
Ни волнующий море Эвр,
Ни седой Адриатики

Ветром вспененные валы,
Тот, кого не смутит булат
И воинственное копье,
Кто, живя далеко от бурь,
С высоты озирает жизнь
И не жалуется на смерть.
Пусть сбираются на него
Дагов странствующих цари
И властители берегов
Моря Красного, где, как кровь,
Рдеют в брызгах жемчужины,
Или те, кто Сарматам путь
Заграждают у Каспия,
Или те, кто дерзают вплавь
Бурный переходить Дунай,
И (везде, где они живут)
Серы, славные тканями.
Нет нужды у него в конях,
Ни в звенящем оружии,
Ни в тех стрелах, что издали
Мечет в бегстве коварный Парф.
Нет нужды в разрушительных
Стенобитных орудиях,
Далеко камни мечущих.
Царством добрый владеет ум,
Царь—кто страх превозмог в душе,
Царь—кто выше желаний стал:
Это царство доступно всем.
Честолюбец пускай стоит
На скользящем верху дворца.
Дорог сладостный мне покой:
Пусть, по темной идя стезе,
Наслажусь сладким отдыхом.
Неизвестная гражданам,

*

Тихо жизнь потечет моя.
И когда в тишине полей
Я мои скоротаю дни,
Пусть умру стариком простым.
Смерть страшна, тяжела тому,
Кто, чрезмерно известный всем,
Сам до смерти не знал себя.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тиэст. Тантал. Плисфен. Третий сын (без речей)

Тиэст

Я вижу кровли родины желанной,
Дворец Аргосский, землю, о которой
В изгнанье тосковал, богов отчизны
(Коль существуют боги) и циклопов
Святые башни, красотой своей
Превосходящие созданья смертных.
Ристалища я вижу, на которых
Не раз, не раз я юношей стяжал
Победный лавр на отчей колеснице.
Сейчас сюда стечется Аргос весь,
Народ любимый выйдет мне навстречу,
Придет Атрей... О, убеги в леса,
В глухие дебри, и среди зверей
Живи, как зверь. Сияние престола
Обманным блеском нам слепит глаза.
Смотря на дар, смотри и на того,
Кто падает. Давно ли средь условий,
Которые для всех невыносимы,
Я добр и весел был. Наоборот,
Теперь в груди проснулся старый страх,
Колеблется душа, и хочет тело
Увлечь назад. Я движусь против воли,

Тантал

Что это значит? Отчего отец
Замедлил шаг и отвращает взоры?

Тиэст

Зачем колеблешься, моя душа,
И долго рассуждаешь в ясном деле?
С которых пор ты веру дал вещам
Сомнительнейшим: брату и престолу?
Боишься бед, которые давно
Преодолел, которые уж дали
Хороший плод? Отрадно бедным быть,
Ступай назад, спасись, пока возможно.

Тантал

Зачем, отец, ты хочешь убежать,
Лишь только увидавши лик отчизны?
Зачем от стольких и нежданных благ
Ты отвращаешься? Оставил гнев
Твой брат, опять растерзанного дома
Собрал куски и половину царства
Тебе дает, признав твои права.

Тиэст

Причину страха хочешь знать, которой
Я сам не знаю. Нечего бояться,
Но я боюсь. Хочу итти вперед,
Но, ослабев, дрожат мои колени,
И прочь стремит неведомая сила.
Так, вопреки желанию гребца,
Ладью уносит бурное теченье.

Тантал

Преодолей препятствие, Подумай,

Какая ждет награда при возврате.
Отец, ты можешь царствовать!

Тиэст

Да, раз
Я умереть могу.

Тантал

Но власть прекрасна.

Тиэст

Ничуть, когда ты победишь желанья.

Тантал

Оставишь детям...

Тиэст

Царство не вместит
Нас двух.

Тантал

Предпочитает быть несчастным,
Кто может стать счастливым?

Тиэст

О, поверь:
Величие обманчиво нас манит,
Напрасно жизнь суровая страшит.
Когда я был поставлен высоко,
Боялся я всегда и трепетал
Пред собственным мечом. Как хорошо
Не становиться поперек дороги
Завистникам и, лежа на земле,
Вкушать свой хлеб! Ведь в хижины простые

Не входит преступленье, безопасен
Обед на тесном столике, но яд
Мы пьем из кубка золотого. Знаю
По опыту. Нет, скромная судьба
Завиднее и власти, и почета.
Смиренный дом не должен трепетать
Перед дворцом, царящим на вершине.
Слоновой костью кровля не блестит,
Докучный сторож сон мой не тревожит,
Не рыщу я за рыбой по морям,
Не отгоняю я моря плотиной
И данями народов не питаю
Утробу ненасытную. Полей
Нет у меня в земле парфян и гетов,
Передо мной не курят фимиам,
Лишь одному Юпитеру приличный,
Никто не украшает мой алтарь.
На крыше дома у меня леса
Не шелестят, и не дают паров
Озера разогретые, и день
Я сну не отдаю, не посвящаю
Ночей бессонных Вакху. Но зато
Я не страшусь и в безоружном доме
Вкушаю упоительный покой.
Кто может жить без царства, тот великим
Владеет царством.

Тантал

Если бог дает
Владычество, не следует его
Ни отвергать, ни домогаться. Брат
Тебя на царство просит.

Тиэст

Просит? Верно здесь
Скрывается какая-нибудь хитрость.

Тантал

Нередко благочестье торжествует,
И оживает в сердце с новой силой
Закон любви.

Тиэст

Тиэста любит брат?
О, нет, скорей затопит звезды море,
У берегов Сицилии волна
Уляжется, колосья зажелтеют
На Ионийском море, луч сверкнет
Из ночи темной, раньше жизнь со смертью,
С водою пламень, с морем ветер вступят
В союз и договор.

Тантал

Чего боишься?

Тиэст

Всего. Где остановится мой страх?
Он может все, что ненависть внушает.

Тантал

Что может сделать он с тобой?

Тиэст

Не страшно
Мне за себя: вы делаете мне
Атрея страшным,

Тантал

Ты подозреваешь
Обман?

Тиэст

Когда стоишь в средине зол,
Остерегаться поздно... Ну, идем!
Но я одно свидетельствую, дети:
Я следую за вами, не веду.

Тантал

Пусть бог благословит твое решенье.
Иди вперед уверенной стопой.

Атрей. Тиэст. Тантал. Плисфен.
Третий сын

Атрей

Попался зверь в расставленные сети:
Я вижу самого Тиэста рядом
С отродьем ненавистным. Месть моя
Уж обеспечена. Он весь теперь
В моих руках. Едва могу сдержать
Порывы необузданного гнева.
Так иногда, выслеживая зверя,
Умбрийский пес покорно и безмолвно
Обнюхивает путь. Издалека
По запаху учуяв кабана,
Он острым носом водит по земле,
Послушный господину. Но когда
Приблизится добыча, шеей всей
Он рвется прочь, хозяина торопит,
И лает, и срывается с ремня.
Не скроет гнев, когда он кровь почуял,
Но надо скрыть. Смотри, как он угрюм,
Как волосы нечесаны и грязны,

Как борода растрепана. Но буду
Любезен с ним. — Я брата видеть рад,
Простри мне долгожданные объятья!
Да стихнет гнев. С сегодняшнего дня
Пускай царят любовь и благочестье,
А ненависть уйдет из наших душ.

Тиэст

Я мог бы оправдать себя во всем,
Когда б ты не был так великодушен.
Но признаюсь, да, признаюсь, Атрей:
Я все свершил, что ты предполагаешь,
И ты своей любовью преумножил
Мои грехи. Виновен вдвое тот,
Кто пред таким виновен добрым братом.
Слезам здесь место. В первый раз меня
Просителем ты видишь: до сих пор
Ничьих колен не трогал я руками.
Отложим гнев и гордость из души
Исторгнем вон. В заложники прими
Детей невинных.

Атрей

Не касайся, брат,
Моих колен, приди в мои объятья,
А также вы, охрана стариков,
К груди моей, о юноши, прильните.
Брось грязную одежду, пощади
Мои глаза, подобный моему
Надень убор и радостно владей
Твоею долей царства. Для меня
Нет более похвального деянья,
Чем брату возвратить престол отцовский:
От случая зависит быть царем,
Но добродетель — царство дать другому.

Тиэст

Пусть боги, брат, такою же ценой
Тебе отплатят. Нищете моей
Претит венец, и не прельщает скиптр
Несчастных рук. Позволь укрыться мне
Среди толпы.

Атрей

Вместит нас царство двух.

Тиэст

Все, что твое, и мне принадлежит.

Атрей

Кто отвергает милости Фортуны?

Тиэст

Кто знает, как легко они уходят.

Атрей

Ты хочешь славе брата помешать?

Тиэст

Уже стяжал ты славу, остается
Мне о моей подумать. Я решил
Отвергнуть трон.

Атрей

И я его покину,
Когда нельзя с тобою разделить.

Тиэст

Что ж! Я готов, принявши титул царский,
Тебе служить оружием и правом,

Атрей

Укрась венцом почтенное чело,
А я пойду для жертвоприношенья.

Хор

Кто поверит? Атрей свирепый, в гневе
Необузданный и неукротимый,
Цепенеет впезапно, видя брата.
Нет любви сильней, чем любовь от сердца:
Распри между чужими бесконечны,
Неразрывны любви семейной узы.
Вспыхнул гнев по причинам не ничтожным,
Мир порвал, и запели грозно трубы,
Легкой конницы зазвенели збруи,
Засверкал отовсюду меч булатный,
Направляет удары разъяренный
Марс, алкающий вечно свежей крови.
Но смиряет железо и приводит
Благочестье враждебных братьев к миру.
Бог какой даровал нам мир желанный
После всех тревог? И давно ль в Микенах
Грохотало оружье войн гражданских.
Мать в слезах обнимала сына, жены
За возлюбленного дрожали мужа.
Неохотно брались за меч, спокойно
Спавший в ржавых ножнах во время мира.
Те упавшие обновляли стены,
Эти старые башни подпирали,
Замыкая врата замком железным.
Те бессонные проводили ночи,
Сторожа на зубчатых стенах башен.
Страх войны и самой войны страшнее.
Уж замолкли удары гроз железных,

Уж не слышно трубы военной грома,
Возвращается мир давно желанный
В город наш, ликованьем снова полный.
Так, когда глубоко вскипают волны,
Возле Бруттия под напором Кора,
Стон стоит в отдаленных гротах Сциллы,
И трепещут матросы перед морем,
Извергаемым из нутра Харибды;
И боится отца Циклоп свирепый,
В огнедышащих недрах Этны сидя,
Он боится, чтоб не залили волны
Пламя, что горит в неизменных горнах.
И Лаэрт ожидает с каждым часом,
Что Итака его в волнах потонет.
Но едва истощились силы ветра,
Тихим озером голубеет море.
И страшившие моряков пучины
Покрываются парусами лодок,
И легко сосчитаешь золотистых
Рыб, играющих в лоне вод прозрачных,
Там, где только что под свирепой бурей
Содрогалися до основ Циклады.
Все на свете непрочно. Вслед за горем
Счастье следует, но короче счастье.
Миг один, и упал с вершин успеха
В глубь несчастия смертный. Кто сегодня
Сам другим раздает царям короны,
Перед кем преклоняются народы,
По чьему мановенью прекращают
Войны Мед и палимый солнцем индус,
И — гроза парфян — дагов конных рати,
В страхе держит свой скиптр, боясь всесильной
Власти случая и времен теченья.

Вы, кому властелин земли и моря
Право страшное дал над жизнью смертных,
Отложите надменность. Чем грозите
Вы ничтожным в сравненье с вами людям,
Этим самым грозит вам тот, кто выше.
Ведь над каждым царем царит сильнейший,
Тот, кого на восходе видел гордым,
Видит день убегающий во прахе.
Пусть чрезмерно никто не верит счастью,
Не теряет надежды в горе. Клото
Все мешает и не дает покоя
Колесу быстробежному Фортуны.
Кто настолько богами избалован,
Чтобы в завтрашнем дне мог быть уверен?
Бог смешает деянья наши в быстром
Вихревращенье.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вестник. Хор

Вестник

О, если б ураган умчал меня,
Окутав черной тучей, чтоб не видеть
Ужасный грех! О, дом преступный! Даже
Для Тантала и Пѐлопса постыдный!

Хор

Что нового приносишь?

Вестник

Где мы? Где мы?
Здесь Аргос ли, хранящий свято память
Великих братьев, и Коринф, меж двух
Морей лежащий, или дикий Истр,
На чьих волнах господствуют аланы?
Гирканская ль земля под вечным снегом,
Иль степи, где кочует дикий скиф?
Где мыслимо такое преступленье?

Хор

Во всяком случае открой беду.

Вестник

Сначала дай мне дух перевести,
Расправить члены, скованные страхом.

Еще стоит свирепая картина
В моих глазах. Неистовые бури,
Умчите прочь меня, туда, где скрылся
Похищенный отсюда день!

Хор

Ты держишь
В тяжелой неизвестности меня.
Поведай все, скажи, кто виноват.
Не спрашиваю — кто, но кто из двух,
Скорей скажи.

Вестник

В дворце Атрея грозном
Есть башня, обращенная на полдень.
Она растет, подобная горе,
И давит город, вечно угрожая
Строптивым гражданам. Там есть приемный
Обширный зал, золоченые своды
Колонны подпирают расписные.
Доступен он для черни, но за ним
Скрываются таинственные залы:
Там древнее святилище царей,
И в глубине темнеет лес старинный.
Уж много лет железо не касалось
Его ветвей печальных. Кипарисы
Чернеют там, как тени гробовые,
И падубы, и тисы шелестят,
И, надо всеми высоко вознесен,
Могучий дуб господствует над рощей.
Сюда гадать приходят Танталиды,
Вступая на престол. Здесь в трудном деле

Они приходят помощи искать.
К ветвям дары прибиты: много труб,
Обломки колесницы Эномая, —
С испорченною осью колесо, —
И моря Ми́ртила добыча вся.
Здесь Пе́лопса фригийская тиара,
Там — варваров порабощенных дань —
Хламида пестрая. Под тенью дуба
Ручей течет унылый, превращаясь
В болото черное. Его вода
Подобна стиксовой волне заклятой.
Идет молва, что здесь глухою ночью
Подъемлется богов загробных стон,
Всю рощу оглашает звон цепей,
И воют тени мертвых. Видят здесь,
О чем и слышать страшно. Сонм теней
Блуждает здесь, несутся в пляске дикой
Невиданные чудища; огни
В лесу мерцают, и стволы деревьев
Стоят в огне, никем не зажжены;
И будит эхо троекратный лай.
Здесь даже день не прогоняет страха,
Здесь ночь всегда, и ужас привидений
Царит средь бела дня. Просящим здесь
На все даются верные ответы.
Пророческий исходит глас из бездны
С ужасным громом, и гудит пещера
В ответ на голос бога. В эту рощу
Вошел Атрей неистовый, таща
Трех отроков, и алтари украсил.
О, где найду достойные слова?
Он за спину им связывает руки
И украшает пурпуром чело.
На месте все: и фимиам, и Вакха

Святая влага, и с мукой соленой
Священный нож. Он соблюдает все,
Стараясь, чтоб свершилось по уставу
Его злодейство.

Хор

Кто ж берет железо?

Вестник

Он сам — жрецом, он сам мольбу возносит
И песню погребальную поет.
Он сам становится у алтаря,
Касается рукою обреченных,
Отводит им места и приближает
К железу, сам готовясь поразить.
Нет упущений в жертвенном обряде.
Трепещет лес, земля потрясена,
Колеблется дворец, как бы не зная,
Куда упасть, подобный кораблю
Средь бурных волн, а с левой стороны
Скользит звезда, след оставляя черный,
И на огонь возлитое вино
Стекает вниз струею темной крови.
С главы царя три раза пал венец,
Заплакали во храмах изваянья.
Всех знаменья смутили, но один
Атрей стоит недвижно, устрашая
Богов, ему грозящих. Переждав,
Он к алтарю подходит с диким взором,
Как бродит тигр голодный в чащах Ганга
Меж двух быков, и жадный до обоих,
Колеблется, с которого начать,

И пасть, то к одному, то ко другому,
Оскалив зубы, приближает, так
Атрей ужасный пожирает взглядом
Двух отроков, на жертву обреченных,
В сомнении, кого зарезать первым,
Кого вторым убийством поразить.
Не важно это, — все же он в сомненье,
Желая все в порядке совершить.

Хор

Кого же первым поражает он?

Вестник

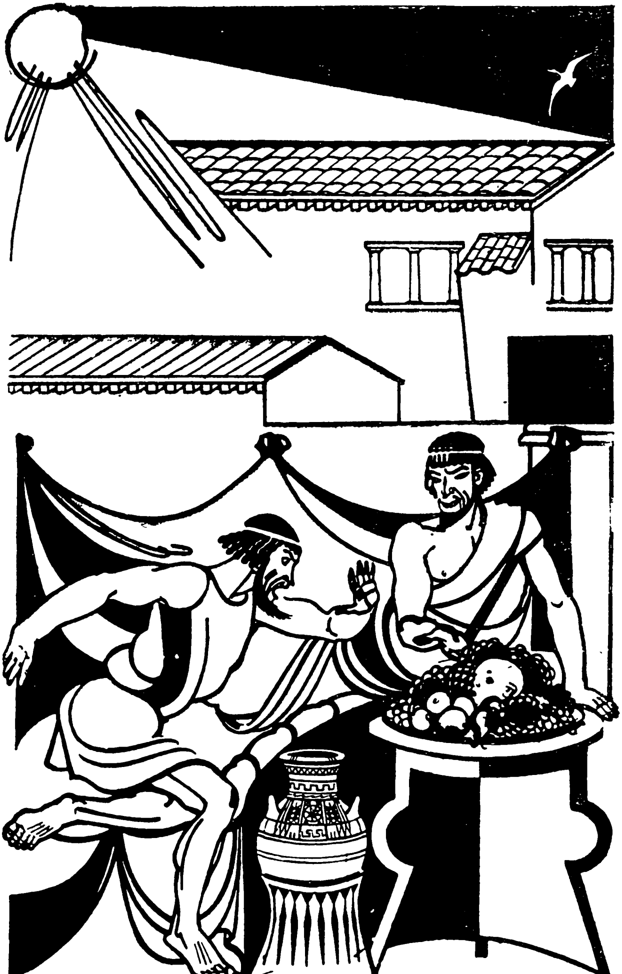
Сначала, чтоб не заподозрел кто
В Атрее недостаток благочестья,
Он деда почитает. Юный Тантал
Был первой жертвой.

Хор

Как? С каким лицом
Он перенес насильственную смерть?

Вестник

Спокойно он стоял и не унизил
Себя до просьб напрасных. Кровожадный
Глубоко в горло меч ему вонзил.
Сначала труп как будто колебался,
Куда упасть, направо иль налево,
И, наконец, на дядю рухнул. Тот
Плисфена вслед за братом к алтарю
Влечет и, шею поразив железом,
Отрезывает голову от плеч,
И туловище падает на землю,
А голова скатившаяся шепчет
Невнятные слова.

АТРЕЙ ТИЭСТ

Хор

Что было дальше?
Он мальчика, быть может, пощадил?

Вестник

Как царь лесов Армении, свирепый
Золотогривый лев терзает стадо
И, обагривши пасть и утоля
Свой голод, с каждым мигом свирепеет
И маленьким, беспомощным бычкам
Усталыми зубами угрожает, —
Так и Атрей все больше пышет гневом
И, позабыв, кто перед ним стоит,
Мечом, окровавленным кровью двух,
Насквозь пронзает тело, так что меч,
Вонзенный в грудь, выходит через спину.
Ребенок падает, своею кровью
Гася огонь алтарный, и от двух
Тяжелых ран мгновенно умирает.

Хор

Жестокое злодейство.

Вестник

Вы дрожите?
О, если б грех остановился здесь,
Он был благочестив.

Хор

Но что в природе
Ужасней есть?

Вестник

Вы думаете, это
Конец греха? Нет, первая ступень.

Хор

Чего же больше? Он, быть может, бросил
Тела на растерзанье диким птицам?

Вестник

О, если б он лишил их погребенья!
О, если б не покрыла их земля!
О, если б их отдал он в пищу птицам
И на съеденье яростным зверям!
Желанна казнь обычная. О, если б
Непогребенными отец их видел!
О, ни в каком немыслимое веке
Злодейство, верить коему потомки
Откажутся! Еще трепещут жилы,
И, вынутое из живой груди,
Попрыгивает сердце. Он глядит,
Испытывает внутренности, хочет
Прочесть по ним грядущую судьбу
И, получив ответ благоприятный,
Спокойно отдается на свободе
Трапезе брата. Рассекает сам
На части тело. Он перерубает
Предплечия и руки прочь бросает.
Со всех костей соскабливает мясо,
Оставив только головы и руки.
Одни куски висят на вертелах,
Сочась на медленном огне, другие
Бросает он в кипящие котлы,
И стонет медь. Не хочет сам огонь
Коснуться тел, едва мерцает пламя,
Как будто разгораясь против воли.
На вертеле потрескивает печень...
И не легко сказать, тела ли стонут,
Или огонь, струящий черный дым.

И самый дым, как облако, тяжелый,
Не хочет взвиться вверх, но по земле
Угрюмо стелется, окутав тучей
Самих пенатов, зрителей греха.
О терпеливый Феб! Зачем в зените
Ты не умчался вспять! Зачем замедлил
Затмением? Отец детей терзает,
И пожирает собственные члены:
Его глава отягчена вином,
И волосы блестят от умащений.
Нередко останавливалась в глотке
Еда... Тиэст, одна в беде твоей
Отрада есть: что ты ее не знаешь.
Но это не надолго. Пусть Титан
Помчался вспять и ночь среди полудня
Покрыла мраком черное злодейство, —
Его должны увидеть скоро все.

Хор

Куда, о отец земли и небес,
С явленьем которого темная ночь
Уходит, куда обращаешь свой путь
И в полдень уводишь сияющий день?
О Феб, для чего ты скрываешь лучи?
Еще далеко до вечерней звезды
И рано тебе утомленных распрячь
Коней колесницы твоей золотой.
Еще не склоняется к Западу день,
И третья еще не пропела труба,
И пахарь дивится, что ужин пришел,
И время уже отрешить от ярма
Не успевших устать прилежных коней.
Что гонит тебя с лучезарных небес?
Какая беда

Заставляет коней уклониться с пути?
Не раскрылся ли Тартара черного зев
И Гиганты опять начинают войну?
Иль опять разгорается Тития гнев
И бушует в его изъязвленной груди?
Иль сбросил с плеч
Громадную гору восставший Тифей.
Хотят ли Титаны достигнуть небес
И фракийскую Оссу они громоздят,
Как в древние дни, на седой Пелион?
Ужели нарушен природы закон?
Богиня зари,
Привыкшая богу вручать удила,
Росистая мать золотого луча —
Не знаешь, где царства границы ее.
Ужели ей
Не придется в морскую волну погружать
Запыленные гривы вспотевших коней?
Заходящее солнце в своем терему
Встречает Аврору — богиню зари,
И мраку подняться велит, а меж тем
Не готов еще ночи убор: ни одной
Не мерцает звездой потемневшая твердь
И не сеет Луна свой серебряный свет.
Но если бы это была только ночь!
Содрогается грудь,
И предчувствие страшное встало в душе.
Не настал ли для мира конец роковой,
Не разрушится ль все, — и богов, и людей
Поглотит опять безобразный хаос,
И море, и сушу, и звездную твердь
Смешавши навек?
Владыка времен, предводитель светил,
Не будет весну приводить за зимой,

Не будет во сретенье Фебу Луна
На небо всплывать и рассеивать страх,
Скорее, чем брат, совершая свой круг.
Сольются в одной
Зияющей бездне сонмы богов.
И сам Зодиак, выводящий года,
Секущий зоны косою стезей,
Падет и увидит падение звезд.
Овен, что порою теплой весны
Парусам навевает легкий Зефир,
Сорвется с небес и исчезнет в волнах,
По которым он Геллу дрожащую вез.
И Телец, что Гиад на блестящих рогах
Подымает, с собой увлечет Близнецов
И Рака, с кривыми клешнями его.
И снова Гераклов пылающий Лев
С небес упадет, и Дева за ним.
Весы упадут, стащив за собой
Скорпиона свирепого. Старый Хирон
Оперенную в море уронит стрелу
И сломанный лук Гемонийский. Падет
Приносящий стужу зимы Козерог,
И урну твою разобьет, Водолей,
А с тобою падет и созвездие Рыб.
Все звезды, не знавшие брызгов волны,
Потонут бесследно в пучине морской:
И скользкий Дракон, меж Медведиц двух
Извивающий путь, подобно реке,
И еле заметная рядом с ним
Цинозура, струящая блеск ледяной,
И, своей колеснице медлительный страж,
Закачавшись, в бездну рухнет Арктур.
О, бедные мы! Изо всех людей
Назначены мы, чтоб нас раздавил

Разрушенный мир!
Неужели мы узрим света конец?
О, жребий жестокий наш, все равно
Само ли солнце уходит, иль мы
Прогнали его грехом:
Довольно уж жалоб! Рассейся, страх!
Тот слишком до жизни жаден, кто
Боится смерти, хоть гибнет весь мир.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Атрей. Тиэст

Атрей

Вот я иду, с звездами наравне,
Взнесен в зенит главою горделивой.
В моих руках и царство, и престол,
Я наконец достиг венца желаний:
Довольно мести, даже для меня!..
Довольно? Нет! Могилами детей
Отца насыщу! Чтоб не вспыхнул стыд,
Уходит день: покуда небо праздно,
Спеши, Атрей! Но если бы я мог,
Вернувши вспять умчавшихся богов,
В свидетели отмстительного пира
Привлечь их всех! Но и отца довольно.
Я солнцу вопреки рассею мрак,
Скрывающий несчастие твое.
Уж слишком долго гость мой возлежит
С лицом веселым. Будет сладких блюд!
Довольно Вакха! Трезвый нужен нам
Теперь Тиэст! Рабы, раскройте двери,
Пускай предстанет праздничный чертог!
Я прослежу, как он при виде милых
Голов детей изменится в лице.
Какие первый жгучий приступ скорби
Слова исторгнет, как, прервав дыханье,
Застынет он... Вот плод моих трудов:

Хочу я не несчастным его видеть,
Но нарастанье скорби наблюдать!
Чертог раскрыт и весь горит огнями.
Он возлежит на пурпуре и злате,
Упавши навзничь, на руку склонясь.
Главой, дарами Вакха отягченной.
Уж рвет его. Я—выше всех богов,
Я — царь царей! Превзойдены желанья.
Он сыт, и из серебряного кубка
Вино по капле тянет. Не жалей!
Еще осталась кровь обильных жертв,
Ее багрянец древнего вина
Сокроет... Этим кубком кончен пир.
Пусть пьет отец детей любимых кровь,
Ведь пил бы он мою... Чу! Он запел
Застольный гимн, рассудком не владея.

Тиэст

О, сердце, от долгих уставшее бед,
Заботы тревожные прочь прогони!
Пусть скорбь убежит и страх убежит!
Печальная бедность, изгнания друг,
Пускай убежит, а с ней и позор.
Смотри, не откуда упал, а куда:
Великое дело — с вершины скользнув,
Устойчивой стать на равнине стопой.
Великое дело — под игом невзгод
Разбитого царства рухнувший груз
Нести на плечах и шею не гнуть,
А прямо стоять под ударами зол.
Пришла уж пора: прогони облака
Свирепого Рока, печальных времен
Следы замети; здесь горю не место.
Пусть радостью будет твой лик озарен,

Душа, позабудь про былого Тиэста.
Обычно таков несчастных удел,
Веселью не верят они никогда,
И напрасно Фортуны вернулись дары,
Страдальцу отвычная радость претит.
Зачем ты зовешь? Зачем не даешь
Отпраздновать праздничный день мой? Зачем
Мне плакать велишь, неизвестно отколь
Без всякой причины возникшая скорбь?
О, кто мне мешает свежим венком
Чело увенчать? Не дает, не дает...
Весенние розы упали с чела.
Власы, умащенные миром густым,
От страха внезапного встали, и пот,
Как дождь, невольно бежит по щекам,
И стон прерывает начатую речь,
Привычные слезы любит печаль,
Несчастным рыдания сладки всегда.
Я в жалобах весь готов изойти
И пурпуром Тирским насыщенный плащ
Готов разорвать... Мне мило стонать...
Уж видит грядущего горя черты
Мой ум — провозвестник близкой беды,
Свирепая буря грозит морякам,
Когда закипают без ветра валы.
Каких же ненастий, каких же тревог
Боишься, безумец? С доверием грудь
Пред братом открой, чтоб ни было там,
Твой страх запоздал, и причин ему нет.
Пускай не хочу, но смутный в душе
Блуждает ужас, внезапно из глаз
Вырываются слезы. Зачем? Почему?

Это скорбь или страх? Иль блаженство всегда
Орошает слеза?

Атрей. Тиэст

Атрей

Отпразднуем в согласии взаимном
Сей день. Пускай он укрепит мой скиптр
И будет мира прочного залогом.

Тиэст

Насыщен я и яствами, и Вакхом.
Теперь мне будет верхом наслажденья
С детьми моими радость разделить.

Атрей

Поверь, они в объятиях отца,
Они здесь есть и будут, и никто
Не убежит. Проси, что хочешь, дам,
Всего отца толпой детей наполню.
Ты будешь сыт, не бойся. А теперь
Они с детьми моими за столом.
Я кликну их. Наш кубок родовой
Возьми теперь.

Тиэст

Беру трапезы брата
Прекрасный дар. Сперва богам отцов
Мы возольем, потом осушим чашу.
Но что это? Не слушаются руки
И с каждым мигом кубок тяжелей.
У самых губ вино бежит назад,
Течет вкруг рта, мои уста минуя,

И пляшет стол на дрогнувшем полу.
Огонь едва мерцает... Самый воздух
Оцепенел меж ночью и меж днем.
Что это? Потрясен, готов упасть
Небесный свод, туман сгустился черный,
И ночь одна в другую скрылась ночь.
Померкли звезды. Ужас безымянный,
Моих детей и брата пощади!
Пусть на мою презренную главу
Падет удар. Отдай же мне детей!

Атрей

Отдам, и уж никто их не отымет.

Тиэст

О, что волнует внутренность мою?
Что дрогнуло во мне? Там кто-то страждет,
И грудь моя чужим стенаньем стонет.
Придите, дети! Вас зовет отец.
Придите! Вас увижу и, как дым,
Рассеются смятение и горе.
Чу! Шопот их!

Атрей

Отец, открой объятия,
Они пришли... Не узнаешь детей?

Тиэст *(Узнавая головы детей)*

Я брата узнаю! И этот грех
Потерпишь ты, владычица Земля?
Зачем волною Стикса преисподней
Ты не затопишь нас? Не увлечешь
В пустой хаос все царство и царя?
Зачем не потрясешь основы зданий,

В развалины не обратишь Микены?
Уже пора, пора обоим нам
Стать возле Тантала. Разверзни грудь
И ниже место, где стонут наши предки,
В чернеющие пропасти свои
Навеки закопай и погреби
Под мутными волнами Ахеронта.
Пусть вечно тени грешные блуждают
Над нашей головой, и Флегетон
Крутит пески и огненные волны.
Земля, Земля! Бездейственною глыбой
Застыла ты, и больше нет богов!

Атрей

Прими ж скорее деток долгожданных —
Не задержал их брат. Упейся ими,
Целуй, раскрой объятия троим.

Тиэст

А договор? А милость, верность брата?
Так так-то ты забыл свою вражду?
Уже отец живых детей не просит,
И ненависть твоя, и преступленье
Останутся с тобой. Прошу тебя,
Как брата брат: отдай похоронить
Детей. Отдай, и на твоих глазах
Пожрет тела их пламень погребальный.
Увы! Отец их просит не для жизни.
А для того, чтоб потерять навек.

Атрей

Все, что осталось от детей твоих —
С тобой, с тобой же—то, что не осталось.

Тиэст

Готовишь ли их в пищу диким птицам,
Иль лютый зверь терзает их тела?

Атрей

Ты сам пожрал их в пире нечестивом.

Тиэст

Так вот на что взглянуть стыдились боги
И вспять бежал оторопевший день?
Какие вопли я издам, несчастный,
И где найду слова? Я вижу, вижу
Отрубленные головы и руки
И раздробленных голеней следы —
Все что отец оставил ненасытный,
Внутри меня утробы их крутятся,
И, запертые, просятся на свет.
Подай мне меч, уже на нем моей
Так много крови, я железом путь
Открою детям. Не даешь меча?
Тогда я выбью их из этой груди
Ударом кулака!.. Останови,
Несчастный, руку, пощади их тени!
О, кто видал нечестие такое?
Ни жители суровых скал Кавказа
И не Прокруст — Кекроповой земли
Гроза и бич. Отец — давлю детей,
Они — меня. Где мера преступленью?

Атрей

Есть мера преступленью, но для мести
Пределов нет. И этого мне мало.
Я должен был прижать твои уста
К их свежим ранам, чтоб живых детей

Ты выпил кровь. Поторопился
В чрезмерном гневе. Раны я нанес
Железом, заколол у алтаря.
Умилостивил жертвою пенатов
И, члены отрубив у мертвых тел,
Их растерзал на мелкие куски.
Одни из них в кипящие котлы
Я погрузил, другим же дал сочиться
На медленном огне. Я у живых
Отрезал сочленения и жилы,
Я видел, как на вертеле трепещут
Их мускулы, и собственной рукой
Приблизил их к огню. Все б это мог
Отец с успехом сделать. Дал я промах.
Он грыз детей, не зная, как не знали
Того и дети.

Тиэст

Сжатые скалами
Моря, внемлите! И куда бы вы
От этих мест ни убежали, боги,
Внемлите! Преисподняя, внемли!
Внемлите, земли! Черная, внемли,
Ночь Тартара беззвездная! Одна
Несчастного ты видишь. Я к тебе
Не обращу молитвы нечестивой.
Не за себя прошу. Что мне осталось?
Для вас самих звучат мои мольбы.
Ты, царь небес, воздушного дворца
Могучий властелин, окутай мир
Покровом туч, ветров войнолюбивых
Собравши рати, яростно греми!
Рази не тем огнем, что поражает
Дома невинных смертных, но рази

Перунами, от ярости которых
Трехглавая обрушилась громада
И исполины, равные горам.
Отмсти за день, покинувший природу,
И солнца свет, украденный у неба,
Наполни молниями. Не колеблясь,
Обоих нас карай, иль одного
Меня рази, и пламенным перуном
Испепели мне грудь. Коль я хочу
Детей предать огню и погребенью,
Я должен быть сожжен. Когда ж ничто
Не трогает небесных и ничья
Стрела не настигает нечестивых,
Пусть вечная пребудет ночь и мраком
Безмерное покроет преступленье.
Я ни на что не жалуюсь, о, Солнце,
Упорное в затмении своем!

Атрей

Теперь себя не грех и похвалить.
Я победил! Какой в злодействе прок,
Когда б страдал ты менее? Теперь
Мне кажется, что дети у меня
Родились вновь, и мне возвращено
Изменой незапятнанное ложе.

Тиэст

Чем дети виноваты?

Атрей

Тем, что были
Они твои.

Тиест

Отца лишить детей?

Атрей

Ну да, отца, при этом без сомненья
Его детей.

Тиэст

В свидетели зову
Богов, хранителей семейных прав!

Атрей

Как ты сказал? Богов, блюдущих браки?

Тиэст

Кто мстит за преступленье преступленьем.

Атрей

О, знаю я, на что ты ропщешь. Нет,
Не пир кощунственный тебя тревожит,
А то, что я твой план предупредил:
Намерение было у тебя
Такую ж пищу мне преподнести
И, с матерью на сыновей напав,
Зарезать их. Одно помехой было:
Ты их считал своими.

Тиэст

Я в мольбах
Тебя богам отмстителям вручаю!

Атрей

Тебя казнить твоим вверяю детям.

АГАМЕМНОН

СОДЕРЖАНИЕ

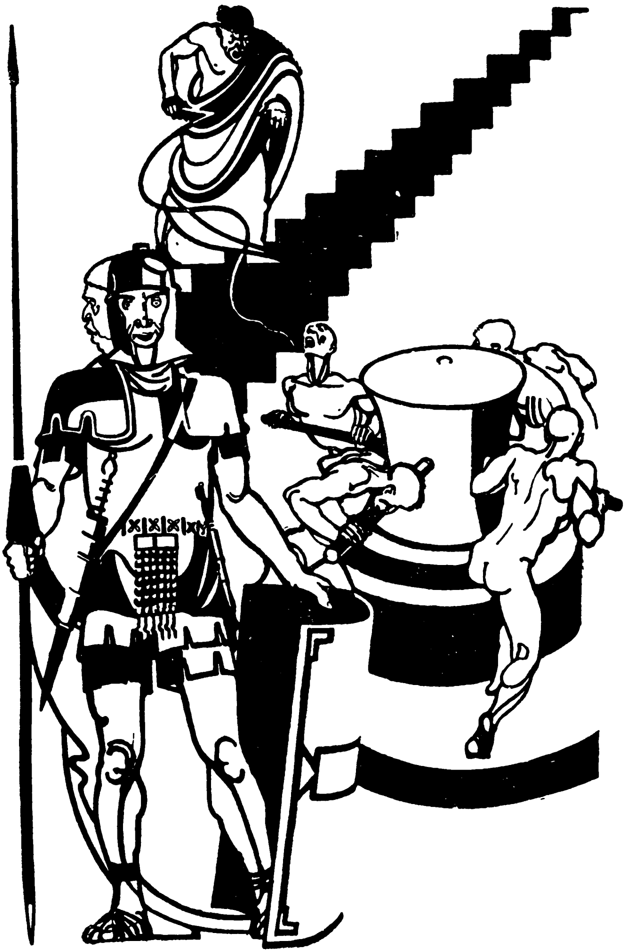
В то время когда предводитель греков микенский царь Агамемнон находился в походе под Троей, его жена Клитеместра сошлась с сыном Тиэста (см. трагедию „Тиэст“) Эгистом и в сообществе с ним решила убить Агамемнона. И вот, когда Агамемнон вернулся домой, в свое царство, Клитеместра убивает мужа, покрыв его плащом; дочь Электру приказывает заточить в пещеру за то, что она скрыла своего брата Ореста. После этого она приказывает умертвить любовницу Агамемнона Кассандру.

Основным источником для Сенеки была трагедия Эсхила „Агамемнон“.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клитеместра.
Тень Тиэста.
Эгист.
Агамемнон.
Строфий.
Кассандра.
Кормилица.
Эврибат.
Электра.
Орест } без речей.
Пилад }
Хор микенянок.
Хор троянок.
Слуги Эгиста. Солдаты Агамемнона.

Место действия — гор. Микены, перед дворцом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Тень Тиэста

Я — здесь, покинув сумрак преисподней,
Пучину Тартара, и я не знаю,
Какое место больше ненавижу:
Бегу — Тиэст — от преисподних, сам
Я в бегство обращаю земнородных,
Душа дрожит, от страха стынут члены.
Вот Пéлопова дома древний праг.
Здесь царскою венчаются короной

Пелазги, здесь на троне горделивом
Они сидят со скиптрами в руках.
Здесь — курия, там — пиршественный зал...
Назад, назад! Не лучше ль обитать
Среди озер печальных, где трехглавый
Стигийский сторож машет черной гривой,
Где, к быстрому привязан колесу,
Кружится грешник, где напрасен труд
Всегда катить назад бегущий камень,
Где жадный коршун вечно гложет печень,
Где среди волн сожженный жаждой ловит
От жадных уст бегущие струи,
Караемый за трапезу небесных?
Но этот старец что́ перед грехами
Его семьи? Пересчитаем всех,
Чьи имена Гноссийский судия
Мешает в урне, — я, Тиэст, злодейством
Всех превзойду. Иль брат грешней меня,
Меня, который полон трех детей,
Во мне похороненных? Я пожрал
Свою утробу. Но на этой скверне
Мой жребий не свершился: он велит
Мне посягнуть на большее злодейство:
На нечестивый с дочерью союз.
Словам судьбы я не внимал со страхом,
Но их свершил, и с плотью всех детей
Смесился я. По принужденью Рока
Отяжелела дочери утроба
Плодом, меня, отца, достойным. Вся
Природа опрокинута назад.
Я все перемешал: отца и деда,
И — о, нечестье, — мужа и отца,
Со внуками сынов и с ночью день.
Но позднего таинственного Рока

Свершается возмездье наконец.
И оный Агамемнон, царь царей
И вождь вождей, за чьим победным стягом
Покрыли море тысячи судов,
В десятый год разрушив Илион,
Является — жене подставить горло.
Уж скоро, скоро дом в крови потонет.
Я вижу топоры, мечи и стрелы,
Рассеченную голову царя.
Злодейство близко: казнь, убийство, кровь —
Готовится трапеза. Час пришел,
Для коего ты, мой Эгист, родился.
Зачем же стыд тягчит твое лицо?
Зачем дрожит неверная десница?
Зачем себя терзаешь? Вопрошаешь,
Прилично ли тебе такое дело?
О, вспомни мать, и ты решишь: прилично.
Но почему же этой ночи летней,
Как зимние, медлительны часы?
Что на небе задерживает звезды?
Помеха — я! Верни же миру день!

Хор микенянок

О жребий обманчивый царств и царей!
Кто слишком высоко поставлен судьбой,
Всегда над бездной неверной висит.
Неизвестен скиптру мирный покой,
И он ни в одном не уверен дне.
Изнуряют заботы одна за другой.
И новые бури волнуют дух.
Не так у Ливийских песчаных брегов
Разъяряется море и катит валы,
Не так закипают с глубокого дна

Эвксинские волны, в соседстве снегов
И холодной звезды,
И где, не касаясь лазуревых вод,
Колесницу лучистую катит Боот, —
Как яростно жребий неверный царей
Вращает судьба!
Желанно и страшно быть страхом для всех!
И ночь благодатная им не дает
Убежищ надежных. Смиритель забот,
Их грудь не ласкает целительный сон.
Какие дворцы не повержены в прах
Обоюдным злодейством? В каких не гремят
Нечестивые брани? И правда, и стыд,
И брачная верность бегут из дворцов.
Приходит Беллона с кровавой рукой
И Эринния, жгущая гордых сердца,
Всегдашняя спутница пышных домов,
Которые каждый случайный час
Повергает в прах.
Пусть оружье молчит, пусть козни спят;
Кто слишком высоко судьбой вознесен,
Оседает под бременем тяжким своим.
Паруса, что южные ветры несут,
Боятся чрезмерно попутных ветров,
И башню, взносящую в тучах главу,
Поражает дождливый, неистовый Австр.
В лесах, простирающих мглистую тень,
Ломает гроза вековые сучки.
Высокие холмы молния бьет,
Болезнь поражает большие тела,
И если свободно мелкий скот
Резвится в полях, —

Для ран предназначены шеи быков.
Все то, что высоко возносит судьба,
Возносит на гибель. В скромном быту
Долговечнее жизнь, и счастлив тот,
Кто затерян в толпе и спокоен всегда,
Безопасному ветру доверив ладью,
Опасается бурных, открытых морей
И веслом рассекает прибрежную гладь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Клитеместра. Кормилица

Клитеместра

Зачем, душа, бессильно ищешь лишь
Решений безопасных? Для чего
Колеблешься? Ведь лучший путь закрыт.
Да, правда, раньше чистым соблюдала
Я ложе брачное и мужнин скиптр.
Но все погибло: право, верность, честь
И стыд, что раз потерянный, не может
Вернуться вновь. Так распусти узду
И волю дай наклонностям негодным!
Стезей злодейств должно итти злодейство.
Все козни женщин всколыхни в уме:
На что жена коварная дерзала
В слепой любви, что мачеха свершала
И дева, что за милым из Колхиды
На корабле бежала фессалийском.
Железо, яд! Не бросишь ли Микены
С союзником на тайном корабле?
Что говоришь о бегстве и изгнанье?
Уж это все проделала сестра:
Тебе прилично большее злодейство.

Кормилица

Царица Да́наев и Леды племя,
О чем безмолвно, разум потеряв,

Так грезишь? Что вздымается в душе?
Хоть ты молчишь — всю скорбь лицо являет.
Чтоб ни было, повремени. Где разум
Не может исцелить, врачует время.

Клитеместра

Нет, слишком пытка велика, чтоб медлить.
Снедает пламя сердце и мозги.
Меня язвят и скорбь, и страх. В груди
Клокочет ревность, душу тяготит
Ярмо постыдной страсти, необорной.
И средь огней плененного ума
Изнеможденный, правда, и погибший,
Бунтует стыд. Волнуюсь я, как море,
Которое течение и ветер
В две стороны стремят: волна не знает,
Какой из двух она уступит силе.
Из рук моих я выпустила руль:
Куда помчат надежда, гнев и горе,
Я устремлюсь, предав на волю волн
Мою ладью. Когда душа блуждает,
Всего вернее — случаю предаться.

Кормилица

Слепая дерзость — случай взять вождем.

Клитеместра

Кто в крайности, чего бояться может?

Кормилица

Лишь потерпи — и можешь скрыть вину

Клитеместра

Грехи царей на целый мир сияют.

Кормилица

О прошлом сокрушаясь, новый грех
Ты замышляешь?

Клитеместра

Но всего нелепей —
Умеренность в пороке соблюдать.

Кормилица

Кто громоздит злодейство на злодейство,
Свой множит страх.

Клитеместра

Железо и огонь
Целительны порой.

Кормилица

С крайних средств
Не начинают.

Клитеместра

В бедствиях должны мы
Всегда итти стремительным путем.

Кормилица

Не забывай святое имя брака.

Клитеместра

Мне мужа чтить? Я десять лет вдова.

Кормилица

О детях вспомни, от него рожденных.

Клитеместра

И дочери я помню брачный факел,
Ахилла зятя: так-то верен
Он матери?

Кормилица

Та жертва неподвижная
Освободила флот и взволновала
Окованную вялостью волну.

Клитеместра

И горько мне, и стыдно. Тиндарида,
Небесный отпрыск, дочь я родила
На жертву искупленья флоту дорян.
Встает в моей душе дочерний брак,
Вполне достойный Пе́лопова дома.
Когда отец стоял у алтаря
Венчального, как жертвоприноситель,
Перед своим вещаньем задрожал
Сам Калхас, даже пламя отступило.
О, дом, злодейств исполненный. Купили
Мы кровью ветер и волну убийством.

Кормилица

Но тысячи судов надули паруса!

Клитеместра

Нет, не был бог благоприятен флоту:
Авлида нечестивые суда
Извергла, но при знаменьях зловещих
Начатую он плохо вел войну.
Он взял, любовью к пленнице плененный
И старца Фебова мольбой не тронут,
В добычу дочь его, уже тогда

Пылая страстью к девам посвященным.
Угрозами его не мог сломить
Ахилл неукротимый, ни сам Калха́с,
Кто видит судьбы мира (верным был
Он вещуном на истязанье мне,
Зато плохим, когда дошло до пленниц),
Ни весь народ, чумою пораженный,
Ни погребальные костры. Среди
Крушенья Греции он, побежден
Не воином троянским, а Венерой,
Находит время чахнуть от любви,
Чтоб ложе не осталось праздным, он
Берет наложницей Лирнессиду.
Ему не стыдно оторвать ее
От груди мужа. Чем не молодец —
Парисов враг, прелюбодейства мститель!
Теперь он новым пламенем горит
К пророчице фригийской. Торжествуя
Под Троею, разрушив Илион,
Он зятем возвращается Приама.
Душа, готовься: ждет нелегкий бой.
Я первая должна свершить злодейство,
Пока скиптр Пе́лопа не перешел
Наложнице фригийской в обладанье.
И что помехой? Девочки-сироты,
Орест, похожий на отца? Подумай,
Какие беды ждут твоих детей,
Какую бурю принесет в наш дом
Неистовая мачеха? А если
Нельзя иначе, порази себя,
Пусть меч один погубит вас двоих.
Губя, сама погибни, кровь смешай:
Счастлива смерть, с кем хочешь
умереть.

Кормилица

Остановись, царица, и подумай,
На что дерзнешь: грядет к нам победитель,
Свирепой Азии, Европе мститель,
Везя с собой пергамскую добычу
И побежденных наконец фригийцев.
Тому коварство строишь ты, кого
Ахилл мечом коснуться не дерзнул,
Хоть и рвалась свирепая рука.
Ни сам Аякс неистовый, ни Гектор
(Единая для данаев помеха),
Ни стрелы Париса, ни черный Мемном,
Ни Ксанф, загроможденный грудой тел,
Ни Симоис с багряными волнами,
Ни белоснежный Кикн, потомок моря,
Ни Резова фракийская фаланга,
Ни амазонки с расписным колчаном,
С рукой секироносной. И его ли,
Домой вернувшегося, ты готова
Заклать, убийством осквернив алтарь?
Иль Греция, в величии победы,
Оставит это дело неотмщенным?
Представь себе оружье, коней,
Покрытое судами море, землю,
Напившуюся кровью глубоко,
И всю судьбу сраженной нами Трои,
Упавшую на данаев. Сдержи
Порыв свирепый, успокой свой разум.

Эгист. Клитеместра. Кормилица

Эгист

Вот день пришел, которого всегда
Боялся я душою и умом,

Душа, зачем повертываешь тыл?
Зачем при первом натиске слагаешь
Оружие? Подумай, что тебе
Ужасную судьбу готовят боги.
Противостань презренной головой
Всем козням, смело грудь подставь железу.
Что смерть тому, кто был рожден, как я,
В нечестии. Опасностей моих
Союзница, дочь Леды, только ты
Не оставляй меня. Тебе воздаст
За кровь родную этот вождь трусливый,
Отец отважный. Но зачем бледнеет
Твое лицо и неподвижен взор?

Клитеместра

Любовь супружеская побеждает.
Вернусь туда, откуда мне и прежде
Не следовало уходить, не поздно
Вернуться мне на прежний добрый путь.
Кто кается в грехе, почти невинен.

Эгист

Безумная, куда несешься ты?
Иль веришь и надеешься, что будет
Спокойный брак с Атридом? Если даже
Ничто больших не возбуждает страхов,
Но, высоко поставленный судьбой,
Теперь он будет горд невыносимо.
Он был тяжел пока стояла Троя.
Что ж, думаешь, душе его свирепой
Прибавило паденье Трои? Царь
Он был в Микенах, а придет тираном,

Возносит душу счастье. Он приходит,
Какой толпой наложниц окружен!
Из них одна душой царя владеет,
Служительница бога предвещаний.
Иль согласишься с ней делить постель?
Она — то не захочет! Для жены
Нет больше зла, чем если домом мужа
Наложница владеет. Ни престол,
Ни брак не допускают соучастья.

Клитеместра

Эгист, зачем опять толкаешь в бездну
И разжигаешь усмиренный гнев?
Пускай себе позволил победитель
Неверность с пленницей. Жене, царице
На это, право, нечего смотреть.
У ложа частного и у престола
Различные законы. Не могу
Я быть суровой к мужу, о своем
Проступке гнусном помня. Тому легко
Простить, кто сам нуждается в прощенье.

Эгист

Вот что! Простить друг друга? Ты забыла
Права царей иль никогда не знала?
Суровы к нам и ласковы к себе,
Они считают высшим правом власти
То совершать, чего нельзя другим.

Клитеместра

Елена ж прощена. Она домой
Вернулась с мужем, в равную беду
И Азию повергнув, и Европу.

Эгист

Но ни одна любовница Атрида
Не увлекла Венерой потаенной,
Соблюл он сердце, верное жене.
А твой уже готовит обвиненье.
Пусть дел постыдных ты не совершила,
Что пользы в жизни честной? Ненависть
Не ищет, а сама творит виновных.
Иль, презренная, устремишься ты
К родимой Спарте, к твоему Эвроту
И дому отчиму? Нет, безысходен
Развод царей. Не льсти себя надеждой.

Клитеместра

Никто не знает о моем грехе,
Один лишь верный человек.

Эгист

В дворцы
Не входит верность.

Клитеместра

Я ее куплю.

Эгист

Всегда продажна купленная верность.

Кормилица

Встает в душе былая добродетель.
Зачем твои мне ласковые речи
Советов злых? Презрев царя царей,
Изгнанника она женою станет.

Эгист

А почему Атрида ниже я,
Тиэстов сын?

Кормилица

Уж прибавляй: и внук.

Эгист

Я был рожден с благословения Феба
И не стыжусь рождения моего.

Кормилица

Виновником породы нечестивой
Ты называешь Феба? Но его
Прогнали вы с небес, когда внезапно
Настала ночь. Позор ваш на богов
Не сваливай. Умеешь ловко ты
Вползать змеей в супружеские спальни,
Мужчина ты в одних делах любви.
Скорей беги и унеси с собой
Бесчестье дома нашего: он ждет
Супруга и царя.

Эгист

Не ново мне
Изгнанье, к бедам я привык. Царица,
Коль ты велишь, не только этот дом,
И Аргос я покину, но не медля
Железом грудь кручинную открою.

Клитеместра

Так и позволит это Тиндарида!
Союзники мы были во грехе,
И я должна быть верной. Лучше вместе

Пойдем обсудим, как распутать узел
Сомнительных и грозных этих дел.

Хор

Аполлона воспойте веселой толпой,
Увенчавши главы.
Для тебя, для тебя, лучезарный Феб,
У Инаховых дев
Зеленеют лавровые ветви в кудрях,
Струящихся с плеч.
Кто студеные пьет Эрасина ключи,
Кто пьет Эврот
И безмолвно текущий в зеленых брегах
Лазурный Исмен,
И фиванские гостьи, вмешайтесь в наш хор:
Научила вас
Пророчица Ма́нто, что знает судьбу,
Тирезия дочь,
Законорожденных детей почитать
Весельем святым.
О, Феб победитель! Мир наступил:
Ослабь твой лук
И легкими стрелами полный колчан
Сними с твоих плеч.
Пускай под ударом быстрой руки
Нам лютня поет.
Напевов воинственных я не хочу
И высоких ладов.
Сыграй нам простую и нежную песнь,
Какую всегда
На легкой лире привык ты играть
Для Музы твоей.
А хочешь, так спой нам и важную песнь

Которую пел,
Увидев, как молний небесных огонь
Титанов сразил.
Иль, когда на хребты взгромождая
хребты,
До самых небес
Воздвигли чудовища ряд ступеней
И на Пелион
Поставили Оссу, и их сдавил
Сосноносный Олимп.
Приди, скиптродержца высоких небес
Жена и сестра,
Царица Юнона! Мы чтим тебя
В Микенах твоих.
Ты Аргос тревожный, взносящий
мольбы
У твоих алтарей
Одна охраняешь, и мир, и войну
Ты держишь в руке.
Агамемнона лавры победные ты
Прими себе в дар.
Тебе многоскважная флейта поет
Торжественный гимн.
Аргосские девы на нежных струнах
Прославляют тебя,
И матери Греции в честь тебя
Бросают огни.
Перед твоим белоснежным телка падет
Святым алтарем,
Незнакомая с плугом, чью шею ни раз
Не давило ярмо.
И ты, громовержца великого дочь
Паллада, копием
Ударявшая башни дарданцев не раз!

Прославляют тебя
Всех возрастов женщины—смешанный хор
Из старцев и дев.
Пред богиней грядущего двери во храм
Разверзают жрецы,
К тебе, увенчавший венками главы,
Приходит толпа.
Дряхлолетние, слабые старцы тебе
За свершение молитв
Воздают благодарность, дрожащей рукой
Возливая вино.
И тебе, о, Диана, мы гласом зовем,
Знакомым тебе,
Ты велела, Люцина, чтоб Делос, где мать
Тебя родила,
Не носился, как раньше, по воле ветров,
А недвижимым стал,
Глубоко прикрепленный корнями к земле:
В тихих гаванях он
Корабли укрывает, которым вослед
Носился он сам.
Ты считаешь умерших Ниобы детей,
Пораженных тобой:
А теперь на вершине Сипила горы
Камень слезный стоит,
И все новые слезы до нашей поры
Древний мрамор струит.
И мужи, и жены — мы чтим горячо
Латоны детей.
О молний владыка, ты прежде всех
Правитель — отец,
По воле которого разом дрожат
Оба края земли, —
Прими, о Юпитер, наши дары.

Благосклонно взгляни
Праправед аргосцев на род царей,
Достойный тебя.
Но вот подходит быстрыми шагами
К нам воин, видно с радостною вестью:
Виется лавр на острие копья.
То Эврибат, вернейший друг царя.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Эврибат

Богов святые алтари и храмы,
Усталый, после долгих лет разлуки,
Я поклоняюсь вам. Благодаренье
Всевышним. Возвращается домой
Краса земли, великий Агамемнон.

Клитеместра

Приятна весть для слуха моего.
Но где супруг, которого ждала
Я десять лет? На суше иль на море?

Эврибат

Венчанный славой, невредимый, он
Уже вступил ногой на брег желанный.

Клитеместра

Почтим святою жертвой день счастливый
И благостных, но медлящих богов.
А ты скажи мне, жив ли брат супруга
И где теперь живет его жена?

Эврибат

Молю богов послать им лучший жребий,
Мне говорить уверенно мешает
Судьба морей неверных. Ведь буря

Рассеяла наш флот, и не могли
Мы видеть кораблей союзных. Сам
Атрид, скитаясь по морям безбрежным,
Понес от бури более потерь,
Чем от войны: как будто побежденный,
Он, победив, вернулся с небольшими
Остатками растерзанных судов.

Клитеместра

Какой печальный случай его суда
Погреб в волнах? Что братьев разлучило?

Эврибат

Ты требуешь прискорбного рассказа,
Велишь смешать мне с радостною вестью
Ужасное. Не хочет говорить
Мой ум, больной от этих страшных бедствий.

Клитеместра

Нет, говори. Кто бедствий знать не хочет,
Усиливает грех. Ведь неизвестность
Всего мучительней.

Эврибат

Когда Пергам
Весь пал от факелов дорийских,
Добычу разделив, поспешно все
Стремятся к морю, брошены мечи
И по кормам лежат в пренебреженье
Щиты, рука, воинственная прежде,
Берется за весло, и слишком долгой
Нам кажется малейшая задержка.

Едва блеснул на царском корабле
Знак к возвращенью и звонкая труба
К отплытию пропела, перед всеми
Помчалась золоченая корма
И тысяча судов вослед за нею.
Сначала дует нежный ветерок
На паруса. Спокойная волна
Чуть зыблется под веяньем Зефира,
Сияет море, и под кораблями
Скрывается. Приятно видеть нам
Троянские нагие берега,
Сигея опустелое прибрежье.
На весла налегает молодежь,
Одновременно взмахивая ими
И помогая ветру силой рук;
Сверкают рассекаемые волны,
Со стоном бьются о корабль, и пена
Лазурные пучины бороздит.
Когда же крепче ветер начал дуть,
Мы ветру вверили корабль, а сами
Расселись по скамьям и наблюдали
От глаз бегущий берег, повествуя
О бранях: и о Гекторе могучем,
Чье тело было выдано костру,
И о залитом кровью алтаре
Геркейского Юпитера. Меж тем,
Играющие в голубой пучине,
Тирренские дельфины выплывают
И, весело образовав круги,
Бегут за кораблями, обгоняя
И снова следуя за ними. То
Их хор резвится у носов передних,
То окружает тысячный корабль.
Уже исчезли берег и поля,

И чуть виднеются вершины Иды.
Одно лишь различает острый взор:
То черный дым развалин Илиона.
Уже Титан готовился распрячь
Коней усталых, день в пучину канул
И зажигались звезды. Между тем
Сгустилось облако и заслонило
Сиянье упадающего Феба.
Такой закат сулил морскую бурю.
Рассыпала по небу звезды ночь,
Лежат без ветра паруса. Тогда
Зловещий гром пронесся по холмам,
И застонали берег и утесы;
Под ветрами вздымается волна,
Луна внезапно прячется и звезды,
До звезд пучина вздулась, неба нет.
И здесь не только ночь: густой туман
Сгущает тьму, похитив все лучи,
Смешавши с морем небо. Отовсюду
Все ветры, одновременно начав,
Пучину взбаламучивают. Эвр
Сражается с Зефиром, Ночь — с Бореем:
Все мечут стрелы и, попав на море,
Крутят его водоворотом бурным.
Стримонский Аквилон кружит снега,
И гонит Австр ливийские пески.
И Австра мало. Ночь сгущает тучи
И множит волны влагой дождевой.
Приводит Эвр в движение Восток
И Набатейское колеблет царство.
И, наконец, из глуби океана
Несется ярый Кор. Как будто мир
Сдвигается с основ своих, и боги
Срываются с разрушенных небес,

И всем овладевает черный Хаос.
Волна ветрам противится, назад
Волну уносит ветр. Из берегов
Выходит море. С влагой дождевою
Мешается соленая волна.
И даже нет в кручинах утешенья —
Хоть знать причину гибели и видеть.
Во мраке гаснут все лучи, и Стикса
Настала ночь подземная. Однако
Порой сверкает молния из туч,
И так несчастны сладостны лучи,
Что света этого желают. Сам
Себя уничтожает флот, друг с другом
Сшибаются и корма, и бока.
Его влечет зияющее море
Во глубину и извергает вновь.
Один корабль от собственного груза
Идет на дно, а этот накренился,
И захлестнул его десятый вал;
А там, растерзанный, опустошенный,
Волнами носится без парусов,
Снастей и мачт, увечная корма
Блуждает по всему простору моря
Ионова. И разум, и искусство
Бессильны перед этим злом. Сковал
Все члены страх, обязанность свою
Забыл пловец, из рук скользит весло.
В последнем страхе обратясь к богам,
О том же молят греки и трояне.
Что значит Рок! Завидует отцу
Свирепый Пирр, Приаму — Агамемнон,
Улисс — Аяксу, Гектору — меньшой
Атрид того счастливым называет,
Кто лег под Троей, пал в бою открытым,

Кого молва прославит, кто зарыт
В землю народа побежденного.
„Ужель средь волн бесславно мы
погибнем?
Жалка судьба мужей могучих будет,
Бесцельна смерть. О, кто бы ни был ты,
Жестокий бог, неудовлетворенный
Бедою нашей, умиротворись!
Сама бы Троя плакала над нами!
Когда твой гнев упорен и угодно
Тебе весь род дорийский истребить,
Зачем же вместе с нами губить тех,
Из-за кого мы гибнем? Пусть затихнет
Враждебное нам море. Этот флот
С данаями везет и пленных Трои...“
Но дальше голос волны заглушили.
И новая беда: вооружась
Гневливого Юпитера перуном,
Паллада то, чего не совершить
Копьем, Эгидой, головой,
Огнем отца свершает, и с небес
Грохочут бури новые. Один
Противится Аякс непобедимый;
Натягивает парус он, но пламя
Его пронзает. Новою Паллада
В него метает молнией, потрясая
Могучего десницей, подражая
Державному отцу. Перун пронзил
Аякса и корабль, унес с собой
И корабля остатки, и Аякса,
Но, опаленный, он встает из волн
Высокою скалою, режет волны
Могучей грудью и, обняв корабль,
Повлек его. Так борется Аякс

С напором волн слепых, и блещет море.
Заняв скалу, он яростно гремит:
„Над всем я торжествую; победил
Я небо, море, молнию, Палладу.
И браней бог меня не испугал:
Преодолел я Гектора и Марса,
Не дрогнул я перед стрелами Феба,
С фригийцами и их я победил —
Тебя ли испугаюсь? Мечешь ты
Чужие стрелы слабою рукою!
Пусть грянет сам“... Дерзнул бы он и больше,
Но, голову подняв из глуби волн,
Отец Нептун трезубцем поразил
Его скалу, и, падая, она
Отважного с собой похоронила,
Сраженного землей, огнем и морем.
Но большая нас гибель стерегла.
Есть мелководье, вид его обманчив:
Там камни кроет под водоворотом
Обманный Кафарей, вокруг утесов
Бушует море, пеною вскипая.
На высоте вознесся кремль крутой,
Смотрящий на два моря: дальний
Брег Пе́лопа и Истм, что перешейком
Морям мешает Эонийским слиться
С волнами Фрикса; в стороне другой
Он видит Лемн, известный злодеяньем,
И Халкиду и пристани Авлиды —
Задержку для судов. Владеет этим
Кремлем родитель Паламеда. Он
Выносит яркий светоч на вершину
И направляет на утесы флот
Огнем коварным. К заостренным камням

Пригвождены суда, другие на мель
Садятся в мелководье; нос плывет,
А часть судна застряла на утесе.
Корабль, назад плывущий, на другой
Наскакивает, и разбиты разом.
Уже земли боятся корабли,
Предпочитают море. Но с рассветом
Затихла буря. Жертва воздана
За Илион, вернулся Феб на небо,
Ночную гибель озаряет день.

Клитеместра

Скорбеть ли мне иль радоваться мужу?
Я радуюсь возврату, но должна
Оплакивать потерю государства.
Отец, гремящий в небесах, верни
Любовь богов Элладе. А теперь
Главы венчайте зеленью веселой.
Пускай рассыплет сладостные звуки
Святая флейта, белоснежный бык
Пускай падет пред алтарем великим.
Но вот идет печальная толпа
Троянских жен: распущены власы,
И выше всех, колебля лавр священный,
Грядет неистовая жрица Феба.

Хор троянок. Кассандра

Хор

О, сколь сладкое зло для земнородных всех
Эта к жизни любовь, а ведь приют от бед
Всем открыт, и страдальцев смерть
Призывает в тихую пристань мира,

Не смущает ее страх и гроза судьбы,
Не проникнет в нее несправедливый
Огонь Громовержца.
Мир глубокий царствует там. Не страшны
Ни собранья граждан, ни гнев грозящий
Победивших, ни над свирепым Кором
Буйство моря, ни боевые рати,
Ни облака густые
Пыли конницы варваров беспощадной.
Ни паденье города, что хоронит
Весь народ под пламенем стен зажженных
В неукротимых бранях.
Рабство всякое тот порвал,
Презирает пустых богов,
Кто на сумрачный Ахеронт,
На печальный подземный Стикс
Беспечально вперяет взор
И дерзает покончить жизнь.
Равен он царям и самим богам.
Не умеющий умереть как жалок!
Мы крушение родины видели гибельной ночью,
В час, когда дорян огни пожирали дарданские кровли.
От оружий бранных не пала Троя,
Как когда-то пала от стрел Геракла.
Сын Фетиды не победил наш город,
Ни Патрокл — свирепого друг Пелида,
Что сверкал оружьем своим заемным
И троянцев гнал, притворясь Ахиллом.
И не сам Пелид, что, ярясь от горя,
Быстрым бегом в страх приводил троянок,

Созерцавших битву со стен высоких.
Ах! Потеряли мы
Честь погибнуть смело в бою открытом,
Десять лет противилась Троя, чтобы
От коварства ночи одной погибнуть.
Дар притворный видели мы, и сами
Приношение данаев роковое
В град ввели десницею легковерной.
Конь огромный весь содрогался часто
На пороге Трои, в своих он недрах
Нес царей сокрытых и ужас брани.
Можно, можно было разрушить козни,
Чтобы сами от своего коварства
Пали греки; часто щиты звенели,
Тихий говор нам долетал до слуха:
Пирр шумел внутри, повинуясь плохо
Хитроумцу Улиссу.
Без страха веревки святая берет
С ликованьем троянская вся молодежь.
Средь отроков-сверстников Астианакс
И невеста костра Гемонийского с ним
Ведут толпы:
Та — женский отряд, а он — мужской.
Нарядные матери Трои несут
Подарки богам.
Отцы, разрядившись, идут к алтарям;
Одно ликованье у всех на лице,
И — чего после Гекторовых похорон
Не бывало — Гекуба сама весела.
Что первым оплачешь, моя печаль,
И что последним оплачешь ты?
Разрушенье ли стен, что воздвигнуты встарь
Руками богов?

Сожженные ль храмы с богами их?
Нет времени плакать об этих бедах.
О тебе мы рыдаем, великий отец!
Ведь зрели мы,
Как в горло старца вонзенный меч
От капель кровавых едва покраснел.

Кассандра

Остановите слезы; будет время
Для них и после; жалобным стенаньем
Оплакивайте собственный удел.
Моя печаль не хочет соучастья,
Не сетуйте над горестью моею:
Меня самой довольно для того!

Хор

Со слезами слезы отрадно смешать,
Сокрытая скорбь терзает и жжет.
Отрадно оплакать родных сообща.
Да и ты, хоть и твердая дева и скорбь
Умеешь терпеть, не сможешь одна
Оплакать такую большую беду.
О, нет! Ни печальный ночной соловей,
Что весною на ветке зеленой поет
И об Итии плачет на сотни ладов;
Ни фракийская ласточка, что сидит
На крыше высокой и целый день
Болтливо щебечет о мужнем грехе,
Не смогут достойно оплакать судьбу
Семьи твоей бедной; но даже сам
Белоснежный лебедь на берегах
Танаиса и Гистра, когда пред концом
Последнюю, сладкую песню поет;
Ни птица морей Альциона, чей стон

Сливается вечно с роптанием волн
Над Цеиксом мертвым, не веря волнам,
Когда тишина на просторе морском,
Смела и робка, в зыбучем гнезде
Она согревает птенцов; ни толпа
Кибелиных женообразных жрецов,
Что руки терзают себе и под вой
Пронзительных флейт поражают себя
Ударами в грудь, чтоб оплакать смерть
Фригийского Аттиса! Меры нет,
О, Кассандра, слезам. То, что терпим мы,
Уж всякую меру давно превзошло.
Но для чего срываешь с головы
Священные повязки? Ведь несчастным
Особенно пристало чтить богов.

Кассандра

Мои несчастья победили страх,
Не умолить мне просьбами небесных,
И коль они свирепствовать хотят,
Они теперь бессильны. Надо мной
Судьба свои все силы истощила.
Где родина, отец и где сестра?
Могильные холмы и алтари
Испили кровь мою. Где хор счастливый
Любимых братьев? Опустел дворец.
И в теремах Приамовы невестки
Вдовеют все, коль не считать Лаконки.
И мать царей, владычица фригиян,
Гекуба, огонь зачавшая во чреве,
Нарушивши законы естества,
Звериный облик приняла и лает
Неистово кругом родных развалин,

Всех пережив: и Трою, и Приама,
И Гектора, и самое себя.

Хор

Внезапно смолкла Фебова вещунья,
Ланиты побледнели, и все тело
Объяла дрожь, повязки шевелятся,
И встали дыбом нежные власы,
Трепещет грудь невнятным бормотаньем,
Глаза блуждают, то уходят вглубь,
То снова неподвижно цепенеют.
Вот поднимает голову она,
Раскрыть гортань готовится, слова
Наружу рвутся против воли: бог
Менадою своей овладевает.

Кассандра

Зачем, безумьем новым уязвляя,
Вы восхищаете меня, святые
Хребты Парнаса? Феб, уйди! Теперь
Я не твоя! О, погаси огонь,
В моей груди кипящий. Для чего
Неистовствовать мне и бесноваться?
Погибла Троя — что же делать мне,
Вещунье лживой? Где я? Свет потух,
Густая ночь мрачит мои ланиты,
И в сумраке скрывается Эфир.
Но день блеснул в лучах двойного солнца:
Два Аргоса я вижу пред собой,
Я вижу рощи Иды: роковой
Сидит пастух среди богинь могучих.
Цари, страшитесь чад прелюбодейства:
Полей питомец этот опрокинет

Весь дом вверх дном. Зачем подъемлет меч
Неистовая женщина? Какого
Она сражает мужа? Одеянье
Лаконское, железо амазонок
У ней в руке. Куда мои глаза
Обращены? Могучий лев пустыни,
Гроза зверей, лежит, истерзан весь
Кровавыми зубами дерзкой львицы.
Зачем меня последнюю в семье
Вы призываете, родные тени?
Я за тобою следую, отец,
Свидетель Трои погребенной; брат,
Оплот фригийцев, данаев гроза,
Не узнаю твоей красы старинной
И рук, горячих от огня судов.
Растерзаны все члены, в ранах руки,
Я за тобою следую, Троил,
С Ахиллом в бой вступивший слишком рано.
Как изувечено твое лицо,
Мой Деифоб: то дар супруги новой.
Хочу вступить в Стигийские озера,
Увидеть Тартар, яростного пса
И царство Дита жадного. Сегодня
Одна ладья помчит во Флегетон
Две царственные души, с побежденным
Погибает победитель. Вас молю,
О тени и волна, которой боги
Свои скрепляют клятвы: хоть немного
Раскройте преисподней черный свод,
Чтоб легкая толпа фригийских душ
Увидела Микены. Посмотрите,
Несчастные: судьба вернулась вспять.

Предстали сестры мрачные,
Боги их окровавлены,
В руках дымятся факелы,
Надуты щеки бледные,
Одежды погребальные
На чреслах их изъеденных.
Шумят ночные ужасы,
Гигантов кости древние,
От времени истлевшие,
Лежат в болоте илистом.
Струи, от уст бегущие,
Не ловит старец горестный,
Забыл о вечной жажде он,
Печалясь близкой тризною,
Но выступает радостно
Дардан, мой предок царственный.

Хор

Сама собой ее сломилась ярость:
Она упала, как пред алтарем
Телец, секирой в шею пораженный.
Подымем члены, дышащие богом!
О, наконец, венчан победным лавром,
Грядет к своим великий Агамемнон.
Его супруга в праздничной одежде
Спешит навстречу, и они вдвоем
Идут, не отставая друг от друга.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Агамемнон

Я наконец вернулся в отчий дом.
Привет тебе, земля моя родная.
Прими добычу варварских племен,
Перед тобой теперь склонилась Троя,
Могущественной Азии краса.
Но почему пророчица лежит
Дрожащая, главы поднять не в силах?
Приподымите, слуги, ей лицо
Водой студеной освежите. Вот
Она уж смотрит взором ослабевшим.
Приди в себя. Мы в пристани желанной.
Сегодня праздник.

Кассандра

Праздник был и в Трое.

Агамемнон

Почтим алтарь.

Кассандра

Пред ним отец мой пал.

Агамемнон

Юпитеру молитвы возносили.

Кассандра

Геркейскому Юпитеру.

Агамемнон

Ты мнишь,

Что видишь Трою.

Кассандра

Также и Приама.

Агамемнон

Здесь Трои нет.

Кассандра

Там Троя, где Елена.

Агамемнон

Не бойся госпожи.

Кассандра

Моя свобода

Приблизилась.

Агамемнон

Итак, живи спокойно.

Кассандра

Мне смерть — покой.

Агамемнон

Опасности тебе

Нет никакой.

Кассандра

Зато тебе большая.

Агамемнон

Чего бояться может победитель?

Кассандра

Чего он не боится.

Агамемнон

Присмотрите
За нею, слуги верные, пока
Владеет ею бог, чтобы она
В безумии греха не совершила.
Тебя ж, отец, метатель ярких молний,
Тучегонитель, царь земли и звезд,
Кому несет добычу победитель,
И ты, сестра властительного мужа,
Юнона арголийская, я вас
Почту с мольбой и жертв животных туком,
И ароматом — даром аравийским.

Хор

Аргос, город мужей, славных деяньями,
Аргос, милый мачехе гневливой,
Возвращаешь ты питомцев
Знаменитых: неравное
Ты число богов уравнял.
Дважды шесть совершив трудов,
Принят на небо
Твой Алкид великий, кому Юпитер,
Мировой закон нарушив, часы удвоил
Ночи влажной, приказавши Фебу

Позже на небо вывести колесницу
И тебе замедленно плыть по небу,
Бледная Феба.
Отступила вспять
Ясная звезда, что Денницей звать,
И ее теперь Геспером зовут.
В час урочный свой подняла главу
Красная заря и поникла вновь
К мужу старому.
Чует Запад, чует и Восток,
Что Геракл родился, не мог могучий
Создан быть в теченье единой ночи.
Для тебя потрясся весь мир в основах,
Отрок, небу предобрученный.
Лев свирепый лесов Немейских,
Стиснут дланью, тебя изведал;
Лань парразийская
И аркадский кабан, разорявший села;
Застонал и бык грозный, что оставил
Пажити Крита.
Смертоносца он победил дракона,
Запретив ему вновь возрождаться вечно,
И обоих братьев,
Чудищ трехглавых и безобразных,
Палицей своей он сломил шутя.
Повел к Востоку западные стада он,
У Гериона отняв добычу.
Он фракийских угнал коней,
Царь кормил тех коней не луговой
травой
У реки Стримонской и у Гебра:
Угощал их кровью своих частей он.
Но Геракл коней окрасил морды
Кровью алою их возницы.

ЭГИСТ
АГАМЕМНОН
КЛИТЕМЕСТРА

Ипполита свирепая
Уж не зрит на груди своей
Пояса златого.
Пронзена стрелой, стимфалийская
Птица падает из высоких туч.
Древо, полное золотых плодов,
Содрогнулось от руки его;
Высоко взнеслась ветка легкая,
Потерявшая свой тяжелый груз.
Только звон плодов услыхать успел
Сторож рощи той заколдованной.
Уж далеко был молодец Алкид
С ношей золота заповедного.
Адский пес, тройною окован цепью,
К небу влекся молча, не смея лаять
Пастью ни одной:
Он боялся цвета лучей безвестных.
Благодаря тебе
Дом коварный Дарданов пал,
Вновь почуяв страх пред твоим оружьем.
Благодаря тебе
В десять дней на десятый год
Троя погибла.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Кассандра

Великое в дому творится дело
И стоит десяти годов троянских.
Увы, что это? О душа, воспрянь
И за пророчество прими награду.
Победа у фригийцев побежденных!
Воскресла Троя! Ты, отец сраженный,
Микены опрокинул, победитель
Твой отступает; никогда так ясно
Не видели пророческие очи:
Я вижу, я присутствую, ликую!
Посмотрим. В царском доме пированье,
Какое было в день последний Трои.
Блистает ложе пурпуром троянским,
И золотые кубки Ассарака
Полны вином. Сам царь — вверху стола
В Приамовой одежде многоцветной.
Жена велит одежду стран чужих
Совлечь и плащ надеть, что выткан верной
Жены руками... Трепещу душой...
Ужель изгнанник и прелюбодей
Сразит царя и мужа? Рок приходит,
И кровью царской завершится пир,
Она с вином смешается багряным.
Опутанного смерти предает

Одежда смертоносная. И руки,
И голова в широких складках тонут.
Тот полумуж дрожащею рукой
Удар наносит, но не до конца.
Замедлил он на середине раны,
Но царь, как вихрь в лесных глубоких чащах,
Попав в силки, пытается вотще
Порвать тенета в бешенстве напрасном,
Текучие, слепые складки ищет
Расправить, устремляясь на врага.
Вооружает руку топором
Неистовая Тиндарида: так на шею
Быков взирает жертвоприноситель
И, прежде чем железом поразить,
Рукой размахивает нечестивой...
Окончено... С лохмотьев красной шеи
Свисает голова, потоком кровь
Из туловища бьет, уста застыли,
Невнятно бормоча; терзает он
Бездушный труп при помощи супруги,
И оба род оправдывают свой:
И сын Тиэста, и сестра Елены.
На склоне день, в недоуменье солнце:
Привычным ли путем бежать вперед,
Иль мчаться вспять Тиэстовой дорогой?

Кассандра. Электра. Орест. Строфий. Пилад

Электра

Беги, беги, единственный отмститель
За смерть отца, избегни вражьих рук.
Разрушен дом до основания, царство

Погибло. Что за гость на колеснице
Несется к нам? Одеждою своей
Твое лицо я скрою, милый брат.
Но для чего, безумная душа,
Чужих боится? Страшны лишь родные.
О, мой Орест, не бойся: вижу я
Защитника и преданного друга.

Строфий

Я — Строфий из Фокиды, возвращаюсь,
Стяжавши лавр на играх олимпийских.
Причиною прихода моего —
Желанье друга старого поздравить,
От чьей руки в десятый год войны
Пал Илион. Но кто это — в слезах,
Дрожащая? Она — породы царской...
Электра. В доме радостном зачем
Плачевный стон?

Электра

От материей руки
Погиб отец, хотят убить и сына.
Эгист кремлем владеет, он поддержан
Венерою.

Строфий

Как мимолетно счастье.

Электра

Я заклинаю памятью отца,
Прославленным средь всех народов
скиптром,
Неверными богами, — приюти
Ореста, спрячь священную покражу.

Строфий

Хоть страху учит здесь цареубийство,
Тебя, Орест, охотно украду.
(И в счастии полезен верный друг,
Тем более необходим в несчастье),
Укрась чело моим венцом победным,
Пусть эта ветка голову твою
Покроет зеленеющим побегом,
И пальма — дар Юпитера — тебе
Покров дарует и благословенье...
А ты, Пилад, ристаний отчий спутник,
Учись быть верным, зря пример отца.
Вы, кони быстрые, перед лицом
Всей Греции, как вихрь, летите прочь
От мест неверности и вероломства.

Электра

Ушел он, быстро скрылась колесница
Из глаз моих. Без страха я теперь
Пойду к врагам и добровольным ранам
Мою подставлю голову. Идет
Победу одержавшая над мужем.
Осквернена ее одежда знаком
Убийства, свежей кровью влажны руки.
Злодейство — на лице ее свирепом.
Я к алтарю подсяду. Разреши
Укрыться мне повязками твоими,
Кассандра, мы боимся одного.

Кассандра. Электра. Клитеместра

Клитеместра

Враг матери, безбожница, дерзаешь
Ты, дева, появляться всенародно?

Электра

Да, дева я, и мне не место в доме
Прелюбодейном.

Клитеместра

Можно ли поверить,
Что это — дева?

Электра

Это — дочь твоя.

Клитеместра

Эй, с матерью нельзя ли поскромнее!

Электра

Ты добрым нравам учишь?

Клитеместра

Дух мужчины
Ты носишь в гордом сердце, но тебя
Стать женщиной заставит истязанье.

Электра

Коль я не ошибаюсь, женщинам
Топор приличен.

Клитеместра

Ты в своем безумье
Себя равняешь с нами?

Электра

С вами? Кто же,
Кто он такой — второй твой Агамемнон?
Ты—лишь вдова, твой муж окончил жизнь.

Клитеместра

Неукротимая! Я, как царица,
Отвечу деве нечестивой. Где,
Скажи скорей, мой сын, где он, твой брат?

Электра

Он — вне Микен.

Клитеместра

Отдай же сына мне.

Электра

А ты отдай отца.

Клитеместра

В каком он месте?

Электра

В спокойном, безопасном, не боится
Он нового царя. Довольно это
Для доброй матери?

Клитеместра

Для гневной мало.
Умрешь сегодня.

Электра

Рада умереть
Лишь от твоей руки. Я отхожу
От алтаря. Когда тебе угодно
Мне в горло погрузить железо, вот,
Его я подставляю. Если хочешь
Мне шею, как животному, рассечь,

Затылок ждет удара твоего.
Свершила ты злодейство, так омой
В моей крови кровавую десницу.

Клитеместра

О, подойди, Эгист! Ты — соучастник
Опасностей и царства моего.
Родительницу оскорбляет дочь
Ругательствами и скрывает брата.

Те же. Эгист и слуги

Эгист

Неистовая дева, замолчи!
Слух матери твоей не оскорбляй
Словами недостойными.

Электра

Он будет
Меня учить, художник преступленья,
Рожденный в преступленье? Он, кого
Не знают, как назвать его родные;
Он — сын сестры и внук отца зараз?

Клитеместра

Эгист, ты медлишь голову ее
Скосить железом? Пусть она немедля
Отдает нам брата иль последний вздох.

Эгист

В слепой темнице каменной она
Пускай свой век проводит в заключенье,
Во всевозможных муках. Может быть,
Она тогда захочет выдать тайну.
Голодная и нищая, в грязи,

Вдова до брака, ненавистна всем,
Без воздуха, она, хотя и поздно,
Падет под игом зол.

Электра

О, дай мне смерть!

Эгист

Когда бы ты отказывалась, дал.
Плох тот тиран, что смертью наказует.

Электра

Что может быть больнее смерти?

Эгист

Жизнь,
Коль хочешь умереть. Возьмите, слуги,
Чудовище и, выведя ее
Далеко за Микены, на краю
Владений наших бросьте, заковав,
В пещеру вечно темную.

Клитеместра

А эта
Пускай своей заплатит головою,
Наложница и пленница царя.
Тащите же ее вослед супругу,
Похищенному ею у меня.

Кассандра

Не трогайте, я вас предупрежу.
Спешу принесть моим фригийцам милым
Я первой весть: крушенье кораблей
И плен Микен, как вождь вождей
несметных,

Чтоб равной мздой троянцам заплатить,
Погиб от дара женщины: коварства
И прелюбодеянья. Я готова,
Тащите, я вам даже благодарна,
Как мне отрадно Трою пережить!

Клитеместра

Умри, безумная!

Кассандра

Придет и к вам
Безумие, и вас оно погубит.

ОКТАВИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Император Клавдий (41—54 гг.) имел от Мессалины сына Британника и дочь Октавию. Умертвив Мессалину за то, что она вышла замуж за своего слугу Силия, он женился на Агриппине, дочери брата своего, Германика, и вдове Гнея Домиция Энобарба, а сына ее, Нерона, своего пасынка, женил на своей дочери Октавии. Дальнейшие события, как описывает наш источник, историк сенатской оппозиционной партии Тацит (Анналы, кн. XIV), развернулись следующим образом. Нерон в 62 г. выгнал Октавию под предлогом ее бесплодия и женился на своей любовнице Поппее Сабине. Последняя обвиняла Октавию в измене Нерону с каким-то александрийским флейтистом. За это Нерон приказывает заточить Октавию в Кампанию. Вскоре проходит ложный слух, что Нерон возвращает Октавию; народные массы (по изображению Тацита), сочувствовавшие изгнаннице, пришли в волнение, разбили изображения Поппеи и расставили статуи Октавии, осыпая их цветами. Порядок едва был восстановлен войсками. Поппея внушает Нерону мысль, что это было восстание против его власти и что следует убрать Октавию подальше. Нерон под предлогом новой измены Октавии ссылает ее на остров Пандатарию (в Тирренском море у западного берега Италии) и вскоре приказывает ее умертвить через вскрытие вен. „Ей вскрывают все вены, — рассказывает Тацит, — и, так как от ее страха кровь вытекала слишком медленно, ее убивают паром горячей бани". Ей отрубили голову и показали Поппее, а раболепствующий сенат постановил принести в храмах благодарственные дары богам.

Автор трагедии значительно сократил события; он отбросил все интриги Поппеи и всю вину свалил на Нерона, желая изобразить его свирепым деспотом в его столкновении с народом. Нерон подавляет множеством убийств восстание народных масс, взбунтовавшихся из-за

развода Нерона с Октавией, и приказывает, сослав Октавию на остров Пандатарию, там ее умертвить.

Эта трагедия едва ли принадлежит Сенеке, который сам выводится в ней действующим лицом (хотя один немецкий ученый допускает возможность и его авторства). Вероятно, она написана подражателем Сенеки из того же высшего класса, возможно, еще при Нероне, но опубликована была, несомненно, после смерти Нерона. Эта трагедия прекрасно отражает настроение высшего класса, особенно озлобленного на тиранию Нерона.

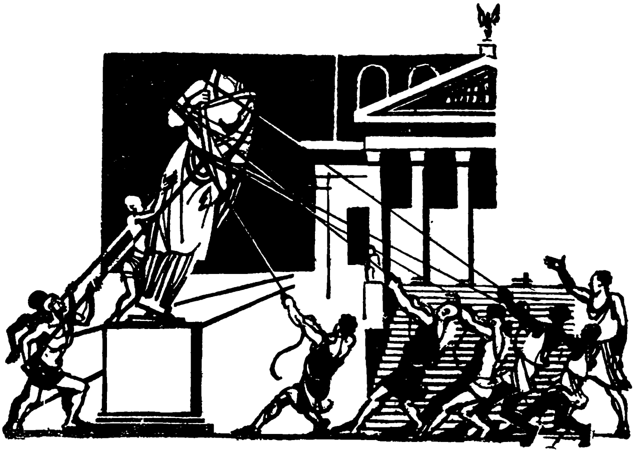
Эта вещь слабее многих трагедий Сенеки, но это — единственная дошедшая до нас трагедия с римским историческим сюжетом, так называемая „претекста“ (т. е. трагедия, в которой актеры были одеты в претексты — римские тоги, обшитые спереди пурпуром).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Октавия.
Поппея.
Нерон.
Префект.
Кормилица Октавии.
Кормилица Поппеи.
Сенека.
Мать Нерона.
Вестник.
Хор римлян.

Место действия — Рим.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Октавия

Лучезарная гонит Аврора с небес
Созвездья ночные, встает Титан,
Сияя кудрями, и миру вновь
Возвращает день.
О ты, отягченная бременем бед,
Привычные стоны опять начинай.
Превзойди же рыданьем морских
Альцион,
Превзойди Пондиона крылатых детей.
Ведь судьба твоя много тяжеле, чем их.
О мать моя, слез моих вечный родник

И первая бедствий причина моих,
Печальные дочери стоны услышь,
Если чувства остались у мертвых теней.
О, если бы древняя Клóто рукой
Порвала мою нить, до того, когда я
Увидала, несчастная, раны твои
И лицо, обагренное кровью густой.
О свет, роковой всегда для меня.
С той самой поры
Ты мне ненавистней, чем темная ночь.
Я терпела от мачехи злой и вражду,
И приказы, и лютые взоры ее.
Ведь она, ведь она Эриннией злой
Мой брачный, стигийский мой факел несла
И тебя погасила, несчастный отец,
Которому весь покорялся мир
За пределом морей,
Перед кем повернули британцы тыл,
Незнакомые ранее нашим вождям, —
Свободный народ.
От козней супруги — увы мне — отец,
Ты раздавлен лежишь, и рабствует дом
Тирану со всеми твоими детьми.

Кормилица

Тот, кто пленен необычайным блеском
Дворцов обманных, пораженный им
Благоговеет, вот пускай увидит,
Как опрокинут натиском судьбы
Недавно мощный дом и вся семья
Прославленного Клавдия, кому
Покорен был весь мир, повиновался
Свободный океан и принимал
Его суда на волнах своенравных;

Кто на британцев наложил ярмо,
Моря неведомые кораблями
Покрыл и безопасным пребывал
Средь варварских племен и средь
морей —
Погиб от злодеяния супруги,
Она ж сама — от сына; брат его
Лежит, отравлен ядом. Чахнет в горе
Его сестра, она же и супруга,
Не в силах гнев свой подавить и скрыть
Перед свирепым мужем. Избегает
Она его, и ненавистью равной
Он к ней пылает. Тщетно я стремлюсь
И верностью утешить, и любовью
Ее скорбящий дух. Ее печаль
Жестокая советами моими
Пренебрегает. Пыл негодованья
Себе в страданьях силы почерпает.
Увы! Какое гнусное злодейство
Я в страхе прозреваю! Пусть его
Предотвратят всевидящие боги.

Октавия

О ни с чем не сравнимая, полная зол,
Судьба моя. Пусть
Повторю я, Электра, вопли твои.
Позволено было несчастной тебе
Оплакать отца
И с помощью брата злодейство отмстить,
Которого верность твоя и любовь
Спасли от врага.
Но мне, сиротливой, препятствует страх
Оплакать родителей злую судьбу
И над братом убитым рыдать не велит,

А был он единой надеждой моей
И краткой утехой средь множества бед.
Я одна с моим горем осталась теперь
Великого имени жалкая тень.

Кормилица

Пронзает мне уши питомки моей
Рыдающий голос. Что ж мешкаю я
Вступить в ее спальню дряхлой стопой?

Октавия

Кормилица, слезы мои прими,
Ты — верный свидетель скорби моей.

Кормилица

Какой же тебя, о несчастная, день
Отрешит от скорбей?

Октавия

Который пошлет меня к мертвым теням.

Кормилица

О, прочь предсказания эти, молчи.

Октавия

Не желанья твои управляют мной,
А воля судьбы.

Кормилица

Дарует страдалице лучшие дни
Милосердный бог; а мужа пока
Послушанием ласковым ты победи.

Октавия

Нет, раньше свирепых я львов побежду
И яростных тигров, чем сердце смогу
Тирана смягчить.
Ненавистна ему благородная кровь,
Он богов и людей презирает равно
И сам не вмещает фортуны своей,
Что ему даровала злодейства ценой
Нечестивая мать. Пусть стыдно ему,
Что от матери страшной он в дар получил
Империю эту; пускай отплатил
Он смертью за этот великий дар,
Но мать сохранит и за гробом своим
Великую славу в грядущих веках.

Кормилица

Задержи излиянья безумной души
И сдави безрассудно текущую речь.

Октавия

Пусть буду все терпеть, лишь смертью могут
Окончиться несчастия мои.
Убита мать, похищен злодеяньем
Отец мой, брата я лишилась, вся
Задавлена бедами, ненавистна
Супругу и моей подчинена
Служанке, светом я не наслаждаюсь.
Трепещет сердце, но не страхом смерти,
А преступления, — только б сгинул грех,
И с радостью умру я. Наказанье
Тяжеле смерти — видеть лик тирана,

Жестокий, гордый; целовать врага
И трепетать пред ним. В печали мне
Нехватит сил ему повиноваться,
Когда злодейски брата он сгубил,
Его владеет троном, торжествует
Над мертвецом — увенчанный убийца.
Как часто тень тоскующая брата
Является очам моим, когда
Ночной покой развязывает члены
И сон глаза, уставшие от слез,
Смыкает. Руки слабые свои
Вооруживши темными огнями,
Он в гневе устремляется на брата
И в трепете в мою опочивальню
Бежит Нерон, а враг не отстает
И в грудь ему, припавшему ко мне,
Вонзает меч. Тогда ужасный трепет
Стрясает сон с моих усталых вежд,
Печаль и страх опять меня терзают.
Прибавь сюда соперницы надменной
Заемный блеск, украсившей себя
Доспехами семьи моей; ведь сын
В угоду ей отправил в челн стигийский
Родную мать, за кораблекрушеньем
Ее сгубил железом он, явившись
Свирепей волн бушующего моря.
Вслед за таким нечестием какая
Осталась мне надежда на спасенье?
Мой враг и победительница спальне
Моей грозят, ко мне враждой пылают,
Поставивши ценой прелюбодейства
Жены законной голову. Отец!
О, подымись из области теней
И дочери приди на помощь! Или,

Пробивши землю, Стикса глубь открой,
Чтоб я туда низринулась.

Кормилица

Напрасно
Зовешь ты дух родителя: ему
Среди теней нет дела до потомков,
Ему, который сыну своему
Мог предпочесть чужую кровь и семя
И, очарован, дочь родного брата
Сопряг с собой на ложе нечестивом.
Отсюда ряд злодейств: убийство, козни,
Желанье власти, жажда страшной крови:
На свадьбе тестя заклан в жертву зять,
Чтоб через брак с тобой не стать могучим.
Злодейство! Отдан женщине в подарок
Силан, и кровью осквернил своей
Пенатов отчих, в мнимом преступленье
Он обвинен. Увы, вступает враг
В плененный дом чрез мачехины козни.
Он — зять царя и в то же время сын,
С умом преступным юноша, кому
Родительница страшная зажгла
Светильник брачный, против воли, страхом
Тебя сопрягши с ним и от успеха
Разъярена, дерзнула угрожать
Священной власти мирового круга.
Кто передаст все виды преступлений
И нечестивой женщины мечты,
И козни льстивые, когда стремилась
Она к венцу по ступеням злодейств.
Любовь святая в трепете бежала.
Эринния стопою роковой
Вошла в дворец пустой и осквернила

Святых пенатов светочем стигийским.
Права природы и законы все
Разрушены: свирепая жена
Мешала мужу яд, и гибли дети.
И ты лежишь угасший, вечно нами
Оплакиваемый, несчастный отрок,
Звезда вселенной, Августова дома
Могучий столб. Британник мой, увы!
Теперь ты — только легкий пепел, тень.
Ведь над тобою слезы проливала
И мачеха свирепая, когда
Несла тебя к последнему костру,
И пламень клокотавший уносил
Твой лик и члены нежные твои,
Подобные летучему Амуру.

Октавия

Пусть губит и меня, или падет
Сам от руки моей.

Кормилица

Тебе природа
Столь мощной силы не дала.

Октавия

Печаль,
Негодованье, скорбь дадут мне силы.

Кормилица

Нет, лучше послушаньем победи
Безжалостного мужа.

Октавия

Чтобы мне
Вернул он брата — жертву злодеянья.

Кормилица

Чтоб невредимой быть, чтоб дом отца
Восстановить твоим потомством новым.

Октавия

Иных потомков ждет наш царский дом,
Меня ж влечет ужасный жребий брата.

Кормилица

Великое благоволенье граждан
Да укрепит твой дух!

Октавия

Моим бедам —
Оно лишь утешенье, не отмена.

Кормилица

Народ — большая сила.

Октавия

Больше — царь.

Кормилица

Он сам к жене вернется.

Октавия

Запретит
Любовница.

Кормилица

Противная для всех.

Октавия

Но милая для мужа.

Кормилица

Не супруга
Она ему.

Октавия

Но скоро будет ею
И вместе матерью.

Кормилица

Любовный пыл
У юношей свирепствует сначала,
Но скоро гаснет и, как легкий дым,
Постыдное влиянье исчезает.
Но долговечна чистая любовь
Супружеская. Верь мне: та, что первой
Дерзнула ложе оскорбить твое,
Владея долго сердцем господина,
Трепещет пред соперницей своей,
Смиренная, простертая во прах,
И воздвигает памятник, которым
Пред всеми страх свой тайный выдает.
Ее покинет скоро Купидон,
Крылатый лгун: при всем ее богатстве
И красоте, ее минутно счастье.
Терпела страданье подобно тебе
Царица богов, когда принимал
Различные виды владыка небес,
Родитель богов.
То являлся он лебедем белым с небес,
То являлся Сидонским рогатым быком,
Дождем золотым
Он струился на землю. На небе блестят
Созвездия Леды; царствует Вакх
На отчем Олимпе; бог Алкид

Обладает прелестною Гебою, он
Не страшится Юноны, став зятем ее.
Послушание мудрое, скрытая скорбь
Высокой жены одержали верх.
Юнона великая делит одна
Эфирное ложе владыки громов.
И, более смертною красою пленен,
Не бросает Юпитер свой горний чертог.
И ты, на земле
Вторая Юнона, жена и сестра
Великого Августа, скорбь победи.

Октавия

Скорей моря сольются со звездами,
С огнем волна, печальный Тартар с небом,
Со мраком луч, с росистой ночью день,
Чем я с умом преступного супруга
Солью мой ум, о смерти брата помня.
На голову безбожного царя
Пускай огонь обрушит царь богов,
Кто молниями потрясает землю,
Пугая нас священными огнями
И знаменьями новыми. На небе
Мы пламенную видели комету
В пределах вечной ночи, где Боот
Медлительною правит колесницей
И хладная Медведица блестит.
Дыханием свирепого вождя
Сам воздух осквернен, грозят созвездья
Несчастиями новыми народам,
Которыми безбожный правит вождь.
Свирепей он Тифона, что извергла
Во гневе на Юпитера земля.

Он — язва бо̀льшая; он — враг богов
И враг людей: он небожителей
Изгнал из храмов, граждан из отчизны,
У брата отнял жизнь и пролил кровь
Родимой матери. И видит свет
И еще смеет жизнью наслаждаться!
Зачем, отец всевышний, понапрасну
Ты мечешь стрелы царственной рукой?
И медлит поразить твоя десница
Преступника такого? Пусть Нерон
Поплатится за все свои злодейства,
Домиция божественного сын,
Тиран земли, которую гнетет
Ярмом постыдным, Августово имя
Пороками своими оскверняя.

Кормилица

Я признаю, что ложа твоего
Он недостоин, но молю тебя,
Моя питомка, уступи судьбе,
Не раздражай неистового мужа.
Быть может, бог отмстителем восстанет,
Придет и для тебя счастливый день.

Октавия

Давно уж тяготеет гнев богов
Над нашим домом: первою Венера
Сразила мать несчастную мою.
Уже жена, она вступила в брак,
Безумная, забыв о нас, о муже
И о законах. К ложу преисподней
Отмстительница Фурия пришла,
Развив власы, увитые змеями,
И кровью погасила брачный факел.

У Цезаря жестокого она
Воспламенила гнев, и от железа
Погибла мать несчастная моя,
Меня оставив в жертву вечной скорби,
С собою мужа увлекла к теням
И сына, дом упавший погубила.

Кормилица

Оставь печаль и слезы; не тревожь
Тень матери твоей: тяжелой карой
Она свое безумье искупила.

Хор римлян

Молва, что сейчас поразила наш слух,
О, если бы лживой явилась она!
И все потеряли доверие к ней!
И новая в спальню царя вошла
Вторая супруга, а Клавдия дочь
Сохранила бы ложе свое и дворец
И детей народила — мира залог,
На радость вселенной, и царственный Рим
Сохранил свою вечную, древнюю честь.
Юнона великая ложе блюдет
Супруга и брата; зачем же сестру
Державного Августа гонят теперь
От ложа супруга, из дома отцов?
Иль ей ни к чему благочестье ее,
Отец — небожитель, ее чистота,
Ее целомудренный девственный нрав,
Мы, римляне, сами забыли себя,
По смерти вождя, которого род
Мы в трусости дикой теперь предаем.
Воистину римскою доблесть была

У праотцев наших, и Марсова кровь
Пламенела в жилах оных мужей.
Ведь они изгоняли гордых царей
Из этого города и хорошо
Отмстили твою оскорбленную тень,
О дева, убитая дланью отца,
Чтоб тяжкое рабство тебе не нести,
Чтоб победой не чванилась гнусная страсть.
И печальная брань ответом была
На твою, злополучная, раннюю смерть,
О, Лукреция дочь, что сразила себя
Своей же рукой, потерпевши позор,
С Тарквинием кару за грех понесла
Жена его Туллия; диких она
По телу убитого старца-отца
Коней погнала, отказавши ему
В погребальном костре — нечестивая дочь.
И этот наш век свидетелем был
Нечестья сыновнего: хитростью взяв,
Посылает царь родимую мать
В Тирренское море. Матросы спешат
Покинуть порт.
Под ударами весел волны шумят,
В открытое море несется корабль,
Но внезапно треснули скрепы его,
И хлынули волны на дно корабля.
Пронзительный крик
Подымается к звездам, мешается он
С рыданием женским; пред взорами смерть
Ужасная бродит; от смерти бежать
Старается каждый; одни без одежд
Прицепляются к доскам разбитой кормы,

Рассекая волну, а другие вплавь
Стремятся спокойных достичь берегов.
И многих уж топит пучина морей.
Разрывает Августа одежды свои
И терзает власы, орошая лицо
Потоками слез.
Когда ж не осталось надежды спастись,
Пламенея гневом, сраженная злом,
„Такой-то,— воскликнула,— мне воздаешь
Наградою, сын, за великий мой дар!
Сознаюсь, заслужила я этот корабль,
Я, тебе даровавшая свет и престол,
И Цезаря имя — безумная мать.
Подыми же из бездн Ахеронта лицо
И казнью моей наслаждайся, супруг.
Я, несчастная, смерти причина твоей
И сына, надежды твоей, похорон
Виновница я.
По заслугам помчусь я к тени твоей,
Погребенья лишась,
Схороненная заживо в диких волнах".
Средь речи уста захлестнулись волной,
И упала она
В пучину, но снова восстала из вод,
Охвачена ужасом; море кругом
Отгоняет рукой, но лишается сил.
Осталась в безмолвных сердцах моряков
Бывалая верность: презревши смерть,
Дерзают они помогать госпоже,
Чья сила сломилась под натиском волн.
Ее, протянувшую руки, они
Ободряют и криком, и силою рук.
Что пользы тебе,
Что спаслась ты от волн, от пучины морской?

*

Суждена тебе смерть от сыновней руки.
Едва ли поверит потомство, что он
Такое злодейство дерзнул совершить.
Нечестивый, гневясь, что, из волн спасена,
Жива его мать,
Он второй замышляет громадный грех.
Устремляется он погубить свою мать
И не терпит малейшей задержки, злодей.
Исполняет приказ его посланный страж
И пронзает железом царицыну грудь.
Умирая, свершителя казни своей
Об одном она
Умоляет: чтоб в чрево он меч погрузил.
„То чрево должно быть пронзенным, —
кричит, —
Что чудовище это носило в себе!“
Сказавши так
И смешавши с последним стенаньем
слова,
Свой мятежный дух
Испустила она чрез отверстия ран.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сенека

Зачем меня, могучая судьба,
Польстивши мне обманчивою лаской,
Довольного моим уделом скромным,
Ты вознесла высоко, чтоб низринуть
С вершины, где я вижу столько страхов.
Вдали от зависти, как хорошо
Скрывался я в утесах корсиканских.
Там я свободен был и с полным правом
Занятием любимым предался.
О, как мне сладко было созерцать
Небесный свод, которого прекрасней
Природа ничего не создала —
Художница и матерь мирозданья.
Следить круги планет, движенье мира,
Вращенье солнца, круг лучистой Фебы,
Звездами окруженной, и красу
Блестящего, великого эфира!
Коль этот мир стареет и готов
Упасть опять в слепой, извечный хаос,
Теперь пришел последний день для мира.
Раздавят небеса в своем паденье
Безбожный род, и снова на земле
Произрастут младые поколенья,
Блаженные, как в первый век Сатурна.
Еще тогда царила Справедливость,

Божественная дева, с нею Верность
Землею кротко правила. Ни войн
Не знали люди, ни трубы гремящей,
Ни грозного оружия, и город
Не окружали стенами. Для всех
Был путь свободен. Благами земли
Все сообща владели, и земля
Сама питала лоном плодородным,
Счастливая, признательных детей.
Суровее второе поколенье,
А третий род искусства изобрел,
Однако оставаясь непорочным.
Затем восстал мятежный род, дерзнувший
Преследовать зверей, из волн морских
Сетями рыб вылавливать, пернатых
Пронзать стрелами легкими, быков
Обременять ярмом и бороздить
Досель сохи не ведавшую землю.
И оскорбилась мать-земля, и глубже
В груди плоды сокрыла. Худший век
Во внутренности матери проник
И вырывал тяжелое железо
И золото; вооружал он руки
Свирепые, и царство, и границы
Установил, воздвигнул города,
Свои жилища защищал, чужие
Атаковал, гоняясь за добычей.
Совсем забытая с земли бежала
Астрея дева, красота небес,
Отринув нравы дикие людей
И оскверненные убийством руки;
И жажда войн росла, и голод злата,
И роскошь, эта ласковая язва,
По всей земле распространилась; силы

Ей время придало и заблужденье.
Копившиеся много лет пороки
Нас наводняют верхом, давит нас
Громадный тяжкий век, когда царят
Злодейство и свирепствует нечестье.
Бесстыдная владычествует похоть,
И роскошь, победительница мира,
Из рук скупых богатства похищает,
Чтоб погубить их. Но смятенным шагом
Сюда несется яростный Нерон.
Я трепещу пред тем, что он приносит...

Нерон. Префект. Сенека

Нерон

Исполни приказание: пришли
Того, кто Плавта головы и Суллы
Мне принесет, отрубленные с плеч.

Префект

Приказ исполнить не замедлю; в лагеря
Отправлюсь тотчас я.

Сенека

Не подобает
Постановлять решенья дерзновенно
По отношенью к близким.

Нерон

Справедливость
Легка тому, чья грудь не знает страха.

Сенека

Лекарство от боязни — милосердье.

Нерон

Большая доблесть — сокрушить врага.

Сенека

Но для отца отечества прекрасней
Спасать людей.

Нерон

Старик, читай уроки
Пред мальчиками.

Сенека

Должно направлять
Пылающую юность.

Нерон

Полагаю,
Что я в летах достаточно разумных.

Сенека

Пускай всегда деяния твои
Одобрят боги.

Нерон

Глупо мне бояться
Богов, которых я же сам творю.

Сенека

Тем больше бойся, чем могучей ты.

Нерон

Все позволяет мне моя Фортуна.

Сенека

Не доверяй изменчивой богине.

Нерон

Ничтожен, кто не знает, что ему
Позволено.

Сенека

Похвально совершать
Что подобает, а не то, что можно.

Нерон

Лежачего лягает чернь.

Сенека

Крушит
Того, кто ненавистен.

Нерон

Охраняет
Царя железо.

Сенека

Но сильнее верность.

Нерон

Предметом страха должен Цезарь быть.

Сенека

Но более — любви.

Нерон

Пускай страшатся...

Сенека

Насилием исторгнутое тяжко...

Нерон

И повинуются моим приказам.

Сенека

Приказывай лишь справедливо.

Нерон

Я сам постановлю.

Сенека

С согласья граждан.

Нерон

Моим мечом.

Сенека

Прочь этот страшный грех.

Нерон

Терпеть я буду ль дольше, чтобы крови
Моей искали, чтоб, неотомщенный
И презренный, внезапно я погиб.
Далекое изгнанье не сломило
Упорства их: готовят Плавт и Сулла
Преступных слуг убийства моего.
А в нашем городе еще осталась
Любовь к отсутствующим, и она
Изгнанников надежды согревает.
Я устраню мечом моих врагов.
Жена, мне ненавистная, погибнет,
Последует за братом дорогим.
Пускай падет все, что стоит высоко.

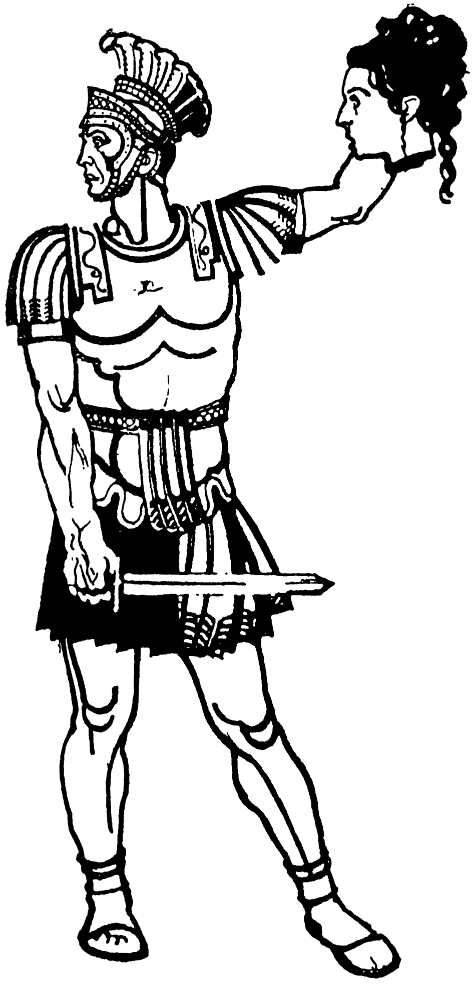
Сенека

Прекрасно выдаваться среди славных
Мужей, о родине заботиться,
Щадить несчастных, от убийств
жестоких
Воздерживаться, меру в гневе знать,
Покой дать веку своему и миру.
Здесь доблесть высшая, дорогой этой
Мы достигаем неба. Так наш первый
Отец отечества, великий Август,
Во храмах почитается как бог.
Его однако на земле и море
Войною долго мучила судьба,
Пока врагов отца не подавил он.
Тебе ж она без крови даровала
Свое благоволение и вожжи
Империи рукой вручила легкой,
И покорила землю и моря
Твоей руки державной мановенью.
Побеждена согласием святым,
Смирилась зависть: за тебя сенат
И всадники. Желанием народным,
Решением отцов поставлен ты
И миротворцем, и судьей народов.
Ты правишь миром с именем святым
Отца отечества, и просит Рим,
Чтоб это имя ты хранил, и граждан
Тебе вручает.

Нерон

Это — дар богов,
Что служит мне сам Рим с своим
сенатом
И что они из страха предо мной

Смиренный глас возносят против воли.
Что за безумье — граждан сохранять,
Которые опасны для царя
И родины, притом же имениты,
Когда могу сомнительных людей
Я умертвить моим единым словом.
Дерзнул же на убийство государя
И благодетеля изменник Брут!
В строю непобедимый, покоритель
Народов, по высоким ступеням
Всходивший до Юпитерова трона,
Погиб от нечестивых граждан Цезарь.
Как много видел Рим своей же крови
И сколько раз растерзан был. А он,
Божественный, наследовавший небо
За добродетель, Август, сколько знатных
И юношей, и старцев погубил,
Рассеянных по миру, в стране смерти,
Из родины бежавших, трепеща
Перед железом трех вождей, пред их
Доскою слез, приговоренных к казни.
Отцы в печали видели на рострах
Отрубленные головы; родных
Оплакивать нельзя, нельзя вздыхать
На форуме, телами оскверненном,
Сочащемся кровавым, черным гноем.
И здесь еще не кончены убийства:
Кормили долго плотоядных птиц
Печальные Филиппы; поглотило
И море Сицилийское мужей,
На кораблях друг друга убивавших.
Потрясся мир от сил вождей великих:
Антоний побежденный с кораблями

Стремится к Нилу, чтоб погибнуть там.
И снова кровью римского вождя
Египет развращенный напоился:
Две римских тени он сокрыл в себе.
Там долгая погребена война
Гражданская; усталый победитель
Вложил в ножны притупленный от ран
Кровавый меч и страхом утвердил
Свое господство. С помощью оружья
И верности солдат он вышел цел.
А благочестьем сына после смерти
Он сделан богом, в храмах почитаем.
Ждут звезды и меня, когда я первый
Моих врагов железом поражу
И утвержу мой дом потоком славным.

Сенека

Наполнит твой дворец небесным родом
Дочь Клавдия божественного; ей
Досталось ложе брата, как Юноне.

Нерон

Потомству матери развратной я
Не доверяю. Не принадлежала
Мне никогда душа моей жены.

Сенека

Не распознаешь в нежные года
Сердечных чувств; любовь скрывает пламя,
Когда она побеждена стыдом.

Нерон

Так понапрасну сам я долго думал,
Хотя я видел ненависть ко мне

В ее холодном сердце, в выраженье
Ее лица, и, наконец, решил
Отмстить за эту жгучую обиду.
Себе жену нашел я: и породой,
И красотой она меня достойна:
Уступят ей Юпитера жена,
Богиня браней, и сама Венера.

Сенека

Супруги честность, верность, непорочность
И чистота должны пленять супруга.
Одни лишь блага сердца и ума
Бывают долговечны, каждый день
Цветок красы безжалостно срывает.

Нерон

Лишь в ней одной сосредоточил бог
Все прелести, судьбе угодно было,
Чтоб ей такой родиться для меня.

Сенека

Не будь безумным: пусть тебя оставит
Любовь.

Нерон

Не может сам властитель молний
Избавиться от этого тирана:
Он проникает в море, в царство Дита
И небожителей низводит с неба.

Сенека

Неведение смертных создало
Любви божка крылатого, его
Вооруживши факелом и луком,

И думает, что он — Венерин сын.
Любовь есть сила духа, жар души,
От юности рождается она
И роскошью питается, досугом
Среди веселья благ Судьбы. Когда ж
Ее питать, лелеять перестанешь
Она угаснет, силы потеряв.

Нерон

Считаю я любовь причиной жизни,
Великою, бессмертной. Род людской
Любовью вновь и вновь воссоздается,
Она смягчает и зверей свирепых.
Пусть этот бог несет мой брачный факел,
Ведя Поппею к ложу моему.

Сенека

О, нет, не может вынесть гнев народа
Такого зрелища, не позволяет
Святое благочестье.

Нерон

Нельзя
Мне одному свершать, что можно всем?

Сенека

Чем выше сан, тем требованья больше
Народные.

Нерон

Хочу я испытать,
Как устоит пред силою моей
Их дерзкое к жене благоволенье.

Сенека

Желанью граждан кротко будь послушен.

Нерон

Там власти нет, где правит чернь
вождями.

Сенека

Когда народ не может ничего
Добиться, справедливо негодует.

Нерон

Ужель есть право силой добиваться,
Где ничего не могут сделать просьбы.

Сенека

Стказывать — жестоко.

Нерон

Принуждать
Царя — безбожно.

Сенека

Пусть уступит сам.

Нерон

Чтоб шла молва о слабости его.

Сенека

Молва пуста.

Нерон

Но, если можно, многих
Она клеймит.

Сенека

Стоящих высоко
Страшится.

Нерон

Тем не менее кусает.

Сенека

Нетрудно заглушить ее. Пусть сломят
Тебя благодеяния отца,
Лета и целомудрие супруги.

Нерон

Отстань же, наконец! Ты слишком стал
Назойливым. Да будет можно мне
То сделать, что не нравится Сенеке.
Что медлю я обрадовать народ,
Когда моя возлюбленная в чреве
Несет залог священный, часть меня?
Ближайший день для брака назначаю!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тень Агриппины

Из Тартара, из трещины земли
Я выхожу. В моей руке кровавой
Стигийский факел, им я озарю
Преступный брак Поппеи и Нерона,
И обратят карающая длань
И материнский гнев мой эту свадьбу
В печальное стенанье похорон.
Осталось у меня среди теней
Неотомщенное воспоминанье
О роковом, смертельном корабле,
Награде за мои благодеянья,
О ночи той, когда судов крушенье
Оплакивала я. Хотелось мне
Оплакать гибель спутников и сына
Жестокое злодейство. Но для слез
Не отвели мне времени. Мой сын
Свой грех умножил новым злодеяньем;
Зарезана железом, в ранах вся,
Я испустила дух среди пенатов,
Из моря спасшись; но моею кровью
Я сына ненависть не угасила:
Восстал на имя матери тиран,
Стереть желая все мои заслуги.
Под страхом смерти разрушал он все
Мои изображения по миру,

Который в наказание себе
Моя любовь несчастная вручила
Ему во власть. Тревожит тень мою
Усопший муж; приблизив адский светоч,
Грозит, настаивает, обвиняет
За холм могильный свой и требует
Виновника Британниковой смерти.
О, пощади, тебе он будет отдан,
Прошу немного времени. Готовит
Эринния отмстительная смерть
Достойную безбожному тирану;
Удары, бегство жалкое и кары,
Что превосходят Танталову жажду,
Труды Сизифа, Титиеву птицу
И Иксиона колеса вращенье.
Пускай воздвигнет гордый властелин
Себе дворец из мрамора и злата,
Пускай когорты будут охранять
Его порог, и истощенный мир
Ему богатства слать; пусть будут парфы
Кровавую десницу лобызать
И царство все его осыплют златом —
Придет тот день, когда за все злодейства
Отдаст он дух, врагу подставив горло,
Покинутый, низверженный и нищий.
Увы, погибли труд мой и желанья!
Куда тебя безумье привело
И Рок, мой сын. При виде бед твоих
У матери, тобою убиенной,
Стихает гнев. О, если б прежде, чем
Я родила тебя и воскормила,
Была растерзана моя утроба
Зверями дикими. Без преступленья.

Невинный, ты б со мною вместе умер,
И вместе созерцали б мы спокойно
Престол богов подземных и отца,
И всех великих предков наших. Им
Теперь остались только стыд и горе
Из-за тебя, безбожник, и меня,
Такой тебя взрастившей. Что ж я медлю
В подземный Тартар скрыться — мачеха,
Супруга, мать — на горе всем своим?

Октавия. Хор

Октавия

Удержитесь от слез в этот радостный
день,
В этот праздничный час. Чтобы ваша
любовь,
Ваша ласка ко мне гнев царя не зажгла
И не стала я бедствий причиной для вас.
Не впервые теперь пронзена моя грудь:
Приходилось и худшее горе терпеть.
Быть может, хоть смертью положит
конец
Кручинам моим этот праздничный день.
Не буду я больше жестокое зреть
Супруга лицо.
Не буду входить в ненавистный покой
Служанки моей.
Я Августа буду сестрой, не женой.
Но только бы минули кары меня
И страшная смерть!
Несчастная, помня злодейства его,
В безумии можешь надеяться ты.
Ведь для этого брака тебя берегли,

Чтоб как жертву заклать на веселом пиру.
Но зачем же так часто ты смотришь назад,
Со слезами глядишь на родительский дом.
Скорей уходи и навеки покинь
Обагренный кровью царский дворец.

Хор

Блеснул этот день, о котором молва
Шумела давно, но не верили ей.
Прогоняет от ложа Клавдия дочь
Свирепый Нерон,
И восходит Поппея на ложе царя.
А наша любовь, наша жалкая скорбь,
Подавлена страхом, бессильно молчит.
Где римская сила, которая встарь
Побеждала великих и славных царей,
Давала законы могучей стране
И фаски вручала достойным рукам,
Управляла войною и миром, ярмо
Налагала на орды диких племен,
Запирала в темницу плененных царей?
Поппеевы статуи блещут везде,
С Нероном вдвоем.
Пускай разъяренная свергнет рука
На землю владычицы новой кумир,
И с ложа ее самое совлечет,
И разрушит скорее огнем и мечом
Этот царский дворец, оскверняющий мир,

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кормилица. Поппея

Кормилица

Куда из спальни мужа твоего
Бежишь, питомка? Для чего в смятенье
Укрыться ищешь? Почему в слезах?
Для нас блеснул давно желанный день.
Ты с Цезарем соединилась браком,
Твоя краса его в свой плен взяла,
И свято чтимая тобой Венера,
Связавши, отдала его тебе.
О, как ты хороша была на ложе,
Высоком, царском. Красотой твоей
Был поражен сенат, когда богам
Ты фимиам священный воскуряла,
Струя вино на жертвенник, в пурпурном,
Венчальном покрывале на челе.
И сам Нерон, рука с рукой с тобою,
Средь радостных приветствий граждан Рима
Сияющий и гордый выступал.
Такою взял из пенистого моря
Пелей Фетиду. Праздновал их брак
Весь сонм богов, небесных и подводных.
Но отчего в лице ты изменилась?
Что значит эта бледность, эти слезы?

Поппея

От страха и видений этой ночи,
Кормилица, лишаюсь я сознанья
И чувств моих. Когда сменился день
Ночною тьмой, я радостно уснула
В объятиях Нерона моего.
Но тихим сном недолго наслаждалась:
Мне грезилось, что мрачная толпа
Проникла в спальню: растерзав власы,
Толпа латинских матерей рыдала;
Под звуки страшных труб, с лицом свирепым
Моя свекровь окровавленный факел
Передо мной трясла. Вослед за нею
Иду я, страхом скована, и вдруг
Передо мною трещиной огромной
Земля расселась, и упал в нее
Мой брачный одр, где в утомленье я
Покоилась. Я вижу, что приходят
В толпе теней мой прежний муж и сын,
Криспин моих объятий ищет, с уст
Стремится пить ответные лобзанья.
Но трепетный врывается Нерон
И острый меч ему вонзает в горло.
Я в страхе пробудилася от сна
С ужасной дрожью в членах и костях,
С биеньем сердца. Страх смыкал уста,
Но верность и любовь твоя меня
Заставили разговориться. Чем
Грозят мне тени мертвых, кровь супруга?

Кормилица

Все, что волнует ум, во время сна
Святое и таинственное чувство

Воспроизводит. Ты удивлена,
Что видела супруга, ложе брака,
В то время как покоилась в объятиях
Супруга нового? Тебя смущают
Биенье в грудь, развитые власы?
То был развод Октавии оплакан
В родном дворце ее отца и брата.
Тот факел, что несла перед тобой
Августа, имя славное пророчит,
Что завистью даровано тебе;
Подземный мир, его ж законы вечны,
И прочный брак, и долговечность дома
Тебе сулит. А то, что царь твой в горло
Меч погрузил, войны не возбудит,
Но мирно будет спать в ножнах железо.
Так соберись же с духом, я молю,
Развеселись, прогнавши страх, вернись
Спокойная в свою опочивальню.

Поппея

Решила я к священным алтарям
Направиться и жертвенным закланьем
Умилостивить праведных богов,
Чтоб искупить ночного сна угрозы
И страх вернуть на голову врагам.
Ты для меня моли богов небесных,
Чтоб все и впредь осталось как теперь.

Хор

Если верить рассказам болтливой молвы,
О любви Громовержца и тайных делах,
То сжимал он в объятиях Ледину грудь,
Осенивши ее лебединым крылом,
То свирепым быком, по волнам, на спине

Драгоценную кражу, Европу, он нес.
И теперь он покинет надзвездную высь
И захочет, Поппея, объятий твоих.
Он может и Леде тебя предпочесть
И тебе, о Даная, на диво кому
Он стремился с небес дождем золотым.
Пусть Спарта гордится питомки красой
И наградой своею фригийский пастух.
Она превзойдет Тиндариды красу,
Что раздула ужасное пламя войны
И повергла Фригийское царство во прах.
Но кто это мчится смятенной стопой?
Какую он весть, задыхаясь, несет?

Вестник

Пусть защищают воины дворец,
Ему грозит неистовство народа.
Едва влекут дрожащие префекты
Когорты для защиты града; ярость,
Не уступая страху, множит силы.

Хор

Что привело их в бешенство такое?

Вестник

Войска горят к Октавии любовью,
Разъярены нечестием великим.

Хор

На что ж дерзнуть намерены они?

Вестник

Вернуть желают Клавдиевой дщери
Дворец отца, супружеское ложе
И долю власти царской.

Хор

Но ее
Уже с царем Поппея разделяет.

Вестник

Вот эта ярость их воспламеняет,
Ввергая в безрассудные дела.
Где ни стоят Поппеи изваянья,
Сияющие мрамором иль медью,
Народ их бьет, железом сокрушает,
Растаскивает части, привязав
Веревками, ногами топчет в грязь.
Слова их соответствуют деяньям,
И я от страха их не передам.
Готовятся зажечь дворец царя,
Коль он не выдаст новую супругу
Негодованью граждан, не вернет
Октавии ее дворец отцовский.
Чтоб сам он знал о возмущенье граждан,
Приказ префекта я спешу исполнить.

Хор

Зачем понапрасну воюете вы?
Необорной стрелою разит Купидон,
Уничтожит он пламенем ваши огни:
Он Юпитера молнии часто гасил
И плененного бога с небес низводил.
Тяжелою карою, кровью своей
Поплатитесь вы.
Этот маленький бог и гневлив, и горяч,
И не справиться с ним.
Он Ахиллу свирепому повелевал

На лире играть.
Он данаев сразил, он Атрида сразил,
Разрушил Приамово царство, во прах
Поверг города.
Я душой трепещу, размышляя о том,
Что готовит могучий, безжалостный бог.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Нерон

О, слишком медленны мои солдаты
И на нечестье в гневе сдержан я,
Раз граждан кровь не залила огней,
Зажженных против нас, раз кровь народа
Не оросила Рим, таких вскормивший
Людей негодных. Большее, чем смерть
Народ своим злодейством заслужил.
Но та, кому меня народ вверяет,
Жена сомнительная и сестра,
Испустит дух и, наконец, мой гнев
И ярость кровию своей зальет.
Пускай пожар испепелит весь город,
Пускай среди пылающих развалин
От нищеты позорной и от глада
Народ погибнет. Да, мои щедроты
Не трогают развратную толпу.
Неблагодарная, она сама
Не хочет милосердия и мира
И в дерзости своей стремится к бездне.
Обременять ее необходимо
Ярмом тяжелым, чтоб не дерзала
На что-нибудь подобное и впредь,
На статуи священные супруги
Не подымала глаз и научилась
Повиноваться мании царя.

Но вижу я, приходит тот, кого
За редкую его любовь и верность
Поставил я над лагерем моим.

Префект

Я доложить пришел, что бунт народа
Подавлен казнью тех немногих, кого
Противился вотще и долго.

Нерон

Как?
И этого довольно? Так ты понял
Приказ вождя? Он подавил. Такая ль
Нужна мне месть?

Префект

Вожди восстанья
пали.

Нерон

А та толпа, которая дерзала
Зажечь дворец, давать закон царю,
Стащить супругу верную с постели
И оскорблять ее на все лады,
Останется толпа без должной кары?

Префект

Ужель твой гнев обрушится на граждан?

Нерон

Обрушится, и это наказанье
Грядущие века не позабудут.

Префект

И не смягчат его ни гнев, ни страх.

Нерон

Искупит гнев мой та, что заслужила.

Префект

Скажи мне, кто, чтоб я не пощадил.

Нерон

Сестры убийства требует мой гнев.

Префект

От ужаса дрожу и цепенею.

Нерон

Колеблешься?

Префект

Зачем подозреваешь
Мою ты верность?

Нерон

Ты щадишь врага?

Префект

И женщина то имя заслужила?

Нерон

Она преступна.

Префект

Есть ли обвинитель?

Нерон

Народный бунт.

Префект

Кто может управлять
Безумными?

Нерон

Кто мог их возмутить?

Префект

Я никого подобного не знаю.

Нерон

О, этой женщине дала природа
Злодейский дух, злокозненное сердце.

Префект

Но в силе отказала.

Нерон

Чтоб не быть
Ей неприступной, чтобы страх и кара
Сломили силы слабые ее.
Она давно виновна, слишком поздно
Ее казню. Оставь советы, просьбы
И исполняй приказ. На корабле
Вели на дальний берег отвезти
И там казнить, чтоб мог я, наконец,
Вздохнуть свободно, отдохнуть от страха.

Хор

Для многих, для многих была роковой
Народа любовь. Ведь сначала она
Попутными ветрами движет корабль
И, умчавши его далеко от страны,
Покидает, слабея, свирепости волн.

Рыдала о Гракхах несчастная мать,
Их сгубила громадная черни любовь,
Знаменитого рода были они,
Благочестьем и верностью славны везде,
В красноречье сильны, с мощным сердцем в груди,
С изощренным в гражданских законах умом.
Подобной же смерти, о Ливий, тебя
Судьба предала: не спасли его
Ни фаски, ни дом, защищенный от бурь.
Мешает примеры еще приводить
Настоящая скорбь: те, кому возвратить
Желали граждане отчий дворец
И брачное ложе, ту видят теперь,
Несчастную, льющую слезы ключом,
Влекомую к казни. Под кровом простым,
Довольствуясь малым, спокоен бедняк,
Но часто гроза поражает дворцы,
И Фортуна во прах повергает их.

Октавия. Хор. Солдаты

Октавия

Куда меня тащите? О, почему
Уйти мне в изгнанье царица велит,
Коль, насыщена множеством бедствий моих,
Оставляет мне жизнь? Если же казнью она
Увенчать желает печали мои,
Что ж завидно жестокой, что я умру
На родимой земле?

Но надежд никаких на спасение нет.
Несчастная, вижу Неронов корабль:
Когда-то взошла на него моя мать,
Теперь же, от ложа царя прогнана,
Взойдет на него и супруга-сестра.
Увы, благочестье утратило трон,
Нет больше богов:
Эринния злая над миром царит.
Кто может достойно оплакать мои
Несчастья? В печальную песнь соловья
Перелились бы слезы рыданий моих.
О, если бы мне даровала судьба
Соловьиные перья! На быстрых крылах
Улетела бы я далеко, далеко
От ужасных людей и от казни моей,
И в пустынной дубраве, на тонком сучке
Я б качалась, будила безмолвную тишь,
Разливая по рощам унылую трель.

Хор

Управляется Роком порода людей,
И никто обеспечить не может себе
Устойчивых благ
Средь вращенья вещей и всех перемен,
Что приносит пугающий времени бег.
Пусть примеры других укрепляют тебя,
Которых так много в вашей семье:
Уж настолько ль свирепей Фортуна к тебе?
Не первой тебе,
Столь многих детей незабвенная мать,
Агриппина, дочь и супруга того,

Чье имя сияло на целый мир,
Из чрева рождавшая множество раз
Залоги любви
И спокойствие мира, — достались тебе
Изгнанье, удары, железная цепь
И смерть в заключение длительных мук.
Счастливая Ливия, Друза жена,
Счастливая мать,
Свершила злодейства и казнь понесла.
И дочери Юлии та же судьба:
По времени долгом убита она
Железом, хотя и без всякой вины.
А чего не могла совершить твоя мать,
Управлявшая некогда в царском дворце,
Любезна супругу, могуча детьми?
Но, отдавшись во власть своему же слуге,
Погибла она под солдатским мечом.
Что скажешь о той, что надежды свои
Простирала до неба? Неронова мать,
Оскорбленная прежде в Тирренских волнах
Рукою гребца,
Терзаема долго острым мечом,
Свирепого сына жертвой легла.

Октавия

Теперь и меня жестокий тиран
Посылает к печальным, загробным теням.
Зачем же, бедняжка, я медлю вотще?
Ведите на смерть, кому право на то
Даровала Судьба. Призываю богов
Небесных... Безумная, остановись,
Ведь ты ненавистна небесным богам.

Я Тартар зову
И мстящих за зло преисподних богинь;
Тебя, мой отец,
Достойного кары и смерти такой.
Снаряжайте корабль и, развив паруса,
Пусть кормчий по ветру направит корму
К берегам Пандатарии дальней моей.

Хор

О легкие ветры и нежный Зефир,
Когда-то, воздушною тучей покрыв,
Ифигению мчали вы по волнам,
Унося ее прочь от огней алтаря.
И эту далеко от горестных мест
Несите, молю вас, во Тривии храм.
Милосердней Авлида, чем город наш,
Милосерднее варваров Тавров земля.
Там убийством гостей ублажают богов, —
Упивается кровию граждан своих
Неистовый Рим.

ПРИМЕЧАНИЯ

МЕДЕЯ.

Ст. 3. Тифис — мифический кормчий корабля Арго, на котором аргонавты плыли в Колхиду.

Ст. 3. Кто научила — богиня Афина.

Ст. 5. Бог Нептун.

Ст. 7. Титан лучистый — Солнце.

Ст. 9. Трехликая Геката — богиня волшебств, носившая по трем своим функциям три имени: Луны, Дианы и Прозерпины.

Ст. 12—13. Разумеется подземное царство, местопребывание теней умерших.

Ст. 14—15. Разумеется Плутон и похищенная им Прозерпина.

Ст. 17—32. Медея Сенеки с самого начала дышит местью и показывает свою не женскую, титаническую натуру в отличие от Медеи Эврипида.

Ст. 17—19. Разумеются чудовища — богини мести и гнева Эвмениды.

Ст. 21—22. Новобрачная — Креуза; тесть — ее отец Креонт.

Ст. 23. Мужу — Язону.

Ст. 28. Разумеются пороги дома Креонта.

Ст. 34. Разумеются брачные факелы, которые несли перед невестой.

Ст. 36. Наш пращур — отец Медеи Эет был сыном Солнца.

Ст. 39. В отчей колеснице, т. е. на колеснице, на которой Солнце (по мифологическому представлению) едет в течение дня по небу.

Ст. 42—43. Медея хочет сжечь гор. Коринф, где произойдет свадьба Язона; тогда сольются два моря: Эгей-

ское и Ионийское, разделяемые Истмийским перешейком.

Ст. 53—54. Понт — Черное море; Фазис — река в Колхиде. Медея хочет сказать, что Коринф на Истмийском перешейке увидит такие же преступления, какие она совершила для Язона в Колхиде.

Ст. 57. Разумеется убийство брата Апсирта.

Ст. 66—67. Медея заключает свой монолог сентенцией (см. вступительную статью). В своем монологе Медея сразу выступает разгневанной мстительницей и намечает характер своей мести: смерть новобрачной, а с ней всей царской семьи (ст. 21—23) и умерщвление детей (31—32) (см. вступительную статью).

Ст. 68—127. Хор коринфских женщин поет брачную песнь в честь новобрачных Язона и Креузы. Схема стихотворного размера ст. 68—87: –́ ◡. –́ ◡◡ –́ –́ ◡◡ –́ ◡ — так называемые асклепиадовские стихи.

Ст. 72. Разумеется царь богов Юпитер и его жена богиня Юнона.

Ст. 73. Люцина — богиня брака и рождения.

Ст. 75. Мать любви — богиня Венера.

Ст. 76. Марс — бог войны.

Ст. 81. Гименей — бог брака.

Ст. 84. Звезда Венера — вечерняя и утренняя звезда. Схема размера ст. 87—104: –́ ◡ –́ ◡◡ –́ ◡ — так называемый усеченный гликоновский стих.

Ст. 87—93. Новобрачная превосходит своей красотой кекропских — афинских (ст. 88), спартанских (90—91) и беотийских (92—93) дев.

Ст. 90. Град — Спарта, гор. в Пелопоннесе, в Греции.

Ст. 92. Аония — Беотия, область Греции.

Ст. 93. Алфей — река в Беотии.

Ст. 92. Разумеется Язону, сыну Эзона.

Ст. 93 — 94. Вакх или Дионис — бог вина, рожденный Юпитером, мечущим молнии. Он ездил на колеснице, запряженной тиграми.

Ст. 97—98. Феб-Аполлон—бог прорицаний, дающий свои пророчества через жреца, сидящего на треном-

нике. Его сестра, богиня охоты Диана — девственница („суровая“).

Ст. 99—100. Боги — сыновья Юпитера; Поллукс—покровитель кулачных бойцов.

Ст. 105—121 по размеру сходны со ст. 68—87.

Ст. 108. Плеяды — созвездие.

Ст. 109. Феба — имя Луны, как богини.

Ст. 109. Чужим лучом — освещаемая светом Солнца.

Ст. 114. Дочери Фазиса — Медеи, рожденной у реки Фазиса в Колхиде.

Ст. 117. Эолии — вообще Греции.

Ст. 121. У греков на свадьбах дозволялось даже рабам затрагивать шутками господ.

Ст. 122—127. Гекзаметры. Схема: –́◡◡–́◡◡–́◡◡–́◡◡–́◡◡–́ –.

Ст. 122. Тирсоносца Лиэя. Лиэй, освобождающий от забот — бог вина Вакх; его жрицы, вакханки, носились с особыми жезлами, обвитыми плющом (тирсами); участники свадьбы называются здесь родом Вакха, так как Гименей — сын Вакха.

Ст. 125. Фесценнины — название римских колких шуточных стихов; здесь перенесение римского понятия в греческую обстановку.

Ст. 127. Разумеется Медея.

Ст. 135. Море и огонь. Медея сделала безопасным море, задержав погоню, и смирила огнедышащих быков.

Ст. 139. Брата, которого она могла бы так же растерзать.

Ст. 143. Варва́рским, т. е. всем прочим, не греческим народам.

Ст. 146. Украшение царства — золотое руно.

Ст. 147. Спутник — брат Апсирт.

Ст. 150—151. По прибытии с Язоном в Фессалию Медея, обещав дочерям Пелия, дяди Язона, волшебным образом омолодить их отца, обманула их; когда дочери, по ее совету, изрезали на куски своего отца и бросили их в котел, она коварно предала город аргонавтам.

Ст. 158—168. Медея любит Язона и, успокаивая себя, сваливает всю вину на Креонта.

Ст. 169. Малея — мыс на юге Пелопоннеса.

Ст. 184. Стоический тезис.

Ст. 194. Медея намекает на витязей, рожденных из земли от посеянных Язоном в Колхиде зубов дракона. При помощи волшебства Медеи Язон победил этих гигантов.

Ст. 197. Перед нами не слабая обиженная женщина, а титанический образ Медеи, который скоро раскроется во всю ширь.

Ст. 205—206. Стоический тезис (см. вступительную статью).

Ст. 208. Пелазгов — греков.

Ст. 216. Зять — Язон.

Ст. 234. Креонт рисуется тираном в противоположность стоическому идеалу „справедливого царя“ (см. вступительную статью).

Ст. 256. Скифский Понт — северное побережье Черного моря.

Ст. 257. Благодаря впадению многих рек с пресной водой.

Ст. 259. Термодонтовы брега — река Термодонт, впадающая в Черное море в пределах Скифии.

Ст. 266—267. Непрочность могущества и престола — стоический тезис

Ст. 267—272. Стоический идеал гуманного царя (см. вступительную статью).

Ст. 275. Ахейцев — греков.

Ст. 276—281. Медея указывает на то, что она спасла аргонавтов, среди которых был и мифический певец и музыкант Орфей, Кастор и Поллукс (см. ст. 99—100), сыны бога северного ветра Борея — герои Зет и Калаис (ст. 279), герой Линкей и другие минийцы (ст. 281), т. е. спутники Язона, названные по реке Минии в Фессалии.

Ст. 282. Вождь вождей — Язон.

Ст. 324. Медея Сенеки в разговоре с Креонтом выступает мужественной героиней, в противоположность Медее Эврипида.

Ст. 350. Непрочность царства — стоическая мысль (см. вступительную статью).

Ст. 363. Истм — Истмийский перешеек, где находился город Коринф.

Ст. 364. Феб — бог Солнца.

Ст. 366—444. Размер этих стихов — анапестический диметр с возможной заменой анапеста спондеем: ∪∪–́ ∪∪–́ ∪∪–́ ∪∪–́. По мифу, аргонавты считались первыми мореплавателями, дерзнувшими пуститься в открытое море. Хор считает, что за эту отвагу Язон и терпит несчастия от Медеи (ср. ст. 427).

Ст. 374—381. Стоицизм, возникший в IV в. до хр. эры в Греции, как идеология отталкивающихся от действительности упадочных классов, охотно усвоил представление о блаженном житье когда-то бывшего „золотого века“. Это представление было подхвачено и римскими стоиками с их презрением к богатству и городской культуре (см. еще в траг. „Федра“ и „Октавия“).

Ст. 383—386. Указываются главные созвездия северного неба.

Ст. 386—387. То есть, не плавая по морю, не нуждались в дуновении попутных ветров: северного — Борея и западного — Зефира.

Ст. 405—406. Так наз. Симплегады — две сталкивающиеся и снова расходящиеся скалы у входа в Черное море, в Босфор; между ними благополучно прошел корабль Арго.

Ст. 413. Певучий корабль Арго был сделан из Додонского дуба, с которого раздавались (пелись) предсказания.

Ст. 414—418. Разумеется Сцилла, см. ст. 483—484.

Ст. 419. Авзонийских — Италийских.

Ст. 429. Нарушая мифологическую иллюзию, автор характеризует технический уровень своей эпохи.

Ст. 431. Палладиных — богини Афины-Паллады.

Ст. 444. Какой-то известный римлянам остров в Северноледовитом океане.

Ст. 447. Менада — жрица бога вина Вакха, вакханка;

она исполнена божественного вдохновения („богом одержимая“).

Ст. 449. Пинд — гора в Фессалии, где совершались оргии Вакху.

Ст. 449. Ниса — одна из вершин Парнасских гор в Греции.

Ст. 452 — 463. Яркое изображение действия сильной страсти гнева отвечало поучительной цели всей трагедии (см. вступительную статью).

Ст. 479. Сухие. Никогда не заходящие за горизонт созвездия Большой и Малой Медведиц, по представлению античных народов, „не омываются в океане“.

Ст. 483—484. Сцилла с Харибдой — две скалы сицилийского мыса Пелора, замыкающего Мессинский пролив. В мифологии представлялись ужасными чудовищами, проглатывающими корабли.

Ст. 485. Гора Этна в Сицилии придавила титана Энкелада.

Ст. 488. Кор — северо-западный ветер.

Ст. 492—499. Колебания Медеи под влиянием любви к Язону.

Ст. 500—501. Характерная для стиля господствующего класса антитетическая неуместная сентенция (см. вступительную статью).

Ст. 548. Симплегады — см. прим. к ст. 405—406.

Ст. 549. Иолк — город в Фессалии, откуда выехали аргонавты, родина Язона.

Ст. 550 — 551. Заперла — открыла — неуместная игра в антитезу, любовь к изысканной форме в стиле господствующего класса.

Ст. 563. Намек на рожденных из зубов дракона броненосных витязей (565—567).

Ст. 569. Барана Фрикса — золотое руно барана, принесенного в жертву Фриксом, бежавшим в Колхиду.

Ст. 616—617. Стоическое отношение к самоубийству (см. вступительную статью).

Ст. 624. Отрасль Фебову — дети Медеи потомки Солнца, отца Эета.

Ст. 625. Отродье Сизифа — невеста Язона Креуза, дочь Сизифа, за свои преступления мучающегося в подземном царстве.

Ст. 637. Акаст — сын Пелия; после смерти последнего от руки Медеи Акаст изгнал Язона из Фессалии.

Ст. 693 — 694. Изысканная сентенция: для нее ничто не покажется преступлением.

Ст. 713 — 804. Хор написан строфами, состоящими из так называемых сапфических стихов (–́ ∪ – ∪ –́ ∪∪ –́ ∪ –́ ∪), заключаемых адонисовским стихом (–́ ∪∪ –́ ∪).

Ст. 713 — 728. Хор сравнивает гнев отверженной жены с разными силами природы. См. ранее такие же сравнения для более яркого представления грандиозности аффекта в ст. 483 — 485.

Ст. 717. Австр — южный ветер.

Ст. 718. Гистр — река Дунай.

Ст. 724. Гем — река во Фракии на Балканском полуострове.

Ст. 741 — 804. Хор боится за Язона, так как все другие аргонавты понесли наказание за посягательство на пучину морскую; в основе стоическая мораль: рискованно нарушать законы природы (ст. 737 — 740).

Ст. 730. Покоривший море — Язон.

Ст. 731. Царь — бог Нептун.

Ст. 733 — 736. Пример сына Солнца Фаэтона, сгоревшего на огненной колеснице отца.

Ст. 742. Пелион — гора в Фессалии, покрытая лесом, из которого строился корабль Арго.

Ст. 744. Утесы—Симплегады (см. прим. к ст. 405—406).

Ст. 751 — 802. Описание разнообразной гибели аргонавтов.

Ст. 757. Авлида — гавань острова Эвбеи в Греции, где царем был Тифис. Намек на то, что в этой гавани были задержаны греческие корабли, плывшие под Трою.

Ст. 759. Сын музы Каллиопы, певец Орфей, растерзанный фракийскими женщинами.

Ст. 765. Гебр — река во Фракии, куда была брошена голова Орфея.

Ст. 766. Стикс — река в подземном царстве, Тартаре.

Ст. 768. Зет и Калиас — дети северного ветра Аквилона.

Ст. 768. Алкид — прозвище мифического силача Геркулеса.

Ст. 769. Сын Нептуна — Периклимен, принимавший разные образы.

Ст. 771. Сам же он — Алкид, Геркулес.

Ст. 781. Нежный отрок — мальчик, любимец Геркулеса.

Ст. 787. Ливийских — африканских.

Ст. 791. Муж Фетиды — Пелий, отец греческого героя Ахилла.

Ст. 793. Оилеев сын — греческий герой Аякс.

Ст. 811—1003. Идет длиннейшее, полное мифологизма, детальное описание чар и волшебства Медеи; оно отражает интерес ко всему сверхъестественному и таинственному среди господствовавшего класса в Риме той эпохи. Его нет в трагедии Эврипида.

Ст. 888—899. Размер: усеченный трохеический восьмистопник: _́◡_́◡_́◡_́◡_́◡_́◡_́◡_.

Ст. 892. Иксион в подземном царстве был привязан к вертящемуся колесу.

Ст. 893. Тантал в подземном царстве мучился жаждой и голодом, он не мог напиться воды и достать свисающих плодов; см. „Тиэст" ст. 177—199.

Ст. 894. Сизиф был обречен в подземном царстве постоянно вкатывать на гору тяжелый камень, который снова скатывался вниз.

Ст. 895—896. Данаиды — дочери Даная были обречены в подземном царстве лить воду в бездонные урны.

Ст. 898—899. Звезда — трехликая Геката, отождествляемая с луной (см. ст. 9).

Ст. 910. Церера — богиня плодородия.

Ст. 920 — 935. Ямбические дистихи: шестистопный ◡_́◡_́◡_́◡_́◡_́◡_́ и четырехстопный ямб ◡_́◡_́◡_́◡_́.

Ст. 936—994. Анапестические диметры ◡◡—́◡◡—́◡◡—́◡◡—́, прерываемые монометрами ◡◡—́◡◡—́.

Ст. 1003—1032. Три строфы: ямбические диметры усеченные (◡—́◡—́◡—́◡), заключаемые ямбическим трехстопником (◡—́◡—́◡—́).

Ст. 1018. Ганг — река в Индии.

Ст. 1020—1021. Медея в плену страстей — см. вступительную статью.

Ст. 1031. Геспер — вечерняя звезда.

Ст. 1047. Пелопова края — из Греции.

Ст. 1052. Гнев Медеи ищет нового преступления.

Ст. 1124. Эринния — богиня мести.

Ст. 1127. Танталида — дочь Тантала, Ниоба (ср. известную скульптурную группу „Ниоба с детьми").

Ст. 1132. Фурии — чудовища гнева и мести.

Ст. 1137. Мегера — мифологическое чудовище, одна из фурий в подземном царстве.

Ст. 1147. У Эврипида Медея убивает детей за сценой (см. вступительную статью).

Ст. 1176. Свидетеля — Язона.

Ст. 1209. Убийство сына на глазах отца довершает градацию злодейств Медеи.

Ст. 1214—1216. Медея улетает на колеснице, запряженной змеями.

ФЕДРА

Ст 1—85. Анапестические диметры (◡◡—́◡◡—́◡◡—́◡◡—́), прерываемые анапестическими монометрами (◡◡—́◡◡—́).

Ипполит призывает своих друзей-охотников на охоту.

Ст. 2. Кекроповых гор — горы в окрестности Афин; Кекроп — основатель Афин.

Ипполит рассылает своих друзей в разные местечки и к разным горам Аттики — области, где находился город Афины.

Ст. 17. Матери — самки зверей ищут корма для своих детенышей.

Ст. 21. Область около горы Гиметы славилась медом.

Ст. 31. Молоссов — молосские псы, отличавшиеся своей силой.

Ст. 46—47. Разумеется пугало из разноцветных перьев.

Ст. 54–82. Обращение к богине охоты — Диане.

Ст. 59. Аракс — река в Армении.

Ст. 60. Истр — река Дунай.

Ст. 61. Гетулийских — африканских, Гетулия — страна в Африке.

Ст. 69. Гараманты — народ в Африке.

Ст. 70. Пирены хребты — Пиренейские горы.

Ст. 71. Гирканских — от Гиркании, страны около Каспийского моря близ Кавказа.

Ст. 96. Любовника — Перифоя, с которым Тезей спустился в подземное царство, чтобы помочь ему похитить жену подземного царя Прозерпину.

Ст. 101. Ахеронт — река в подземном царстве; здесь вместо всей преисподней.

Ст 109–113. У Федры нет охоты принимать участие в Элевзинских мистериях в честь богини-владычицы земли Деметры.

Ст. 117—123. Мать Федры Пасифая воспылала страстью к быку и родила Минотавра, получеловека-полубыка.

Ст. 125. Дедал — афинский зодчий, построивший лабиринт на острове Крите, где был помещен Минотавр.

Ст. 125. Федра Сенеки с самого начала выводится охваченной пламенем страсти, не скрывающей своих чувств, в отличие от Федры Эврипида.

Ст. 129—132. Солнце — отец Пасифаи, матери Федры. Оно обнаружило перед мужем Венеры Вулканом любовную связь Венеры с богом Марсом. Вулкан опутал любовников железными сетями и в таком виде доставил их на Олимп.

Ст. 134. Минос — критский царь, отец Федры.

Ст. 145—147. Эти слова могли иметь актуальное значение: в них мог скрываться намек на императора (см. вступительную статью).

Ст. 149. Близкая свобода — т. е. смерть; стоический тезис: смерть есть освобождение духа от оков тела (о социальной значимости этого тезиса см. вступительную статью).

Ст. 160. Муж Федры Тезей в это время находится в преисподней.

Ст. 162. Летейскою пучиной: Лета — река забвения в подземном царстве.

Ст. 163. Об отце — Миносе.

Ст. 168. О деде — Солнце.

Ст. 191. Брат Федры Минотавр, рожденный ее матерью и быком, убитый Тезеем.

Ст. 197—201. Яркое изображение действия сильной страсти.

Ст. 204. Крылатый бог — Купидон, сын Венеры, бог любовной страсти.

Ст. 207—209. Бог Вулкан.

Ст. 218. Эрицина — прозвание Венеры от посвященной ей горы Эрика в Сицилии.

Ст. 223 — 236. Стоическая тирада, рассчитанная на назидание людей богатых, изображающая черты класса Сенеки и главным образом императоров; ср. ст. 234—235 — „особенно цари стремятся к беззаконному".

Ст. 243. Дит — прозвище подземного бога Плутона.

Ст. 244. Стигийский пес — Цербер — трехголовый страж в преисподней.

Ст. 248. Антиопа — амазонка, мать Ипполита, жена Тезея, убитая им.

Ст. 251. Сына — Ипполита.

Ст. 269. Сестре — Ариадне, которая помогла Тезею победить Минотавра и выйти из лабиринта.

Ст. 274. Одна из многочисленных сентенций-афоризмов, употребляемых Сенекой для заключительного эффекта в стиле господствующего класса (см. вступительную статью).

Ст. 287. Палладина Кремля — с афинского Акрополя, посвященного Афине-Палладе.

*

Ст. 303—387. Хор воспевает силу и могущество бога любви и олицетворяемой им любовной страсти, приводя ряд мифологических примеров.

Ст. 303—352. Сапфические стихи: –́∪–́∪–́∪∪–́∪–́∪.

Ст. 354—387. Анапестические диметры: ∪∪–́∪∪–́ ∪∪–́∪∪–́, прерываемые анапестическими монометрами ∪∪–́∪∪–́.

Ст. 304. Двойных Купидонов — бог божеской и бог человеческой любви — два сына Венеры: Эрос и Антэрос.

Ст. 325—327. Бог Аполлон пас стада у Адмета, в дочь которого был влюблен.

Ст. 328—337. Юпитер обольстил Леду, обратившись в лебедя, и похитил Европу, обратившись в быка и проплыв со своей добычей по морю.

Ст. 346—353. Сын Алкмены силач Геркулес, влюбленный в лидийскую царицу Омфалу, занимался пряжей и вел изнеженную жизнь в ее доме (ст. 354—359).

Ст. 366. Нереиды — дочери морского бога Нерея, морские нимфы.

Ст. 373. Пунийский — африканский.

Ст. 382. Луканские быки — так римляне называли слонов, которых они впервые увидали в области Италии Лукании.

Ст. 405. Дары Цереры — хлеб и вообще пища.

Ст. 419. Багрянец Тира — финикийский город Тир славился красными тканями.

Ст. 420. Серы — народ Индии.

Ст. 439. Царица рощ — богиня Диана.

Ст. 459—460. Намек на любовь Дианы-Луны к пастуху Эндимиону.

Ст. 469—470. Афоризм, возможно, созданный опытом Сенеки. О любви к сентенциям см. вступительную статью.

Ст. 531—575. Стоическая проповедь жизни на лоне природы, протест против полной преступлений и тревог городской жизни.

Ст. 534—550. Сенека указывает отрицательные явления своего времени и своего класса и отрицательные след-

ствия развития торгового и денежного капитала (см. вступительную статью).

Ст. 575. Усвоенное стоицизмом в его отрыве от действительности описание „золотого века“ и постепенной его порчи.

Ст. 618. М е д е я — см. трагедию Сенеки „Медея“.

Ст. 625. С и р т — песчаная мель у северных берегов Африки.

Ст. 627. Г е с п е р и й с к а я Т е ф и д а — море около Испании.

Ст. 663—740. Можно заметить известную градацию в раскрытии страсти Федры, пока, наконец, Ипполит не понял ее признание.

Ст. 679. П и н д о в ы в е р ш и н ы — Пинд, гора в Фессалии, где совершались оргии Вакха.

Ст. 690. С т и к с а ц а р ь — Плутон, царь преисподней (ст. 694).

Ст. 717. Г н о с и й с к о г о ч у д о в и щ а — критского чудовища Минотавра (Гнос — город на острове Крите. См. ст. 117—123; 125).

Ст. 718. Тезей вышел из критского лабиринта при помощи нити сестры Федры Ариадны (см. ст. 731).

Ст. 722. Ф е б а — Луна.

Ст. 732. Сестра Федры Ариадна была обращена в созвездие (созвездие Ариадны).

Ст. 734. Антитетическая неуместная сентенция в стиле господствующего класса (см. ст. 500—501).

Ст. 748. Т и т а н — солнце.

Ст. 763. Разумеется Минотавр (см. ст. 717).

Ст. 768. М а ч е х и к о л х и д с к о й — Медеи.

Ст. 792. Т а н а и с — река Дон.

Ст. 793. М е о т и д а — Азовское море.

Ст. 817—833. Две сапфические строфы (ср. ст. 303—352), первая: ст. 817—821; вторая — ст. 822—833.

Ст. 834—901. Малые асклепиадовские стихи: –́ ∪ –́ ∪ ∪ –́ –́ ∪ ∪ –́ ∪,

Ст. 817—901. Хор прославляет красоту и силу Ипполита.

Ст. 818. Кор — северо-западный ветер.

Ст. 834. Либер — прозвище бога вина Вакха.

Ст. 841. Бромий — прозвище Вакха — Диониса. Ариадна предпочла Тезея Дионису.

Ст. 860. Наяды — морские нимфы.

Ст. 862. Дриады — лесные нимфы.

Ст. 863. Паны — боги, покровители стад, особенно почитались в Аркадии, родине пастухов.

Ст. 876. Парос — остров в Эгейском море, известный своим мрамором.

Ст. 888. Кастор и его брат Поллукс — близнецы, сыновья Юпитера.

Ст. 890. Пальцами первыми — большим, указательным и средним пальцами.

Ст. 916—920. Тезей отсутствовал четыре года.

Ст. 917. Созвездие Весов — знак равноденствия.

Ст. 922. Алкид — Геркулес.

Ст. 923. Пса — трехглавого Цербера, стража преисподней.

Ст. 987. Актейского — афинского.

Ст. 994. Тавр — горный хребет в Азии; Фазис — река в Колхиде.

Ст. 1026. Борей — северный ветер.

Ст. 1032. Родитель — морской бог Нептун.

Ст. 1039. Последнего дара — это последнее из трех желаний, исполнить которое обещал Тезею Нептун; первые два уже исполнились.

Ст. 1051—1078. Анапестические диметры (◡◡—́◡◡—́ ◡◡—́◡◡—́.

Ст. 1077. Анапестический монометр (◡◡—́◡◡—́). Хор жалуется на царя богов Юпитера, что он бросил людей; всем владеет несправедливая Судьба — стоическая теза (см. вступительную статью).

Ст. 1071. Обычные выпады против царей, под которыми разумелся император.

Ст. 1072—1074. Фаски — связки прутьев, с которыми шли ликторы перед консулами в знак консульской власти. И на этот раз Сенека переносится в свою современность.

Ст. 1081—1090. Ужас вестника увеличивает кошмарность того события, о котором он рассказывает (см. вступительную статью).

Ст. 1104. Австр — южный ветер.

Ст. 1108. Левкатский мыс в Акарнании, западной области Греции.

Ст. 1114. Циклада — остров Эгейского моря.

Ст. 1160. Быков — намек на победу Тезея над Минотавром.

Ст. 1188. Фаэтон — сын Солнца, который попробовал поехать на его колеснице по небу.

Ст. 1196—1207. Детализация для усиления яркости картины в стиле господствующего класса (см. вступительную статью).

Ст. 1226—1251. Стоическая идея о непрочности всего выдающегося.

Ст. 1226—1230. Анапестические диметры; ст. 1231—1234—строфа, состоящая из двух асклепиадовских стихов (—́ ⏑ —́ ⏑ ⏑ —́ —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ —́), усеченного Гликонея (—́ ⏑ —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ —) и усеченного ферекратовского стиха —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑ —).

Ст. 1235—1251. Анапестические диметры, прерываемые монометрами.

Ст. 1252—1256. Сапфические стихи —́ ⏑ —́ ⏑ —́ ⏑ ⏑ —́ ⏑

Ст. 1232. Эвр — восточный ветер.

Ст. 1232. Нот — южный ветер.

Ст. 1239. Кибела — мать богов, почиталась во Фригии, в Малой Азии.

Ст. 1250. Авернское озеро — близ Неаполя, где римляне предполагали вход в подземное царство. Здесь римский миф перемешивается с греческим.

Ст. 1255. Дяде — подземному богу Плутону, который был братом отца Афины Юпитера.

Ст. 1266. Тефида — жена Океана.

Ст. 1271. Отец и сын: сын — Ипполит, отец—Эгей. Тезей обещал отцу при возвращении с Крита и после сражения с Минотавром выставить в случае победы вместо черных белые паруса, но позабыл это сделать. Эгей, увидев черные паруса и решив, что сын погиб, бросился в море.

Ст. 1275. Прокруст — разбойник, убитый Тезеем; он клал людей на ложе: если человек был короче этого ложа, он вытягивал тело; если длиннее — отрубал лишнюю часть (отсюда выражение „Прокрустово ложе").

Ст. 1275. Синис — разбойник, разрывавший людей, привязывая их к наклоненным вершинам деревьев.

Ст. 1277. Двухвидный бык — Минотавр.

Ст. 1316—1328. Трохеические восьмистопники, усеченные (–́∪–́∪–́∪–́∪–́∪–́∪–́∪–).

Ст. 1316. Тенаровы пещеры, где, по греческому мифу, был вход в подземное царство. Здесь соединение греческого мифа с римским (Аверн — см. ст. 1250).

Ст. 1320. Протей — сын Океана; он пас морские чудовища в океане.

Ст. 1327—1328. Звезды, волны, мир загробный. Тезей осквернил всю поднебесную: землю, убив Ипполита, море — убив своего отца, и преисподнюю — своим сошествием туда с Перифоем.

Ст. 1335. Алкид — Геркулес вернул Тезея из преисподней.

Ст. 1342. Скалы Скиронийские — в Аттике, в Греции.

Ст. 1344. Флегетон — огненная река в преисподней.

Ст. 1348. Сын Эола — Сизиф, см. „Медея", ст. 984.

Ст. 1350. Намек на мучения Тантала (см. „Тиэст", ст. 177—200).

Ст. 1351. Титий — в подземном царстве коршуны клевали его печень, которая выростала вновь.

Ст. 1353. Родитель друга Перифоя — Иксион (см. „Медея", ст. 982).

Ст. 1367—1408. В отличие от трагедии Эврипида, у которого Ипполит умирает на сцене. Этим увеличивается ужас трагедии.

Ст. 1402. Вновь и вновь, т. е. по мере нахождения новых кусков тела — сентенция (см. вступительную статью).

Ст. 1406. Мопсопия — название Аттики.

ЭДИП

Ст. 1. Титан — Солнце.

Ст. 6—12. Непрочность царской власти — частое стоическое утверждение в трагедиях, повторяемое Сенекой в утешение своему классу с намеком на деспотию Нерона; см. ст. 759—762.

Ст. 13—14. Т. е. из Коринфа, где царствовал усыновивший Эдипа Полиб, которого Эдип считал родным отцом.

Ст. 23. С матерью моей — т. е. Иокастой, женой Эдипа, который не знал, что она ему мать.

Ст. 33. Кадм — родоначальник фиванцев, основатель города Фив.

Ст. 47. Льва Немеи — по мифу немейский лев, убитый Гераклом, был превращен в знак Зодиака.

Ст. 49. Диркейский ключ — Исмен; Диркея и Исмен — реки в Беотии, где были Фивы (см. и ст. 198).

Ст. 51. Диана — Луна (см. трехликая Геката — „Медея“, ст. 9).

Ст. 73. Одна из изысканных, не вполне уместных сентенций в этом описании, которыми щеголял в стиле своего класса Сенека (ср. ст. 64, 75—76, 83 и др., см. вступительную статью).

Ст. 109—122. Эдип по прибытии из Коринфа освободил Фивы от Сфинкса. Это было чудовище с туловищем собаки и лицом девицы, с ногами льва и с птичьими крыльями. Оно сидело на утесе около города и предлагало проходящим разрешить загадку; кто не отгадывал, того Сфинкс убивал (ср. ст. 112 — „от земли, белеющей костями“). Эдип разгадал загадку, после чего Сфинкс бросился с утеса в море.

Ст. 131—174. Сапфические строфы, состоящие из ряда сапфических стихов (–́∪–́∪–́∪∪–́∪–́∪), заключаемых адонисовским стихом (–́∪∪–́∪).

Ст. 175—221. Анапестические диметры (⏑⏑–́⏑⏑–́ ⏑⏑–́⏑⏑–́). прерываемые анапестическими монометрами (⏑⏑–́⏑⏑–́).

Хор оплакивает гибнущее от чумы племя Кадма и описывает эту страшную болезнь.

Ст. 134—137. Бог вина Вакх, сын Зевса и Семелы, дочери Кадма, собрал войско из фиванцев и пошел с ними покорять Индию.

Ст. 136. Поля зари — колыбель мира — так называется Восток, Азия.

Ст. 138—139. Счастливая Аравия — родина благоуханий.

Ст. 178. Полная Вакхом лоза — т. е. лоза винограда, которая обратится в вино.

Ст. 181. Эреб — подземное царство.

Ст. 182. Толпа преисподних сестер — разумеются фурии.

Ст. 184. Волны Сидонские — т. е. Фиванские реки; основатель Фив Кадм был родом из Сидона.

Ст. 188. Старик-перевозчик — Харон, перевозчик теней умерших через подземную реку.

Ст. 193. Пес — адский пес Цербер.

Ст. 200. Амфионовы, т. е. фиванские, — стены строились под звуки волшебной лиры царя Амфиона.

Ст. 192—200. Описание, рассчитанное на вкусы высших классов ко всему необычайному, таинственному (см. вступительную статью.)

Ст. 240. Намек на решение загадки Сфинкса (см. ст. 109—122).

Ст. 247—258. Трохеические восьмистопники, усеченные –́⏑–́⏑–́⏑–́⏑–́⏑–́⏑–́⏑–, ускоренный ритм хорошо передает волнение Креонта.

Ст. 253. С двух вершин Парнаса: Парнас — гора в Фокиде, одна из вершин была посвящена Аполлону, другая — Дионису.

Ст. 255. Касталийский ключ — у подножия Парнаса.

Ст. 257. Прорицательница — дева Пифия, жрица Аполлона.

Ст. 259 — 264. Дельфийский оракул всегда облекал свои ответы в форму дактилического гекзаметра (–́◡◡ –́◡◡ –́◡◡ –́◡◡ –́◡◡ –́–).

Ст. 278—286. Эдип обращается к Юпитеру (278), Аполлону (Солнцу) (279—281), Диане (Луне) (282—283), Нептуну (284—285) и Плутону (286).

Ст. 301. Жрицы Киррской — Пифии от гор. Кирры в Фокиде, где был храм Аполлона.

Ст. 304. Меропа—жена Полиба, усыновившего Эдипа.

Ст. 309. Рощи Касталийские — в Фокиде.

Ст. 310. Лаий направлялся в Дельфы.

Ст. 313. Любезной Вакху — Фокида славилась виноградом.

Ст. 316. Сизифова земля — разумеется Коринф, основанный Сизифом.

Ст. 317. Олен — город в Этолии (Греция).

Ст. 320. Илисс — река в Аттике.

Ст. 342—438. Гаданий по жертвенным животным нет у Софокла; о любви Сенеки ко всему таинственному, в духе его класса, см. вступительную статью.

Ст. 355. Ирида — олицетворение радуги.

Ст. 402. Две головы — указание на войну братьев — сыновей Эдипа, Этеокла и Полиника, как и в ст. 362: „на-двое рассыпалась зола“.

Ст. 406. Напрягла семь жил — указание на то, что семь вождей будут осаждать Фивы под предводительством Полиника.

Ст. 413—414. Нет законов чрева — указание на кровосмешение Эдипа и его матери (ср. ст. 415—420).

Ст. 440. Он, т. е. Лаий.

Ст. 452—453; 479—487; 494—497; 517—521; 556—561 — дактилические гекзаметры; ст. 454—478; 498—516; 529—555 — разнообразные сложные размеры (усеченные гликоновские, ферекратовские стихи и др.).

Ст. 453. Нисейские тирсы — в Нисе в Аравии Вакх был воспитан нимфами; тирсы — жезлы, обвитые плющом.

Ст. 468. Мачехи гневной кроясь — Вакх был рожден от Зевса Семелой и укрывался от гнева жены Зевса Юноны.

Ст. 479. Силен — воспитатель Вакха, сатир — старик с козлиными ногами.

Ст. 481. Мисты — участники тайных оргий Вакха.

Ст. 482—492. Анапестические диметры.

Ст. 482. Бассариды — вакханки.

Ст. 485. Якх — имя Вакха.

Ст. 485. Кадмейская мать — Агава, мать фиванского царя Пенфея, который боролся с Вакхом и за это был растерзан вакханками во главе с Агавой, в своем неистовстве не узнавшей сына (см. ст. 485—493).

Ст. 493. Анапестический монометр.

Ст. 509—516. Пираты, везшие на корабле Вакха, превращаются в дельфинов.

Ст. 520. Массагеты — народ в Скифии.

Ст. 521. Царство Ликурга — Фракия; царь Ликург был жестоко наказан за сопротивление Вакху.

Ст. 522—528. Анапестические диметры, прерываемые монометрами (526—527).

Ст. 525. Меотида — Каспийское море.

Ст. 529. Гелоны — сарматский народ.

Ст. 530. Дев жестоких — амазонок.

Ст. 532. Термодонтовы толпы: Термодонт — река в Скифии, где жили амазонки.

Ст 533. Менады — вакханки.

Ст. 537. Дщери Прета. Дочери аргосского царя Прета считали себя красивее богини Юноны и не почитали Вакха. Тогда бог сделал так, что они вообразили себя коровами и разбежались по лесам. В благодарность за это Юнона примирилась с Вакхом (см. ст. 468).

Ст. 541. Девушку — Ариадну, покинутую Тезеем на острове Наксосе.

Ст. 549—555. На небе состоялась свадьба Вакха и Ариадны.

Ст. 561. Лиэй — Вакх.

Ст. 587—740. Вызова теней умерших и тени Лайя нет в трагедии Софокла; весь этот рассказ о таинственном обряде во вкусе класса Сенеки,

Ст. 609. Мрачная растительность гармонирует с таинственным обрядом. Описание во вкусе класса Сенеки (см. вступительную статью); ср. „в уборе страшном" (615) „тис могильный" (617).

Ст. 622. Царь теней — Плутон; страж — Цербер.

Ст. 634. Толпа Гекаты — собаки, которых приносили в жертву этой богине.

Ст. 670. Эрик — гора в Сицилии.

Ст. 671. Гибла — гора там же.

Ст. 675. Стримон — река между Македонией и Фракией.

Ст. 681. Зет — сын Зевса и Антиопы, привязавший к хвосту быка Дирку.

Ст. 685. Ниоба — она гордилась своими детьми перед богиней Латоной; за это дети Латоны — Аполлон и Диана — поразили Ниобу и ее детей стрелами, после чего те обратились в камень.

Ст. 744. Полиб — см. Содержание.

Ст. 775—783. Приблизительно то же нашел Сенека у Софокла, но вместе с тем это может быть указанием и на положение самого Сенеки и на то влияние, которое он имел при дворе Нерона.

Ст. 805—835. Разнообразные сложные размеры (гликоновские, ферекратовские и др. стихи).

Хор объясняет все бедствия роком, тяготеющим издавна над Фивами. О социальной основе фатализма см. вступительную статью.

Ст. 807. Эдип и Лаий — потомки Лабдака.

Ст. 809— 822. Кадм, сын финикийского царя Агенора, был послан отцом искать свою сестру Европу, похищенную Юпитером под видом быка. Кадм причалил к Фокиде, к подножию Парнаса, где течет Кастальский источник.

Ст. 822. Имя проклятое — Беотия от греч. слова bus — корова.

Ст. 825—848. Кадм убил змея, посвященного Марсу, и посеял его зубы, из которых родились воины.

Ст. 849—861. Хор вспоминает охотника Актеона, который за то, что увидел купающуюся Диану, был обращен

последней в оленя и растерзан своими собственными собаками.

Ст. 921. Имя Эдип Сенека выводит по Эврипиду от греч. глагола oidán — пухнуть и póde — ноги.

Ст. 1008—1040. Сложные размеры — гликоновские и ферекратовские стихи в соединении с трохеическими диметрами усеченными (–́ ◡ –́ ◡ –́ ◡ –). Стоическая проповедь соблюдения меры и срединной дороги. Отрицательный пример — полет Икара.

Ст. 1116—1133. Хор в духе стоицизма все объясняет судьбой. О социальных корнях этого воззрения см. вступительную статью.

Ст. 1020. Дерзкий отрок — Икар, сын афинского архитектора Дедала, построившего лабиринт на о. Крите. Чтоб убежать из Крита, Дедал изобрел для себя и для сына крылья и полетел по воздуху. Икар не послушался приказа отца не приближаться к солнцу. Жар солнца растопил воск, скреплявший крылья, и Икар упал в Эгейское море, названное по его имени Икаровым (см. ст. 1018—1034).

Ст. 1065—1091. В отличие от Эсхила, у Сенеки целый монолог Эдипа; о психологизме см. вступительную статью.

Ст. 1084. Изысканная фраза, остроумно схватывающая ситуацию.

Ст. 1120. Лахеса — одна из трех парок, прядущих нить жизни.

Ст. 1149 — 1186. Введенная Сенекой, в отличие от Софокла, последняя сцена встречи Иокасты с ее слепым сыном Эдипом и самоубийство Иокасты на глазах зрителей — все это еще ярче выдвигает ужас сожительства сына с матерью, может быть, с намеком на Нерона и Агриппину.

ТИЭСТ

Выступление тени Тантала и Фурии увеличивает кошмарность предстоящего преступления.

Ст. 16. Суровый судья — Минос, бывший царь Крита, судья подземного царства (ст. 26).

Ст. 28. Пенаты — боги домашнего очага или очага города.

Ст. 44. Непрочность царей и царств — стоический тезис, частый в трагедиях.

Ст. 72. Фракийское нечестье — жена фракийского царя Терея Прокна убила своего сына и угостила его мясом своего мужа (ср. ст. 320—321).

Ст. 72—78, 81. Фурия предвещает будущее — преступления Атрея.

Ст. 78. Трапеза не новая—Тантал, по мифу, убил своего сына Пелопса и подал его на трапезу богам (см. ст. 169—173).

Ст. 84. Ускользающих ветвей — Тантал разумеет свое наказание в преисподней; см. ст. 3.

Ст. 90. Флегетон — огненная река в преисподней.

Ст. 138. Лернейские болота в Арголиде, области Греции.

Ст. 139. Форонид — название реки Инаха в Арголиде, области Греции.

Ст. 141. Киферон — в Беотии, области Греции.

Ст. 143. Засухи древней — гор. Аргос в Арголиде в древние времена страдал засухой.

Ст. 146–199. Асклепиадовские стихи (–́ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –).
Хор перечисляет несчастия дома Тантала и просит богов отвратить их от этого дома.

Ст. 149. Тайгет — горный хребет в Пелопоннесе.

Ст. 151. Сарматских стран — вообще северных стран; сарматами назывались все народы, жившие к северу от Греции.

Ст. 156. Олимпийские игры — происходили в городе Пизе, на берегах Алфея.

Ст. 165—167. Миртил — по мифу, конюх Эномая, царя гор. Пизы; Эномай поставил условие, что он выдаст свою дочь Гипподамию за того, кто обгонит его в состязании на колеснице. Пелопс подкупил конюха Миртила, который испортил колесницу Эномая и этим дал победу Пелопсу. Последний вместо обещанной награды бросил Миртила в море, которое и получило название „Миртойское море“, у западного берега Пелопоннеса.

Ст. 169. *Ребенок* — сын Тантала Пелопс.

Ст. 178. *Финея птиц* — разумеются Гарпии, богини, представлявшиеся в виде чудовищных птиц с девичьими лицами, которые постоянно оскверняли и похищали пищу у царя Финея.

Ст. 200. Атрей выводится типичным тираном: это — не человек, а воплощенное злодейство; об актуальности этого персонажа в современной Сенеке обстановке см. вступительную статью.

Ст. 207. *Оба моря* — Ионийское и Эгейское.

Ст. 241—242. Критика поведения тирана с намеком на императорскую власть.

Ст. 243—249. Намек на показную лесть императору со стороны высшего класса и в особенности сената.

Ст. 250. Стоический идеал монарха.

Ст. 253—255. Все это — намеки на деспотизм императорской власти.

Ст. 262. *Символ священной власти* — разумеется золотой баран; см. Содержание и дальше ст. 266—278.

Ст. 290—291. Намек на тиранический принцип, который высказал император Тиберий.

Ст. 324. *Мать Давлийская* — так названа Прокна, угостившая Тезея мясом его сына в гор. Давлиде (см. ст. 72).

Ст. 347. *Ливийский Сирт* — море у берегов Африки, опасное для плавания.

Ст. 375—377. Возможно, намек на Нерона, воспитанника Сенеки; когда Нерон сделался императором, власть испортила его.

Ст. 406 — 472. Усеченные гликоновские стихи (–́ ◡ –́ ◡◡ –́ ◡ –́). Тема хора: кто истинный царь, — развивается идеал стоического мудреца (см. вступительную статью).

Ст. 407. *Инах* — первый царь Арголиды.

Ст. 425. *Таг* — река в Испании (теперь Таго); Сенека в этих стихах, очевидно, разумеет римскую современность.

Ст. 427. *Ливия* — Африка.

Ст. 439. *Даги* — скифское племя, жившее на восточном берегу Каспийского моря.

Ст. 438—452. Современные Сенеке римские отношения; указываются восточные народы, напиравшие на Рим (см. вступительную статью).

Ст. 475—476. Циклопов святые башни. Стены Микен, по мифу, были построены циклопами (ср. „Циклопические постройки“); циклопы — одноглазые великаны, сыновья морского бога Посейдона, обитавшие в Сицилии, на горе Этне.

Ст. 503. Жизнь в бедности отраднее, блеск престола обманчив — стоические утверждения в назидание высшему классу, не раз встречаемые в трагедиях (см. вступительную статью).

Ст. 523. Стоическая теза.

Ст. 527—560. Развитие стоического идеала счастья.

Ст. 537—538. Знаю по опыту. Эти слова могут относиться к самому Сенеке, если эта трагедия написана тогда, когда пошатнулось положение Сенеки при дворе.

Ст. 537, 544, 545—547, 552—555 изображают роскошь и причуды римских богачей,—Сенека бичует свой же класс.

Ст. 549—550. Намек на обожествление императоров и в особенности на императора Калигулу, который требовал, чтобы перед ним воскуряли фимиам, как перед Юпитером

Ст. 552. Римские богачи разводили на крышах своих домов искусственные сады и рощи.

Ст. 554. Озера разогретые. Намек на „золотой дом“ Нерона, в котором был огромный пруд наподобие моря. Нерон хотел построить огромный бассейн, куда стекались бы все теплые воды из местечка Байи.

Ст. 593. Умбрийский пес. Умбрия (в Италии) славилась охотничьими собаками.

Ст. 632—633. Афоризмы в конце речи для большего эффекта.

Ст. 638. Об актуальности для Рима вопроса о двоевластии (см. вступительную статью).

Ст. 651—727. Хор прославляет примирение и напоминает, особенно царям, об изменчивости судьбы. В подлиннике сапфические стихи: –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑; в переводе большею частью получается стих несколько иной формы: –́ ⏑ –́ ⏑ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑.

Ст. 683. Бруттий — область Италии.

Ст. 691. Лаэрт — отец Одиссея, царь острова Итаки.

Ст. 700. Циклады — острова Эгейского моря.

Ст. 703—711. Явный намек на римского императора (см. вступительную статью).

Ст. 712—719. Призыв к царям, под которыми опять разумелись римские императоры.

Ст. 721. Клото — одна из трех парок, ткущих нить жизни человека и обрывающих ее при его смерти.

Ст. 728—750. Предваряющий диалог „Вестника“ с хором вызывает интерес к рассказу и усиливает ужас преступления.

Ст. 734. Великих братьев — Кастора и Поллукса, известных своей дружбой.

Ст. 734—735. Меж двух морей — Эгейским и Ионийским.

Ст. 760. Очевидно, роща, находившаяся в обширном дворце Атрея (ср. рощи на крышах домов, см. ст. 552). Возможно, здесь Сенека имел в виду огромный дворец Нерона („Золотой дом“).

Ст. 789—791. Во вкусе своего класса Сенека подробно описывает ужасы этого места.

Ст. 841. Деда почитает — Тантала, в честь которого был назван его правнук.

Ст. 847—849. Картинная подробность, подчеркивающая ужас этого убийства — в стиле господствующего класса. Такая же жуткая подробность в ст. 868—869, 885—887, 905—906 и др.

Ст. 874—875. Можно заметить градацию в развертывании и описании преступления; цель — больший эффект рассказа.

Ст. 924—1014. Анапестические диметры (◡◡–́◡◡–́ ◡◡–́◡◡–́), прерываемые анапестическими монометрами (◡◡–́◡◡–́). С началом пира Тиэста внезапно наступила преждевременная ночь в ознаменование преступления. Хор выражает недоумение, ему кажется, что уже наступает конец мира.

Ст. 941. Гиганты подняли восстание против царя богов Зевса и были жестоко наказаны.

Ст. 942—943. Титий — один из гигантов.

Ст. 943. Изъязвленной груди — намек на исклеванную коршунами в преисподней печень Тития (см. „Федра“, ст. 1351).

Ст. 945. Тифей — один их гигантов, пораженный молнией Зевса и придавленный горой Этной.

Ст. 946. Титаны, по мифу, пытались взгромоздить фракийскую гору Оссу на гору Пелион и взобраться на небо, но были сброшены Зевсом.

Ст. 958. Аврора — богиня утренней зари.

Ст. 975. Брат — Феб, Солнце.

Ст. 977. Сонмы богов — звезды, которые стоиками отождествлялись с богами.

Ст. 977—1004. Идет растянутое перечисление гибели всех созвездий — знаков Зодиака.

Ст. 997. Не знавшие брызгов волны, т. е. не опускающиеся за горизонт.

Ст. 1002. Цинозура — Малая Медведица.

Ст. 1039—1040. В этих словах сказывается специфическая черта тиранической натуры Атрея, желающего наслаждаться мучениями своей жертвы. Сенека, намекая на императора Тиберия и, конечно, Нерона, не раз повторяет, что для тирана смерть — лишь конец наказания (ср. ст. 290).

Ст. 1040. Нарастанье скорби — в дальнейшем мы видим постепенный переход Тиэста от радости к скорби (о психологизме и градации см. вступительную статью).

Ст. 1055—1103. Анапестические диметры, ст. 1104— анапестический монометр.

Ст. 1189—1190. Изысканная сентенция (см. вступительную статью).

АГАМЕМНОН

Тень Тиэста. О Тиэсте см. трагедию „Тиэст“. В отличие от трагедии Эсхила, Сенека вводным монологом Тиэста придает бóльшую кошмарность предстоящему преступлению.

Ст. 7. Пелопова дома: Пелоп —дед Тиэста и Атрея.

*

Ст. 15—16. Разумеется Иксион (см. „Медея“, ст. 892).

Ст. 16—17. Разумеется Сизиф (см. „Медея“, ст. 984).

Ст. 18. Разумеется Титий (см. „Федра“, ст. 1351).

Ст. 19—21. Разумеется Тантал (см. „Тиэст“, ст. 176—199).

Ст. 24. Гноссийский судия — Минос, царь острова Крита (с городом Гноссом), сделанный судьей в подземном царстве.

Ст. 28—29. См. трагедию „Тиэст“.

Ст. 36. От кровосмешения Тиэста с дочерью родился Эгист.

Ст. 44. Агамемнон — сын Атрея; на нем совершается возмездие за Тиэста.

Ст. 64—113. Анапестические диметры, прерываемые анапестическими монометрами.

Хор поет о непрочности царства и всего высоко поставленного. Этот стоический тезис Сенека повторяет в трагедиях в назидание своему классу.

Ст. 74. Эвксинские — Эвксин, Черное море.

Ст. 77. Боот — созвездие вблизи Большой Медведицы.

Ст. 80—92. Все эти тирады несомненно намекают на императора Нерона и его дом.

Ст. 88. Беллона — богиня войны.

Ст. 108—113. Скромная жизнь счастливее — часто повторяемая стоическая теза.

Ст. 123. Сентенция в стиле господствующего класса.

Ст. 124—129. У Сенеки, в отличие от Эсхила, охваченная страстью Клитеместра сразу готова на всякие злодеяния.

Ст. 127—128. Дева — Медея, см. трагедию „Медея“.

Ст. 132. Сестра — Елена, бежавшая с Парисом из Спарты в Трою.

Ст. 134. Да́наев — греков.

Ст. 134. Леды племя; Леда — мать Клитеместры и Елены.

Ст. 138—139. Мысль заключается афористической сентенцией, как часто у Сенеки, для большего эффекта (см. вступительную статью).

Ст. 141. Клитеместра — жертва страсти, которая приводит ее к убийству мужа; о тенденции трагедии см. вступительную статью.

Ст. 172. А х и л л а з я т я — дочь Клитеместры и Агамемнона Ифигения была просватана Ахиллу. При отплытии из Авлидской гавани под Трою прорицатель Калхант объявил, что греки лишь тогда получат попутный ветер и смогут благополучно отплыть на войну, если Агамемнон принесет в жертву богам свою дочь Ифигению. Агамемнон согласился, но во время церемонии богиня Артемида подменила Ифигению ланью, перенесла ее в Тавриду и сделала своей жрицей (см. и дальше ст. 173—190).

Ст. 176. Т и н д а р и д а — дочь Тиндара, потомка Юпитера (ст. 177, „небесный отпрыск“).

Ст. 193. С т а р ц а Ф е б о в а — троянского жреца Хриза, дочь которого Хризеида была взята в плен и отдана в наложницы Агамемнону.

Ст. 207. Л и р н е с с и д а — разумеется Бризеида из города Лирнесса, которую при разрушении города взял к себе в жены Ахилл; Агамемнон отнял ее у Ахилла (ср. ст. 208—209 — „оторвать ее от груди мужа“).

Ст. 210. П р е л ю б о д е й с т в а м с т и т е л ь — троянская война разгорелась как месть за похищение Парисом жены спартанского царя Менелая Елены.

Ст. 212. П р о р о ч и ц а ф р и г и й с к а я, т. е. троянская—разумеется Кассандра, дочь троянского царя Приама.

Ст. 219. Д е в о ч к и-с и р о т ы — дочери Агамемнона: Электра и Хрисотемида.

Ст. 220. О р е с т — сын Агамемнона.

Ст. 231. П е р г а м с к у ю — троянскую.

Ст. 239—240. К с а н ф и С и м о и с — реки около Трои в Малой Азии.

Ст. 241. К и к н — союзник троян, убитый Ахиллом и превращенный в лебедя.

Ст. 242. Р е з — фракийский царь, союзник троян,

Ст. 243. А м а з о н к а — Пентесилея.

Ст, 288. Разумеется Кассандра.

Ст. 307—308. И эти слова сказаны с намеком на императора.

Ст. 312. Атрида — сына Атрея Менелая.

Ст. 346—348. Указание на преждевременную ночь, наступившую во время пира Тиэста (см. трагедию „Тиэст").

Ст. 354—451. Анапестические диметры, чередующиеся с монометрами. Хор прославляет богов: Аполлона (354—391); Юнону (392—411), Афину-Палладу (412—425), Диану (426—443) и Юпитера (444—451).

Ст. 468. Брат супруга — Менелай.

Ст. 469. Его жена — Елена.

Ст. 507. Сигей — река в Троаде, где был город Троя.

Ст. 518. Гектор — храбрый вождь троян, убитый Ахиллом.

Ст. 520—521. У алтаря Юпитера был убит Пирром троянский царь Приам.

Ст. 530. Ида — гора в Троаде.

Ст. 559. Набатейское царство — Аравия.

Ст. 593. Что значит рок. Фатализм был основным элементом стоической идеологии и служил утешением в несчастии. О социальном смысле фатализма см. вступительную статью.

Ст. 594. Пирр или Неоптолем — сын греческого героя Ахилла.

Ст. 595. Улисс или Одиссей — греческий герой в троянской войне.

Ст. 595. Аякс — сын Теламона, греческий герой, умертвивший себя в припадке безумия.

Ст. 616. Постоянные атрибуты Афины-Паллады.

Ст. 641. Сам — т. е. Юпитер.

Ст. 650. Кафарей — название горы на острове Эвбее у восточного берега Греции.

Ст. 656. С волнами Фрикса — разумеется Геллеспонт.

Ст. 657. Лемн или Лемнос — остров в Эгейском море; на нем женщины, оскорбленные своими мужьями, перебили их; ср. „известный злодеянием".

Ст. 658. Холкида — город на Эвбее (ср. ст. 650).

Ст. 660. Родитель Паламеда — Навплий; Паламед погиб от козней грека Улисса.

Ст. 686. Жрица Феба — пророчица Кассандра.

Ст. 687—759. Хор троянок воспевает сладость смерти как приюта от бед и проповедует самоубийство. Этот элемент стоицизма вполне отвечал пессимизму господствующего класса, настроение которого отражал Сенека. В ст. 711—759 хор троянок оплакивает крушение своего отечества — Трои.

Ст. 687—710. Малые асклепиадовские стихи (_́ ∪ _́ ∪ ∪ _́ _́ ∪ ∪ _́ ∪ _́).

Ст. 693. Адонисовский (_́ ∪ ∪ _́ —), ст. 698 — ферекратовский (_́ ∪ ∪ _́ ∪ _́ ∪).

Ст. 711—712. Дактилические гекзаметры.

Ст. 713—736. Сапфические стихи (_́ ∪ _́ ∪ _́ ∪ ∪ _́ ∪ _́ ∪).

Ст. 722 и 737. Ферекратовские стихи (_́ ∪ ∪ _́ ∪ _) (_́ ∪ _́ ∪ ∪ _́ ∪).

Ст. 738—759. Анапестические диметры, прерываемые монометрами.

Ст. 714. Первый раз Троя была разрушена Гераклом при царе Лаомедонте.

Ст. 715. Сын Фетиды — герой Ахилл; он же называется Пелид (ст. 716).

Ст. 717. Оружием заемным — Патрокл сражался в доспехах Ахилла.

Ст. 719. Ярясь от горя — по убитом Патрокле.

Ст. 740. Астианакс — сын Гектора и Андромахи.

Ст. 741. Невеста костра Гемонийского — разумеется дочь Приама Поликсена, которая впоследствии была принесена в жертву Ахиллом, вождем из Фессалии — Гемонии.

Ст. 749. Гекуба — жена Приама.

Ст. 756. Великий отец — Приам, см. ст. 594.

Ст. 766—795. Анапестические диметры.

Ст. 772—779. В соловья, по мифу, была превращена Прокна, жена фракийского царя Терея, которая угостила своего мужа плотью его собственного сына, о котором

она и плачет; ласточка — ее сестра Филомела, помогавшая Прокне в ее преступлении; она щебечет о грехе Терея, который ее обесчестил (см. „Тиэст“, ст. 72).

Ст. 783—788. Царь Цеикс и его жена Альциона были обращены после смерти в морских птиц; Альциона оплакивает Цеикса.

Ст. 789. Жрецы фригийской богини Кибелы; они были скопцами.

Ст. 793. По мифу, Аттис был жрецом Кибелы, но он нарушил верность богине, влюбившись в одну нимфу. Кибела убила эту нимфу; тогда Аттис бежал в горы и оскопил себя. В Малой Азии был культ Аттиса; праздновались его смерть и воскресение.

Ст. 804. Отец — Приам; сестра — Поликсена.

Ст. 809. Лаконка — Елена, которая вернулась к мужу Менелаю.

Ст. 811—816. Гекуба — жена Приама; перед рождением сына Париса видела во сне, что она беременна огненным факелом, который зажег Трою. Впоследствии, по мифу, Гекуба была превращена в собаку.

Ст. 826—827. Бог — Вакх; Менада — вакханка, жрица Аполлона

Ст. 835. Вещунье лживой: троянцы не верили ее предсказаниям, которые сбылись.

Ст. 841. Пастух — Парис.

Ст. 842. Чад прелюбодейства — разумеется Эгист.

Ст. 845. Неистовая женщина — Клитеместра.

Ст. 855. Брат — Гектор, метал огонь во флот греков.

Ст. 863. Дейфоб — троянец; за него вышла замуж Елена после смерти Париса; она отрезала ему уши и нос и выдала грекам.

Ст. 865. Яростного пса — Цербера.

Ст. 867—868. Обычная у Сенеки неуместная игра числительными; об этой „реторике“ см. вступительную статью.

Ст. 868. Две царственные души — Кассандры и Агамемнона.

Ст. 870–871. Разумеется волна Стикса; эта клятва считалась самой сильной.

Ст. 876—891. Ямбические диметры (◡–́◡–́◡–́◡–́).

Ст. 876. *Сестры мрачные* — фурии.

Ст. 887. *Старец горестный* — Тантал, родоначальник дома Атридов (см. „Тиэст“ ст. 176–199).

Ст. 891. *Дардан* — родоначальник троянцев.

Ст. 915. *Геркейскому Юпитеру* — у алтаря которого пал Приам, отец Кассандры.

Ст. 918. Свобода, т. е. смерть — стоическое представление о смерти как освободительнице души от оков тела. О социальном смысле этого учения о смерти см. вступительную статью.

Ст. 934—999. Сложные размеры: асклепиадовские, гликоновские, трохеические и др. стихи, заключаемые адонисовским стихом (напр., 940, 946).

Хор воспевает Геркулеса и его подвиги.

Ст. 935. *Мачехи гневливой* — жены Юпитера Юноны, которая была мачехой Геркулесу, рожденному Юпитером от смертной женщины Алкмены; Юнона гневалась на Юпитера за его постоянные измены.

Ст. 938. К трем богам войны — Марсу, Беллоне и Виктории — прибавился Геркулес-Алкид.

Ст. 941—955. Для зачатия Геракла Юпитеру понадобилось две ночи, и он задержал Солнце.

Ст. 946. *Феба* — луна.

Ст. 952. *Мужу старому* — Тифону.

Ст. 958–999. Упоминается двенадцать подвигов Геракла.

Ст. 1000. Кассандра играет здесь роль вестника, но она рассказывает свое видение убийства; это придает ее рассказу более зловещий характер.

Ст. 1013. *Ассарак* — древний царь Фригии (в Малой Азии).

Ст. 1026. *Полумуж* — Эгист.

Ст. 1041—1042. Детализация и наглядность в описании кошмарной картины.

Ст. 1048. *Тиэстовой дорогой*. Во время пира

Тиэста, происходившего в этом же дворце, солнце затмилось (см. трагедию „Тиэст“).

Ст. 1059. Строфий — племянник Агамемнона и отец Пилада, друга Ореста.

Ст. 1123—1124. Электра отходит от алтаря и этим лишается безопасности.

Ст. 1154—1155. Мысль, не раз повторяемая Сенекой с намеком на императора Тиберия, а также других, деспотов.

Ст. 1175. Безумие — разумеется безумие Ореста, который убивает свою мать Клитеместру и этим мстит за отца.

ОКТАВИЯ

Ст. 1—33. Анапестические диметры (◡◡–́ ◡◡–́ ◡ –́ ◡◡–́), прерываемые анапестическими монометрами (◡◡–́ ◡◡–́).

Ст. 7. Альциона и ее муж Цеикс были обращены после смерти в морских птиц. Альциона оплакивает Цеикса (см. „Агамемнон“, ст. 783—788).

Ст. 8. Пандиона крылатых детей — дочери афинского царя Пандиона: Прокна, обращенная в соловья, и Филомела, превращенная в ласточку (см. трагедию „Тиэст“, ст. 72, и Агамемнон, ст. 772—779).

Ст. 10. Мать моя, т. е. Мессалина (см. Содержание).

Ст. 21. Мачехи злой—Агриппины (см. Содержание).

Ст. 24. Стигийский — от реки Стикса в преисподней, т. е. похоронный.

Ст. 25. Несчастный отец — император Клавдий, которого отравила Аргиппина.

Ст. 33—34. Повторение стоической тезы Сенеки об обманчивом блеске дворцов.

Ст. 48. От сына — от Нерона; брат его — Британник, сын Клавдия, которого Нерон отравил, видя в нем себе соперника.

Ст. 50. Сестра — Октавия, сводная сестра Нерона.

Ст. 63—106. Анапестические диметры, прерываемые монометрами (см. 64, 67, 70, 84, 88).

Ст. 65—70. Электра, дочь Агамемнона, оплакивала

своего отца и вместе со своим братом Орестом убила свою мать, зарезавшую мужа. См. трагедию „Агамемнон“.

Ст. 98. Злодейства ценой — разумеется отравление Клавдия Агриппиной.

Ст. 102. Смертью — Нерон умертвил свою мать, через которую он сделался императором.

Ст. 104. Великую славу — иронически, т. е. за то, что она таким путем даровала своему сыну власть.

Ст. 140. В челн стигийский — в загробный мир, где ее тень должна переправиться через реку Стикс.

Ст. 141—143. Нерон приказал посадить свою мать Агриппину на корабль и произвести искусственное кораблекрушение, но оно не вполне удалось, и Агриппина спаслась, отделавшись раною в плечо. Тогда Нерон умертвил ее мечом. Это кораблекрушение картинно описывается в хоре, ст. 349—399.

Ст. 156. Сыну своему — Британнику.

Ст. 157. Чужую кровь и семя — т. е. Нерона.

Ст. 162. Кормилица хочет сказать, что в день свадьбы Клавдия был убит Силан, жених Октавии (см. ст. 163—167).

Ст. 164. Женщине — Агриппине.

Ст. 169. Нерон (см. Содержание).

Ст. 222—228. Разумеется наложница Нерона гречанка вольноотпущенница Актэ; памятник — повидимому, часовня в честь богини Афродиты, которую Актэ воздвигает, чтобы она вернула любовь Нерона.

Ст. 232—252. Анапестические диметры, прерываемые монометрами. Кормилица советует Октавии стоически победить скорбь; она указывает ей пример богини Юноны, которая терпеливо переносила все любовные проделки своего мужа Юпитера.

Ст. 240. Созвездия Леды — Кастор и Полукс, дети Юпитера и Леды

Ст. 242. Геба — дочь Юпитера и Юноны, богиня юности.

Ст. 262—266. Эта комета действительно появилась в 66 г. и была видна в течение шести месяцев.

Ст. 271. Тифон — гигант, сын земли.

Ст. 275. Нерон сжигал изображения богов в храмах.

Ст. 284. Домиций Энобарб—первый муж Агриппины.

Ст. 312—416. Анапестические диметры, прерываемые монометрами.

Ст. 322—323. Августа, т. е. Нерона, который, как и первый император Октавиан, назывался Августом (Священным).

Ст. 329. Вождя — Клавдия.

Ст. 331—348. Отрываясь от современности, автор романтически ищет стоических идеалов в далеком прошлом.

Ст. 332. Марсова кровь — первый римский царь Ромул был сын бога войны Марса.

Ст. 334—339. Первый пример — убиение Виргинии отцом. Клавдий, один из правительственной коллегии десяти, пытался сделать своей рабой красавицу Виргинию; ее отец Виргиний, не будучи в состоянии воспротивиться этому, схватил первый попавшийся нож и зарезал дочь.

Ст. 340—343. Второй пример — дочь Коллатина Лукрецию обесчестил сын царя Тарквиния Секст. Не вынеся позора, Лукреция умертвила себя. Из этого возгорелась война с этрусским царем Порсенной, который пытался вернуть изгнанных Тарквиниев.

Ст. 344—348. Третий пример — убийство Туллией ее отца, царя Сервия Туллия; за это ее муж Тарквиний был изгнан из Рима.

Ст. 349—416. Четвертый пример—из недавнего прошлого: стойкое поведение и стоическая смерть Агриппины (ср. дальше, ст. 694—706). Это яркое описание в духе Сенеки контрастирует с более сухим описанием историка Тацита.

Ст. 352. Тирренское море — у западных берегов Италии.

Ст. 378. Супруг — Клавдий.

Ст. 388—389. Как и в других трагедиях, мы видим детализацию и наглядность описания в стиле господствующего класса.

Ст. 409—416. Тацит (Анн. XIV, 8) так описывает последние минуты Агриппины: „Стоят вокруг ее ложа убийцы, и первый триерарх ударил ее палкой по голове, потому

что, когда центурион обнажил меч, она, выставляя живот, воскликнула: „Рази в чрево!“; она умерла от множества ран“.

Ст. 416. Здесь представляется, что душа человека находится в крови и выходит с кровью через раны.

Ст. 417— 440. Хорошо схвачена психоидеология Сенеки и многих представителей его класса (см. вступительную статью).

Ст. 423. В утесах корсиканских — в изгнании см. в ступительную статью).

Ст. 440. Отрываясь от пороков современности, вызванных в своей основе развитием торгового и денежного капитала и городской культуры, стоики идеализировали „золотой век“, якобы существовавший на земле при боге Сатурне; дальнейшая история человечества представлялась как постепенная порча этого блаженного века. Ср. описание „золотого века“ в траг. „Федра“, ст. 575—590.

Ст. 470. Астрея — богиня справедливости.

Ст. 487. Нерон выводится типичным тираном (см. вступительную статью). Такое представление ясно отражает отношение к императору высшего класса.

Ст. 488. Плавта головы и Суллы. Плавт и Сулла — придворные Нерона, его друзья. Заподозрев их в кознях против своей особы (см. ст. 524—526), Нерон сначала сослал Плавта в Азию, Суллу — в Нарбонскую Галлию, а потом приказал умертвить их и издевался над их отрубленными головами.

Ст. 490. В лагеря — где стояла преторианская гвардия.

Ст. 491. Об отношении Сенеки к Нерону см. вступительную статью.

Ст. 537. Чисто стоическое требование Сенеки.

Ст. 552—559. Лесть хитрого ханжи царедворца, каким был Сенека и многие из высшего класса (см. ст. 561—562.)

Ст. 553. Всадники — к этому торгово-денежному цензовому сословию принадлежал Сенека. См. вступительную статью.

Ст. 573. Цезарь — разумеется диктатор Юлий Цезарь, покоритель Галлии, живший в середине I в. до нашей эры.

Ст. 581. Трех вождей — так называемых триумвиров: Октавиана (будущего Августа), Антония и Лепида,

которые для утверждения своей власти, подпираемой мечами солдат, умертвили триста сенаторов и две тысячи всадников, причем списки казнимых были вывешены на форуме (проскрипции); см. ст. 582.

Ст. 590. Филиппы — город в Македонии, где в 42 г. до нашей эры триумвиры нанесли решительное поражение республиканской аристократической оппозиции.

Ст. 590—592. Разумеется морской бой с остатками сторонников вождя Помпея.

Ст. 593—603. Разумеется битва при Актии 31 г. до нашей эры, в которой Октавиан разбил последнего своего врага Антония, выступившего в союзе с Египтом.

Ст. 596. Снова — первый раз бежал туда Гн. Помпей.

Ст. 637. Властитель молний —Юпитер.

Ст. 642—650. Подражание рассуждению кормилицы в трагедии „Федры“ (ст. 213—227); автор повторяет стоическую критику своего класса.

Ст. 660—677. Вопрос об отношении императора к гражданам был чрезвычайно актуален, особенно в среде придворных слоев и высшего класса вообще (см. вступительную статью).

Ст. 680. Метко схвачено отношение к Нерону Сенеки, надоедающего императору своими наставлениями.

Ст. 694—706. Ср. описание кораблекрушения и смерти Агриппины в песне хора, ст. 349—416.

Ст. 720—736. Хотя в этом предсказании как будто есть черточки, которые говорят за то, что автор знал судьбу Нерона: „бегство жалкое“ (ст. 723), а мы знаем, что Нерон бежал из своего дворца босой, в одной рубашке (ср. ст. 736), „покинутый, низверженный и нищий“, однако это предсказание все же слишком обще, чтобы думать, что автор писал после низвержения Нерона.

Ст. 754—797. Анапестические диметры, прерываемые монометрами.

Ст. 784—790. Опять романтические грезы о славном прошлом Рима, к которым особенно прибегала деградировавшая аристократия.

Ст. 787. Намек на современную автору практику;

„достойным“ — очевидно, с точки зрения автора, в моральном отношении.

Ст. 808. Был поражен сенат — это место прекрасно схватывает раболепие и лесть римского сената (см. вступительную статью).

Ст. 816. Фетиду — морскую богиню, от которой, по мифу, родился греческий герой Ахилл.

Ст. 875—892. Анапестические диметры.

Ст. 876—885. О любовных похождениях Юпитера см. ст. 232—249.

Ст. 886. Потомки — Елены Прекрасной, дочери Тиндара, Тиндариды (ст. 890).

Ст. 889—890. Разумеется троянская война, возгоревшаяся из-за похищения Елены Парисом.

Ст. 921—938. Анапестические диметры.

Ст. 930—931. Ахиллу свирепому. Греческий герой Ахилл был настолько поражен стрелами Купидона, что, когда Агамемнон отнял у него наложницу Бризеиду, он в гневе бросил войну с троянцами.

Ст. 933—934. Троянская война разгорелась из-за любви Париса к Елене.

Ст. 937—1024. Новая характеристика Нерона как деспота в его отношении к народу.

Ст. 942—943. Смерть — слабое наказание в глазах тирана — часто повторяемая и в других трагедиях мысль с намеком на Тиберия и Нерона.

Ст. 948—952. Намек на грандиозный пожар Рима в 64 г. уничтоживший больше трети столицы, любуясь которым Нерон декламировал стихи о сожжении Трои. Следовательно, трагедия написана не ранее, как через два года после умерщвления Октавии (в 62 г.).

Ст. 1002—1108. Анапестические диметры, прерываемые монометрами.

Ст. 1007—1012. Разумеется Тиберий и Кай Гракхи, либеральные аристократы, предлагавшие во второй половине II в. до н. эры аграрные реформы с целью остановить процесс пролетаризации мелких земельных собственников и убитые консервативной сенатской аристократией.

Ст. 1013—1015. Разумеется Ливий Друз, народный трибун первой половины I в. до н. эры, попытавшийся прекратить классовую борьбу плебеев с патрициями изданием закона, по которому суды должны быть отданы поровну сенаторам и „всадникам“. За это он был убит в своем доме сенатской партией.

Ст. 1015. Ф а с к и — здесь вообще отличие магистрата.

Ст. 1021—1024. Хор заключает частой в трагедиях стоической тезой, в которой находили утешение многие представители высшего класса.

Ст. 1041—1049. В соловья была превращена Прокна, оплакивающая смерть своего сына Итиса (см. ст. 8).

Ст. 1058—1066. Разумеется Агриппина, дочь Агриппы и дочери Октавиана-Августа Юлии, жена Германика, после смерти которого император Тиберий заточил ее на остров Пандатарию, где она после долгих мук умерла от голода.

Ст. 1067—1069. Ливия, жена Друза, брата Тиберия, убила своего мужа, за что была казнена Тиберием.

Ст. 1070—1072. Дочь Ливии и Друза Юлия безо всякой вины была сослана в изгнание и там умерщвлена.

Ст. 1076. С л у г а — разумеется Силий, за которого в отсутствие императора Клавдия вышла замуж Мессалина (см. Содержание).

Ст. 1092. Б о г и н ь — т. е. фурий.

Ст. 1098—1108. Хор просит легкие ветры унести Октавию в безопасное место, в храм Дианы, подобно тому, как они унесли из Авлиды дочь Агамемнона Ифигению и спасли ее от смерти (см. „Агамемнон“, ст. 172); хор находит, что северная земля Тавров, где была скрыта Ифигения, менее жестока, чем Рим: тавридский царь Тоант приносит богам в жертву чужестранцев, Рим же упивается кровью своих граждан.

СОДЕРЖАНИЕ

$^{1}/_{8}$ 28 Сенека

Редактор Н. Ф. Дератани
Технич. редактор Г. Л. Гилес.
Сдана в набор 27/I 1932 г.
Подписана к печати 27/IX 1932 г.
Издат. № 20. Бумага 74 × 105 см.
($^1/_{16}$). Печ. листов $13^5/_8$. Типограф. знаков в печ. листе 55000.
Главлит № Б 16319. Тираж 5250.
Бум. лист $6^3/_4$.
Типограф. „Печатный Двор“.
Ленинград, Гатчинская 26.